

КОНСЕРВАТОР N 4

КОНФУЦИЙ И ДРУГИЕ О ВИНЕ И ИСТИНЕ

*Поэтому в данную минуту больше чем когда-либо
следует помнить, что целью обучения является не столько
приобретение знаний, сколько дисциплина ума.*

Джон Рескин. Лекции об искусстве

Санкт-Петербург

2009

Альманах

Консерватор

Почти научное, популярное издание

Редакционная коллегия:

Кириллов Алексей Николаевич

редактор

Васильев Виктор Петрович

Осипов Александр Васильевич

издатель

В оформлении обложки использована картина Н. А. Максимовой

ISBN

© А.В. Осипов, 2009
© А.Л. Неучев, "Родословная чисел", 2009
© Издательство "АВИС", 2009

歲寒然後知松柏之後彫也
陸文定公明高孔夫子道像於石石書於

РАЗГОВОР О ГУМАНИЗМЕ И ДОСТИЖЕНИИ ИСТИНЫ

*... это тяжелое занятие дал Бог сынам человеческим,
чтобы они упражнялись в нем.*

(Еккл.1: 13)

Ред.: Действительно тяжелое занятие. Особенно когда читаешь представленные к обсуждению главы 13-16 из переводов «Лунь-Юя». Одновременно с тягучим и назойливым гуманизмом очень неприятный пассаж о каком-то мандарине, который нанялся на работу к убийце своего брата (XIV:18). И описание выходки самого Конфуция, который вдруг, ни с того ни с сего бьет палкой старого человека, требуя, чтобы тот немедленно умер (XIV: 46). Жалко старика.

Вот я и хочу Вас спросить: отчего вдруг столь возвышенный и повышенный интерес к учениям, столь далеким во времени и пространстве и столь неестественным для наших традиционных представлений о морали?

В.П.: Мне кажется, что каждый раз, когда мы обсуждаем «Диалоги», Вы настаиваете на обсуждение как-то иначе, чем я. И видите что-то иное, или под иным углом. Если Вы негативно настроены уже до разговора, то, конечно, вряд ли обратите внимание на то, что хотел сказать или показать мудрец.

Ред.: При чем тут настройка и «угол зрения»? Я вижу, что появляется большое количество книг о Конфуции. Даже показали обстоятельный фильм, который я посмотрел со вниманием и поразился тому, как комментируется эпизод со стариком, которого Конфуций бьет палкой по лодыжкам. Помимо прочего, авторы фильма подчеркивают, что Конфуций являлся реформатором и был в постоянной оппозиции к властям. Естественно, возникает вопрос, — с какой стати великий реформатор древнего Китая вдруг попал в консерваторы?

В.П.: Фильм я не видел и ничего сказать не могу, но Конфуций был консерватором в самом классическом понимании слова «консерватор» — человек, который считает, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов.

Ред.: Столыпин тоже был консерватором, но при этом был человеком жестким.

В.П.: Я не считаю Столыпина консерватором. Он просил двадцать лет спокойной жизни, но ведь это и было его задачей. А какой станет страна — это

уже дело Бога или ее народа. Мне кажется, что те методы, которые он использовал, не способствовали «улучшению нравов».

Ред.: Оставим Столыпина. Что же сам Конфуций в эпизоде XIV:46? Он был и жестким, и жестоким.

В.П.: Я не знаю, почему старик сидел на корточках, но в любом случае не вижу в поведении Конфуция ничего неестественного. Не понимаю, почему здесь следует говорить о грубости. Конфуций ударяет по лодыжке вовсе не с целью сделать больно. Он призывает его подняться. Трактовать «сидение на корточках» можно по-разному: например, как признак подавленного или удрученного состояния.

Ред.: Вряд ли здесь речь может идти об «удрученном состоянии». В солидной книге, изданной десять лет назад, я читаю, что Юань Жан — «давнишний знакомец Конфуция, отличавшийся исключительной эксцентричностью в своих поступках. Слыл ниспровергателем ритуальных канонов». Но даже и в этом случае не стоит, наверное, бить человека палкой.

В.П.: Конфуций и не бьет его палкой. Мы ведь иногда ударяем друга по плечу, вовсе и не желая причинить ему боль или оскорбить, а наоборот, обрадовавшись ему или желая его поддержать. И в этом случае мы также используем глагол «ударять». Думаю, что и в китайском языке нет глагола, соответствующего действию «слегка ударять, чтобы привлечь к себе внимание». Я не думаю также, что в случае с Юань Жаном мы имеем дело с ребяческим поведением человека, не соответствующим его возрасту. Но и здесь не было бы ничего странного в том, что Конфуций призывает его «думать о вечном», вести себя «соответственно». Мы избегаем обычно разговоров о смерти, нам они зачастую кажутся ужасными или неприятными или кокетливыми, но мудрец должен, наверное, раньше или позже затронуть эту тему.

Но мне понятнее другая интерпретация. Если представить себе, что человек сидит в той позе, которую мы называем «на корточках», то по лодыжкам достаточно трудно попасть. Лодыжки в этом случае прикрыты нижней частью туловища. И если человек сидит в позе «по-турецки» или «по-японски», то и в этом случае не слишком естественно обращать на себя внимание таким образом. Думаю, что все-таки приятель Конфуция находился в другой позе, — на коленях, наклоненный немного вперед, — позе, которую можно увидеть в храмах и в России, и в Китае. Попов в своих комментариях указывает:

Говорят, что Юань-Жан был старый приятель Конфуция, у него умерла мать, и он, вероятно, пришел к нему за помощью; но его непочтительная поза вызвала со стороны Конфуция упреки в варварстве.

Я согласен с первой частью, но мне непонятен переход к непочтительности. Думаю, что все-таки Конфуций хочет поддержать своего приятеля в его скорби. Он призывает его встать и говорит, что его мать прожила достойную жизнь: когда она была девушкой, то отличалась послушанием, любовью к родителям и братьям и сестрам. Она пользовалась уважением земляков, когда

стала старше. Она трудилась всю свою жизнь, и вот пришло ее время умирать. Что ж делать! Только бездельники не умирают!

Ред.: Бездельники тоже умирают!

В.П.: Да, это неудачно. Но, может быть, здесь вариант, связанный с выражением «умереть для мира». Или аллегорический смысл сказанного Конфуцием состоит в том, что при «нормальном» правлении у властителя должно появиться желание уйти, известная усталость. Или что-либо еще. Например, такой вариант:

Как отмечал Бланио: «Событие — это провал настоящего, время без настоящего, с которым у меня нет связи, и в направлении которого я не способен проецировать себя. Ибо в нем Я не умирает. Я утратило способность умереть. В этом провале «умирается» — вечно умирается, но никогда не удаётся умереть».

Философский словарь

Ред.: Этого я никогда не пойму.

В.П.: Я тоже не понимаю, но хочу подчеркнуть, что у глагола «умереть» большое количество вариантов использования, с различными оттенками понимания. Очень похоже на то, что мы имеем дело с каким-то фразеологическим оборотом, который со временем затерялся, затерялся. Или мы его не можем обнаружить. Но в любом случае я не думаю, что здесь может идти речь о жестокости или жесткости. Я просто чувствую, что эти версии противоречат нескольким другим эпизодам «Лунь-юя». Они у меня вызывают ощущение диссонанса.

Что касается эпизодов XIV:17-18, то здесь другая тема — можно ли считать Гуань-чжуна «гуманистом». Я согласен, слово «гуманный» несколько «заезженное» в переводах Конфуция. Иногда оно заменяется «снисходительностью», иногда выражением «любовь к людям», иногда говорится о «совершенном человеке», иногда о «благородном человеке». Но если Вы обратите внимание, то заметите, что, как правило, оно означает «нормального человека» в смысле душевных качеств. Как бы состояние здоровья в противовес болезненным отклонениям. Это «состояние нормальности» совсем непросто описать. Как, например, и состояние здоровья. Каковы признаки «образцового здоровья» человека? И кроме того: предположим, что нам предложили такую персону. За нее взяли врачи, чтобы проверить, все ли так уж и идеально. Конфуций утверждает, что они обязательно найдут у него какую-нибудь болезнь.

Такое состояние есть и у общества. Назовем это состояние «гуманностью». Или, лучше, чтобы не отвлекаться на обсуждение этимологии слова, назовем как-нибудь абстрактно. Например, «лямбда-состояние». Или состояние «жэнь». Вопрос: существует ли состояние «жэнь» в чистом виде? Конфуций не говорит, что «нет». Он говорит: «не встречал». То же самое и в обществе. Есть некоторое состояние «жэнь». Является ли оно идеалом, к которому нужно стремиться? По-видимому, да, но не знаю. Подобное состояние мы предпола-

гаем и у наших «серых клеточек», то есть нейронов. В идеале, в «чистом виде», в том виде, как они «были задуманы» Создателем.

Ред.: Мне кажется, что Вы используете классический философский трюк, чтобы уйти от прямого ответа: изобретаете новые термины, создавая иллюзию научности. В результате я так и не понял, можно ли считать Гуань-чжуна гуманистом?

В.П.: То есть человеком, который не нарушает моральные нормы? Или параллельный вопрос: можно ли в случае с правителем высокого ранга применять те же критерии, что и в случае простолюдина? Конфуций приводит характерный пример. Мы можем привести более современные примеры.

Ред.: Да уж, примеров достаточно. Вот только как-то не хотелось бы мириться с таким «идеалом».

— Нет, нет, не совсем потому, — ответил Порфирий. — Все дело в том, что в ихней статье все люди как-то разделяются на «обыкновенных» и «необыкновенных». Обыкновенные должны жить в послушании и не имеют права переступить закона, потому что они, видите ли, обыкновенные. А необыкновенные имеют право делать всякие преступления и всячески преступать закон, собственно потому, что они необыкновенные. Так у вас, кажется, если только не ошибаюсь?

— Да как же это? Быть не может, чтобы так! — в недоумении бормотал Разумихин.

Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание

В.П.: Попробуйте сказать о своих недоумениях тем историкам, которые пишут об Александре Македонском или императоре Наполеоне! Я не думаю, что Конфуций оправдывает вообще всякую жестокость власти, но здесь он говорит о человеке, сохранившем единство страны.

Ред.: При нем ходили с распущенными волосами. Это, по-видимому, нечто вроде разрешения носить бороду у нас. Нечто вроде этакого патриотического символа. Однако на многих портретах Конфуций изображен с косою.

В.П.: Я не замечал. Впрочем, даже если бы это было и так. Ну и что? Многие и из наших отечественных мудрецов не носили бороды. Но при этом с почтением к ней относились. У Ломоносова есть даже «Гимн бороде». Но возвращаясь к Конфуцию, я хочу сказать, что в его тезисе нет, по-моему, оправдания жестокости, но призыв относиться к людям, облеченным властью, по-иному. Такое отношение есть и в нашей традиции. Например, после того как апостол Павел грубо ответил первосвященнику в том эпизоде, который мы вспоминали, когда обсуждали выражение «стена подбеленная», произошло следующее:

Предстоящие же сказали: первосвященника Божия поносить?

Павел сказал: я не знал, братия, что он первосвященник; ибо написано: начальствующего в народе твоём не злословь. (Деян.23: 4,5)

Ред.: Злословить мы, конечно, любим. Но ведь не о злословии сказано, а о том, что «сделался министром у убийцы его». Или «маньчжурские косички» оправдывают его? Или «всякая власть от Бога»?

В.П.: Не знаю. Мне кажется, что Конфуций не призывает оправдывать, а призывает не осуждать. И Аристотель был советником Александра Македонского, и Сенека у Нерона, и Иоанн у Ирода.

Ибо Ирод боялся Иоанна, зная, что он муж праведный и святой, и берег его; многое делал, слушаясь его, и с удовольствием слушал его. (Мар.6: 20)

Ред.: Как все это гармонично и консервативно! Я могу только заметить, что и выходит, что господин Раскольников прав.

Я только в главную мысль мою верю. Она именно состоит в том, что люди, по закону природы, разделяются вообще на два разряда: на низший (обыкновенных), то есть, так сказать, на материал, служащий единственно для зарождения себе подобных, и собственно на людей, то есть имеющих дар или талант сказать в среде своей новое слово. Подразделения тут, разумеется, бесконечные, но отличительные черты обоих разрядов довольно резкие: первый разряд, то есть материал, говоря вообще, люди по натуре своей консервативные, чинные, живут в послушании и любят быть послушными. По-моему, они и обязаны быть послушными, потому что это их назначение, и тут решительно нет ничего для них унижительного. Второй разряд, все преступают закон, разрушители, или склонны к тому, судя по способностям. Преступления этих людей, разумеется, относительноны и многообразны; большею частью они требуют, в весьма разнообразных заявлениях, разрушения настоящего во имя лучшего. Но если ему надо, для своей идеи, перешагнуть хотя бы и через труп, через кровь, то он внутри себя, по совести, может, по-моему, дать себе разрешение перешагнуть через кровь, — смотря, впрочем, по идее и по размерам ее, — это заметьте.

В.П.: Вы, по-моему, несколько упрощаете, и, упрощая, тянете несколько в другую сторону. Все-таки речь идет не о двух разрядах людей, а о государе и о служении государю.

Ред.: Пусть будет так, как Вы объясняете. Хорошо, но как же в такой ситуации могла идти речь о том, что Гуань-чжун должен был укорять Хуань-Гуна (XIV:23). Я просто не могу себе это представить.

В.П.: Я тоже. Поэтому мы и публикуем два варианта. Мне представляется, что более соответствует стилю Конфуция другой: Будь прям и честен перед Государем. Так бы я перевел.

Ред.: Таким образом, благородная деятельность благородного Хуань-Гуна способствует, конечно, улучшению нравов.

В.П.: Я не знаю. Просто не знаю больше ничего о Хуань-Гуне и не знаю, называл ли его Конфуций благородным человеком.

Ред.: Но он же называет благородным Цюй-бо-юя, который был «прям как стрела» и в то же время служил, как в те времена, когда в государстве царил закон, так и во времена беззакония (XV:6). Правда, при этом он скрывал свои убеждения! В чем же тогда честность и прямота?

В.П.: Подождите! Что-то не так в нашем диалоге. Вы воспринимаете меня как человека, понимающего все учение Конфуция.

Ред.: А как еще я должен Вас воспринимать, если Вы взялись растолковать нам это учение?

В.П.: Нет, я взялся представить переводы, в которых что-то понимаю, а что-то и нет. Я думаю, что если найдется человек, который скажет, что он все понимает, то Вы и сами назовете его обманщиком. Вас ведь раздражает, когда Вы сталкиваетесь с человеком, который все знает, обо всем судит, у которого как бы нет сомнений ни в чем. Об этом говорит и сам Конфуций (XV:25): *Я еще застал, как историки оставляли сомнительные места в стороне (для исследования и исправления).*

Ред.: Попов, правда, в примечании пишет: *Предполагая в этом параграфе пропуск, вследствие которого объяснение смысла его является делом сомнительным, толкователи благоразумно советуют не прибегать к насильственному объяснению его. Ввиду ничтожного значения самой фразы — потеря небольшая.*

В.П.: Тем самым Попов, написав это примечание, и дает объяснение смысла. Причем смысла, имеющего далеко не ничтожное значение.

С другой стороны, я хотел бы обратить Ваше внимание еще на один тезис (XIV:25): *В древности люди учились для себя, а теперь учатся для других.*

Если Вы будете хотеть понять, то поймете. Если у Вас не появится желание понимать, то мы не сможем разобраться. Мне кажется, что принципиально важным является близкий по духу принцип (VII:17): *Учись так, как будто боишься не достигнуть результата, да еще опасаться потерять его.*

Ред.: Разве Ваш мудрец не говорил ли еще и о том, что благородный человек должен ясно излагать мысль?

В.П.: Да, конечно, но обратите внимание — у Конфуция заметна двойственность: если двое пытаются разобраться в чем-то, найти истину, то один должен бояться неверно изложить мысль, а другой — бояться не уловить мысль (то есть не достигнуть результата).

Ред.: Да, я боюсь «не уловить мысль», поэтому Вас и спрашиваю. И это, я чувствую, Вас начинает утомлять.

В.П.: Нет, но дело в том, что я и сам не знаю ответа. Истина и мне неизвестна. Но мне без Вас ее не достичь, а Вы не боитесь ее потерять. Вот в чем проблема.

Ред.: Как же вы собираетесь «достичь истины», если Вам эта истина неизвестна? Чего вы собираетесь достигать? Искать то, «не знаю что»?

В.П.: В каком-то смысле именно так. Потому это и «тяжелое занятие».

Ред.: Ну что же. Пожелаем читателю терпения и успехов в поиске неизвестных истин, а мне надо отдохнуть от этого тяжелого занятия.

THE SAYINGS OF
C O N F U C I U S

Translated by Leonard A. Lyall

Изречения
К О Н Ф У Ц И Я

учеников его и других лиц

перевел П.С. Попов

BOOK XIII

1. Tzu-lu asked how to rule.

The Master said, Go before; work hard.

When asked to say more, he said, Never flag.

Цзы-лу спросил: В чем состоит правление? Философ ответил: в том, чтобы предупреждать народ своим примером и трудиться для него. На просьбу о дальнейших объяснениях Философ сказал: Не ленись.

2. When he was steward of the Chi, Chung-kung asked how to rule.

The Master said, Let officers act first; overlook small faults, lift up brains and worth.

Chung-kung said, How shall I get to know brains and worth to lift them up?

Lift up those thou dost know, said the Master; and those thou dost not know, will other men pass by?

Чжун-гун, сделавшись правителем у фамилий Цзи, спросил об управлении. Философ сказал: Сначала обращай внимание на подчиненных чиновников, прощай малые ошибки и возвышай достойных и способных. Чжун-гун сказал: Как узнавать достойных и способных и возвышать их? — Возвышай известных тебе, а неизвестных тебе люди не бросят.

3. Tzu-lu said, The lord of Wei (Tzu-lu was his officer) waits for you, Sir, to govern. How shall ye begin?

Surely, said the Master, by putting names right.

Indeed, said Tzu-lu, that is far-fetched, Sir. Why put them right?

What a savage Yu (Tzu-lu) is! said the Master. A gentleman is tongue-tied when he does not understand. If names are not right, words do not fit. If words do not fit, affairs go wrong. If affairs go wrong, neither courtesy nor music thrive. If courtesy and music do not thrive, law and justice fail. And if law and justice fail them, the people can move neither hand nor foot. So a gentleman must be ready to put names into speech and words into deed. A gentleman is nowise careless of his words.

Цзы-лу сказал: Вэйский государь (Чу-гун-чжэ) ожидает вас (Философ), чтобы с вами управлять государством. С чего вы намерены начать? Необходимо исправить имена. Вот как! Вы далеко заходите. К чему это исправление? Дикарь ты, Ю, отвечал философ. Благородный муж осторожен по отношению к тому, чего не знает. Если имя неправильно (не соответствует действительности), то слово будет противоречить делу, а когда слово противоречит делу, то дело не будет исполнено, а если дело не будет исполнено, то церемонии и музыка не будут процветать; а если церемонии и музыка не будут процветать, то наказания не будут правильны; а когда наказания будут извращены, то народ не будет знать, как ему вести себя. Поэтому для благородного мужа необходимо, чтобы имя он непременно мог сказать и слово исполнить и чтобы в словах его не было ничего бесчестного (недобросовестного).

4. Fan Ch'ih asked to be taught husbandry.

The Master said, An old husbandman knows more than I do.

He asked to be taught gardening.

The Master said, An old gardener knows more than I do.

After Fan Ch'ih had gone, the Master said, How small a man! If those above love courtesy, no one will dare to slight them; if they love right, no one will dare to disobey; if they love truth, no one will dare to hide the heart. Then, from the four corners of the earth, folk will gather with their children on their backs; and what need will there be for husbandry?

Фань-чи просил научить его земледелию. Философ ответил: Я хуже опытного земледельца. (Ну), прошу научить огородничеству. Философ ответил: Я хуже опытного огородника. Когда Фань-чи вышел, Философ сказал: Мелкий человек — этот Фань-суй. Если наверху любят церемонии, то народ не осмелится быть непочтительным; если наверху любят правду, то народ не осмелится не покоряться; если наверху любят искренность, то народ не осмелится не выражать привязанности. А при таких условиях народ, неся в пеленках за плечами своих малых детей, устремится к вам. Зачем же заниматься земледелием?

5. The Master said, Though a man have conned three hundred poems, if he stands helpless when put to govern, if he cannot answer for himself when he is sent to the four corners of the earth, many as they are, what have they done for him?

Конфуций сказал: Человек прочитает весь Ши-цзин, а дадут ему какое-нибудь правительственное дело, то он не понимает его; пошлют его в чужое государство, он не в состоянии один справиться (отвечать) с ним. Хоть он и много знает (по объему), но какая от этого польза?

6. The Master said, The man of upright life is obeyed before he speaks; commands even go unheeded when the life is crooked.

Конфуций сказал: Если сам правитель корректен, то народ без приказаний будет исполнять (что нужно); если же он сам не корректен, то, хотя бы он приказывал, его не слушают.

7. The Master said, The governments of Lu and Wei are brothers.

Философ сказал: Государства Лу и Вэй по своему правлению сходны между собой.

8. Speaking of Ching, of the ducal house of Wei, the Master said, He was wise in his private life. When he had begun to save, he said, This seems enough. When he grew better off, he said, This seems plenty. When he had grown rich, he said, This seems splendour.

Философ отозвался о Вэйском княжиче Цзине, что он умел жить (хозяйничать). Как только у него появилось кое-что, он говорил: кое-как накапливается; когда у него был малый достаток, он говорил: кое-как наполняется, а когда разбогател, то говорил: однако славно.

9. When Jan Yu was driving him to Wei, the Master said, What numbers!

Jan Yu said, Since numbers are here, what next is needed?

Wealth, said the Master.

And what comes next after wealth?

Teaching, said the Master.

Философ отправился в Вэй с Жань-Сю в качестве кучера и (обратившись к нему) сказал: Как много народа? Жань сказал: коль скоро много, то что еще можно было бы прибавить? Обогащать его, отвечал Философ. А когда он разбогатеет, то что еще можно бы сделать для него? Научить его, отвечал философ.

10. The Master said, If I were employed for a twelve-month, much could be done. In three years all would be ended.

Философ сказал: Если бы кто воспользовался мною для службы, то через год правление было бы уже порядочное, а через 3 года оно было бы совершенно устроено.

11. The Master said, If good men were to govern a land for an hundred years, cruelty would be conquered and putting to death done away with. How true are these words!

Философ сказал: Если бы хорошие люди управляли государством сто лет, то тогда возможно бы было победить жестоких и уничтожить казни. Верны эти слова.

12. The Master said, Even if a king were to govern, a lifetime would pass before love dawned!

Философ сказал: Если бы появился государь, проникнутый чувством законности, то по истечении века (поколения) воцарилось бы человеколюбие.

13. The Master said, What is governing to a man that can rule himself? If he cannot rule himself, how shall he rule others?

Философ сказал: Если кто исправит себя, то какая трудность для него участвовать в управлении; если же кто не в состоянии исправить самого себя, то каким образом он будет исправлять других.

14. As the disciple Jan (Jan Yu. He was in the service of the Chi, not of the Duke of Lu.) came back from court, the Master said to him, Why so late?

I had business of state, he answered.

Household business, said the Master. If it had been business of state, though I am out of office, I should have heard of it.

Когда Жань-цзы возвратился из дворца, то Философ сказал: Почему так поздно? Жань-цзы отвечал: Были государственные дела. На это Философ возразил: Вероятно это было частное дело; потому что, если бы были государственные дела, то я бы знал о них, несмотря на то, что я не у дел.

15. Duke Ting asked, Is there any one saying that can bless a kingdom?

Confucius answered, That is more than words can do. But men have a

saying, To be lord is hard and to be minister is not easy. And if one knew how hard it is to be lord, might not this one saying almost bless a kingdom?

And is there any one saying that can wreck a kingdom?

That is more than words can do, Confucius answered. But men have a saying, My only delight in being lord is that no one withstands what I say. Now if what he says is good, and no one withstands him, is not that good too? But if it is not good, and no one withstands him, might not this one saying almost wreck a kingdom?

Дин-гун спросил: Возможно ли одним словом возвысить государство? Конфуций отвечал: От (одного) слова нельзя ожидать таких результатов. Людская пословица говорит: Быть государем трудно, но не легко быть и министром. Если будем понимать, что трудно быть государем, то разве нельзя надеяться одним этим словом поднять государство? А бывало ли, чтобы одно слово губило государство? Конфуций ответил: От (одного) слова нельзя ожидать этого. Народная пословица говорит: „Я не радуюсь быть правителем, потому что словам его только поддакивают и никто не противоречит ему«. Если слова его хороши и им не противоречат, разве это не хорошо? Если же они нехороши и им не противоречат, не близко ли это к тому, что одно слово губит государство?

16. The Duke of She asked, What is kingcraft?

The Master answered, For those near us to be happy and those far off to come.

Шэ-гун спросил о правлении. Философ ответил: Правление хорошо, когда окружающие (близкие) довольны, а отдаленные приходят к тебе.

17. When he was governor of Ch? — fu, Tzu-hsia asked how to rule.

The Master said, Be not eager for haste; look not for small gains. Nothing done in haste is thorough, and looking for small gains big things are left undone.

Цзы-ся, сделавшись правителем города Цзюй-фу, спросил о том, как управлять. Философ ответил: Не торопись и не гонись за малыми выгодами. Будешь торопиться, не разумеешь дела, будешь гоняться за малыми выгодами, большого дела не сделаешь.

18. The Duke of She told Confucius, Among the upright men of my clan if the father steals a sheep his son bears witness.

Confucius answered, Our clan's uprightness is unlike that. The father screens his son and the son screens his father. There is uprightness in this.

Шэ-гун в разговоре с Конфуцием сказал: В нашей деревне был один прямолинейный парень; отец его удержал (угнал) чужого барана, а сын явился в качестве доказчика. Конфуций сказал: В нашей деревне прямолинейные люди отличаются от этого (ваших): у нас отец прикрывает сына, сын прикрывает отца. В этом есть прямота.

19. Fan Ch'ih asked, What is love?

The Master said, To be humble at home, earnest at work, and faithful to all. Even among wild tribes none of this must be dropped.

На вопрос Фань-чи о гуманизме Философ отвечал: Будь скромнен в частной жизни, управляй делами с благоговейным вниманием, будь искренен к людям; хотя бы ты ушел к дикарям, и там нельзя бросать этого.

20. Tzu-kung asked, What is it that we call knighthood?

The Master said, To be called a knight, a man must be shamefast in all that he does, if he is sent to the four corners of the earth he must not disgrace his lord's commands.

May I ask who would come next?

He that his clansmen call a good son and his neighbours call modest.

And who would come next?

A man that clings to his word and sticks to his course, a flinty little fellow, would perhaps come next.

And how are the crown servants of to-day?

What! The weights and measures men! said the Master. Are they worth reckoning?

Цзы-гун спросил: Каков должен быть тот, кого можно назвать ученым? Философ сказал: Ученым можно назвать того, кто не зазорен в своем поведении и, будучи послан в чужие края, не посрамит повеления государя. Смее спросить: кто будет следующий за этим? Тот, сказал Философ, кто в своем роде известен сыновнею почтительностью, а между односельчанами — братскою любовью. А следующий за этим смее спросить? Тот, кто непременно остается верен своему слову и непременно приводит в исполнение то, что делает; таким образом крепкие и ограниченные люди все таки могут занимать следующее место (в разряде ученых) Цзы-гун сказал: А каковы настоящие участники в правлении? Эх, ответил Философ, стоит ли брать в расчет этих мелких людишек.

21. The Master said, As I cannot get men of the middle way I have to fall back on zealous and austere men. Zealous men push ahead and take things up, and there are things that austere men will not do.

Философ сказал: за неимением людей, идущих путем неуклонной середины, с которыми я мог бы иметь дело, я непременно обратился бы к людям пылким и сдержанным, потому что первые берут натиском; а у вторых есть нечто, чего они не сделают (ничего противозаконного).

22. The Master said, The men of the south have a saying, 'Unless he is stable a man will make neither a wizard nor a leech.' This is true. 'His instability of mind may disgrace him.'

The Master said, Neglect of the omens, that is all.

Конфуций сказал: У южан есть поговорка: Человек, не обладающий постоянством, не может быть ни знахарем, ни доктором. Прекрасно. (В И-цзине сказано): непостоянный в своем призвании иногда может подвергнуться посрамлению. (Философ сказал): Это известно (так должно быть) и без гадания.

23. The Master said, Gentlemen unite, but are not the same. Small men are all the same, but each for himself.

Философ сказал: Благородный муж миролюбив, но не льстив, а низкий льстив, но не миролюбив.

24. Tzu-kung said, If the whole countryside loved a man, how would that be?

It would not do, said the Master.

And how would it be, if the whole countryside hated him? It would not do, said the Master. It would be better if all the good men of the countryside loved him and all the bad men hated him.

Цзы-гун сказал: Что вы скажите о человеке, которого все земляки одобряют (любят)? Не годится (т. е. что на этом основании еще нельзя решить, что он хороший человек), сказал Философ. А что вы скажете о человеке, которого все земляки ненавидят? Тоже не годится, сказал Философ. Лучше тот, которого любят хорошие земляки и ненавидят нехорошие.

25. The Master said, A gentleman is easy to serve and hard to please. If we go from the Way to please him, he is not pleased; but his commands are measured to the man. A small man is hard to serve and easy to please. Though we go from the Way to please him, he is pleased; but he expects everything of his men.

Философ сказал: Благородному человеку легко служить, но трудно угодить; угождаешь ему не по закону, он не будет доволен. Что касается употребления им людей на службу, то он дает им дело, смотря по

их способностям. Подлому человеку трудно служить, но легко угодить; потому что, хотя угрожаешь ему и не по закону, но он будет доволен. Что же касается употребления им людей на службу, то он ищет таких, которые были бы способны на все.

26. The Master said, A gentleman is high-minded, not proud; the small man is proud, but not highminded.

Философ сказал: Благородный муж отличается спокойным достоинством, но не тщеславлен; а подлый человек наоборот тщеславлен, но не имеет спокойного достоинства.

27. The Master said, Strength and courage, simplicity and modesty are akin to love.

Философ сказал: Человек твердый, решительный, безыскусственный и простоватый подходит близко к гуманизму.

28. Tzu-lu asked, When can a man be called a knight?

The Master said, To be earnest, encouraging and kind may be called knighthood: earnest and encouraging with his friends, and kind to his brothers.

Цзы-лу спросил: Каков должен быть человек, чтобы можно было назвать его ученым? Ученым можно назвать того, кто настойчив, убедителен, (неотвязчив) и ласков. По отношению к другим настойчив и убедителен, по отношению к братьям любезен.

29. The Master said, If a good man taught the people for seven years, they would be fit to bear arms too.

Когда хороший человек будет учить народ в течение 7 лет, то с таким народом можно идти на войну.

30. The Master said, To take untaught men to war is called throwing them away.

Философ сказал: Посылать на войну людей не обученных (вышеуказанной премудрости) значит бросать их.

BOOK XIV

1. Hsien (The disciple Y?an Ssu) asked, What is shame?

The Master said, To draw pay when the land keeps the Way and to draw pay when it has lost the Way, is shame.

Сянь спросил: Что постыдно? Философ ответил: Думать только о жалованье, когда в государстве царит порядок, и думать только о том же, когда в нем нет порядка — это постыдно.

2. To eschew strife and bragging, spite and greed, would that be love?

The Master said, That may be hard to do; but I do not know that it is love.

Когда тщеславие, самомнение, ропот и алчность подавлены, то можно ли это считать за совершение трудного дела, но гуманизм ли это — я не знаю.

3. The Master said, A knight that is fond of ease does not amount to a knight.

Философ сказал: Ученый, думающий о спокойствии и удобствах, не заслуживает этого имени.

4. The Master said, Whilst the land keeps the Way, be fearless of speech and fearless in deed; when the land has lost the Way, be fearless in deed but soft of speech.

Философ сказал: Когда в государстве царит порядок, то как речи, так и действия могут быть возвышенны и смелы; но когда в государстве царит беззаконие, то действия могут быть возвышенны, но слова покорны.

5. The Master said, A man of mind can always talk, but talkers are not always men of mind. Love is always bold, though boldness is found without love.

Философ сказал: Человек, одаренный добродетелями, без сомнения, обладает даром слова, но обладающий даром слова не всегда бывает одарен добродетелями; человек гуманный конечно обладает храбростью, но храбрость не всегда соединяется с гуманностью.

6. Nan-kung Kuo said to Confucius, Yi (Yi was killed by his best pupil, who said to himself, In all the world no one but Yi shoots better than I do. So he killed him.) shot well, Ao pushed a boat over land: each died before his time. Y? and Chi toiled at their crops, and had all below heaven.

The Master did not answer. But when Nan-kung Kuo had gone, he said, What a gentleman he is! How he honours mind!

Нань-гун-ко спросил Конфуция: И стрелял искусно, а Ао двигал лодку посуху и оба умерли неестественной смертью. Юй и Цзи лично занимались земледелием и получили вселенную. Философ не отвечал. Когда Нань-гун-ко вышел, то Философ сказал: Благородный муж этот человек, уважающий достоинства этот человек.

7. The Master said, Alas! there have been gentlemen without love! But there has never been a small man that was not wanting in love.

Философ сказал: Что благородный муж бывает иногда не гуманен — это случается; но чтобы низкий человек был гуманным — этого не бывает.

8. The Master said, Can he love thee that never tasks thee? Can he be faithful that never chides?

Философ сказал: Любящий человек разве может не поощрять к труду (того, кого он любит)? Преданный разве может не вразумлять (своего государя)?

9. The Master said, The decrees were drafted by P'i Shen, criticised by Shih-shu, polished by the Foreign Minister Tzu-y?, and given the final touches by Tzu-ch'an of Tung-li.

Философ сказал: При составлении приказов в уделе Чжэн, Би-шэнь писал начерно, Ши-шу обсуждал, заведующий посольским приказом Цзы-юй исправлял, а Дун-ли'ский Цзы-чань отделывал (слог).

10. When he was asked what he thought of Tzu-ch'an, the Master said, A kind-hearted man.

Asked what he thought of Tzu-hsi, the Master said, Of him! What I think of him!

Asked what he thought of Kuan Chung (See note to Book III, 22), the Master said, He was the man that drove the Po from the town of Pien with its three hundred households to end his days on coarse rice, without his muttering a word.

Некто спросил Философа о Цзы-чане, он отвечал: Милосердный че-

ловека. Спросили его о Цзы-си, он сказал: А, тот-то! а, тот-то! Спросили его о Гуань-чжуна, он сказал: Это тот человек, для которого у фамилии Бо был отнят город Пянь с 300 семейств; Бо, питаюсь грубою пищею, до конца дней своих не произнес ни одного слова ропота (против Гуань-чжуна, преклоняясь пред его достоинствами и сознавая свою вину).

11. The Master said, Not to grumble at being poor is hard, not to be proud of wealth is easy.

Философ сказал: Быть бедным и не роптать — трудно; быть богатым и не гордиться — легко.

12. The Master said, Meng Kung-ch'o is more than fit to be steward of Chao or Wei, but he could not be minister of T'eng or Hsieh.

Философ сказал: Мэн-гун-чо, сделавшись министром двора у Чжао и Вэй был с избытком годен для этого поста, но не мог бы быть вельможей в Тэн и Сюе.

13. Tzu-lu asked what would make a full-grown man.

The Master said, The wisdom of Tsang Wu-chung, Kung-ch'o's lack of greed, Chuang of Pien's boldness and the skill of Jan Ch'iu, graced by courtesy and music, might make a full-grown man.

But now, he said, who asks the like of a full-grown man? He that in sight of gain thinks of right, who when danger looms stakes his life, who, though the bond be old, does not forget what he has been saying all his life, might make a full-grown man.

На вопрос Цзы-лу о совершенном человеке философ отвечал: Если взять знание Цзан У-чжуна, безстрастие Гун-чо, мужество Бяньского Чжуан-цзы, искусство Жань-цю и красить церемониями и музыкой, то такого еще можно было бы признать совершенным. Для современных совершенных людей, прибавил он, зачем непременно такая роскошь; если ныне человек, при виде корысти, думает о долге, при виде опасности, готов пожертвовать жизнью, отдает людям давно обещанное и не забывает слов, данных в жизни, то и такого можно назвать совершенным.

14. Speaking of Kung-shu Wen, the Master said to Kung-ming Chia, Is it true that thy master does not speak, nor laugh, nor take a gift?

Kung-ming Chia answered, That is saying too much. My master only speaks when the time comes, so no one tires of his speaking; he only laughs when he is merry, so no one tires of his laughter; he only takes when it is right to take, so no one tires of his taking.

It may be so, said the Master; but is it?

Философ спросил у Гун-мин-цзя о Гун-шу-вэнь-цзы: Правда ли, что твой учитель не говорит, не смеется и не берет взяток? Гун-мин-цзя отвечал: сказавший вам пересоллил. Мой учитель говорит во время, и потому его речь не надоедает людям, смеется, когда весел, и его смех не надоедает людям, берет, когда справедливость допускает, и люди не тяготятся тем, что он берет. Так-то! Неужели это так?

15. The Master said, When he held Fang and asked Lu to appoint an heir, though Tsang Wu-chung said he was not forcing his lord, I do not believe it.

Философ сказал: Цзан-у-чжун, владея местом Фан, просил Лу'ского князя о назначении ему преемника. Хотя и говорят, что он не вымогал этого у своего государя, я не верю тому.

16. The Master said, Duke Wen of Chin was deep, but dishonest; Duke Huan of Ch'i was honest, but shallow.

Философ сказал: Цзинь'ский Вэнь-гун (635-627) лукав и не прям, а Ци'ский Хуань-гун (683-640) прям и не лукав.

17. Tzu-lu said, When Duke Huan slew the young duke Chiu, and Shao Hu died with him, but Kuan Chung did not, was not this want of love? (Chiu and Huan were brothers, sons of the Duke of Ch'i. When their father died, their uncle seized the throne. To preserve the rightful heir, Shao Hu and Kuan Chung fled with Chiu to Lu, whilst Huan escaped to another state. Later on the usurper was murdered, and Huan returned to Ch'i and secured the throne. He then required the Duke of Lu to kill his brother and deliver up to him Shao Hu and Kuan Chung. This was done. But on the way to Ch'i Shao Hu killed himself. Kuan Chung, on the other hand, took service under Duke Huan, became his chief minister, and raised the state to greatness.)

The Master said, Duke Huan gathered the great vassals round him, not by chariots of war, but through the might of Kuan Chung. What can love do more? What can love do more?

Цзы-лу сказал: Когда Хуань-гун умертвил княжича Цю, то Шао-ху умертвил себя, а Гуань-чжун остался жив. Не могу ли я сказать, что он не был гуманист? Философ сказал: Что Хуань-гун соединил удельных князей не силою оружия — это заслуга Гуань-Чжуна. Кто был так человеколюбив как он? Кто был так человеколюбив как он?

18. Tzu-kung said, When Duke Huan slew the young duke Chiu, and Kuan Chung could not face death and even became his minister, surely he showed want of love?

The Master said, By Kuan Chung helping Duke Huan to put down the great vassals and make all below heaven one, men have fared the better from that day to this. But for Kuan Chung our hair would hang down our backs and our coats would button to the left; or should he, like the bumpkin and his lass, their troth to keep, have drowned in a ditch, unknown to anyone?

Цзы-гун сказал: Мне кажется Гуань-чжун не гуманист. Когда Хуань-гун умертвил княжича (своего брата) Цзю, то он не только не мог умереть вместе с ним, но еще сделался министром у убийцы его. На это философ заметил: Гуань-чжун, в качестве министра Хуаньгуна, поставил его во главе удельных князей, объединил и упорядочил всю вселенную, и народ до сего времени пользуется его благодеяниями. Если бы не Гуань-чжун, мы ходили бы с распущенными волосами и запахивали левую полу (т. е. были бы дикарями). Разве можно требовать от них щепетильности (малой верности) простых мужиков и баб, умерщвляющих себя в канавах и рвах в полной неизвестности?

19. The minister Hsien, who had been steward to Kung-shu Wen, went to audience of the Duke together with Wen.

When the Master heard of it, he said, He is rightly called Wen (well-bred).

Чиновник Гунь-шу-Вэнь-цзы'ев, министр его (управляющий его домом), Шань вместе с самим Вэнь-цзы поступил на службу к сюзеренному двору. Услышав об этом, Философ сказал: Его можно назвать «Вэнь», т.е. образованный.

20. The Master spoke of Ling Duke of Wei's contempt for the Way.

K'ang (Chi K'ang) said, If this be so, how does he escape ruin?

Confucius answered, With Chung-shu Y? in charge of the guests, the reader T'o in charge of the Ancestral Temple, and Wang-sun Chia in charge of the troops, how should he come to ruin?

Философ отзывался о Вэйском князе Лине, как о человеке беспутном. Кан-цзы на это сказал: Если он так беспутен, то почему он не потерял трона? Конфуций сказал: у него Чжун шу-ю управляет иностранными делами. Чжу-то — жертвенными, Ван-Сунь-цзя — военными. При таких условиях как же он может потерять трон?

21. The Master said, When words are unblushing, they are hard to make good.

Тот, кто бесстыдно хвастается, тому трудно исполнять (свое слово).

22. Ch'en Ch'eng murdered Duke Chien. (481 b.c., two years before the death of Confucius, who was not at the time in office. Chien was Duke of Ch'i, a state bordering on Lu. The three chiefs were the heads of the three great clans that were all-powerful in Lu.)

Confucius bathed, and went to court and told Duke Ai, saying, Ch'en Heng has murdered his lord: pray, punish him.

The Duke said, Tell the three chiefs.

Confucius said, As I follow in the wake of the ministers, I dared not leave this untold; but the lord says, Tell the three chiefs.

He told the three chiefs. It did no good. Confucius said, As I follow in the wake of the ministers, I dared not leave this untold.

Когда Чэнь-Чэн цзы умертвил Цзянь-гуна, тогда Конфуций обмылся и, представившись во дворце, заявил Ай-гуну (своему государю): Чэнь-чэн убил своего государя, прошу о наказании его. Гун сказал ему: сообщите трем именитым мужам. Конфуций сказал самому себе: так как я принадлежал к вельможам, то не смел не объявить об этом государю, а он говорит объяви трем именитым мужам. Пошел к ним, а они объявили ему, что нельзя (требовать наказания). Тогда Кун-цзы и им сказал, что, как состоявший в числе вельмож, он не смел не заявить им.

23. Tzu-lu asked how to serve a lord.

The Master said, Never cheat him; stand up to him.

Цзы-лу спросил: Как нужно служить государю? Философ отвечал: Не обманывай и укоряй его в лицо.

24. The Master said, A gentleman's life leads upwards; the small man's life leads down.

Философ сказал: Благородный муж постепенно поднимается вверх (по пути нравственного и умственного усовершенствования), а подлый человек постепенно опускается вниз (погрязает в страстях).

25. The Master said, The men of old learned for their own sake; to-day men learn for show.

Философ сказал: В древности люди учились для себя, а ныне учатся для других.

26. Ch'ü Po-yü? sent a man to Confucius.

As they sat together, Confucius asked him, What does your master do?

He answered, My master wishes to make his faults fewer, but cannot.

When the messenger had left, the Master said, A messenger, a messenger indeed!

Цюй-бо-юй послал человека к Конфуцию. Сидя с ним, Конфуций спросил его: Чем занимается твой господин? Он желает уменьшить свои погрешности и не может, отвечал посланный. По уходе посланного Конфуций сказал: Вот так посланный, вот так посланный!

27. The Master said, When not in office discuss not policy.

Конфуций сказал: Не занимая известного места, не мешайся в дела его (не суйся не в свое дело).

28. Tseng-tzu said, Even in his thoughts, a gentleman does not outstep his place.

Цзэн-цзы сказал: Мысли благородного мужа не выходят из пределов его положения.

29. The Master said, A gentleman is shamefast of speech: his deeds go further.

Цзэн-цзы сказал: Благородный муж скромнен в своих словах, но неумерен в своих действиях; или: мало говорит, но много делает.

30. The Master said, In the way of the gentleman there are three things that I cannot achieve. Love is never troubled; wisdom has no doubts; courage is without fear.

That is what ye say, Sir, said Tzu-kung.

Конфуций сказал: у благородного мужа есть 3 предмета, которых я не в состоянии достигнуть: человеколюбия без скорби, знания без заблуждения и храбрости без страха. Цзы-гун на это сказал: это ты сам говоришь учитель из скромности (а другие говорят не то).

31. Tzu-kung would liken this man to that.

The Master said, What talents Tz'u has! Now I have no time for this.

Когда Цзы-гун сравнивал (пересуживал) людей, то Философ сказал: Ты сам должно быть добродетельный человек; а вот у меня нет досуга для этого.

32. The Master said, Sorrow not at being unknown; sorrow for thine own shortcoming.

Философ сказал: Не беспокойся, что люди тебя не знают, а беспокойся о своей неспособности.

33. The Master said, Not to expect to be cheated, nor to look for falsehood, and yet to see them coming, shows worth in a man.

Философ сказал: Не предполагать обмана и не подозревать недоверия к себе со стороны, но в то же время наперед прозревать их — это ум.

34. Wei-sheng Mou said to Confucius, How dost thou still find roosts to roost on, Ch'iu, unless by wagging a glib tongue?

Confucius answered, I dare not wag a glib tongue; but I hate stubbornness.

Вэй-шэн Му, обратившись к Конфуцию, сказал: Цю, зачем ты здесь засел? Уже не сделался ли ты льстецом? Нет, отвечал Конфуций, я не смею заниматься лестью; но я ненавижу упрямство.

35. The Master said, A steed is not praised for his strength, but praised for his mettle.

Философ сказал: Отличный конь не славится за силу, а за качества.

36. One said, To mete out good for evil, how were that?

And how would ye meet good? said the Master. Meet evil with justice; meet good with good.

Некто сказал: Что вы скажете о воздаянии добром за обиду? На это Конфуций сказал: А чем же тогда платить за добро? (Следует) воздавать справедливостью (должным) за обиду и добром за добро.

37. The Master said, Alas! no man knows me!

Tzu-kung said, Why do ye say, Sir, that no man knows you?

The Master said, Never murmuring against Heaven, nor finding fault with men; learning from the lowest, cleaving the heights. I am known but to one, but to Heaven.

Философ сказал: Люди не знают меня. На это Цзы-гун сказал: Что значит это не знают Вас? Философ сказал: Я не ропщу на небо, не виню людей и, изучая низшее, достигаю понимания высшего. Кто знает меня — это не небо ли?

38. Liao, the duke's uncle, spake ill of Tzu-lu to Chi-sun (The head of the Chi clan, in whose service Tzu-lu was.)

Tzu-fu Ching-po told this to Confucius, saying, My master's mind is surely being led astray by the duke's uncle, but I have still the strength to expose his body in the market-place.

The Master said, If the Way is to be kept, that is the Bidding, and if the Way is to be lost, this is the Bidding. What can the duke's uncle do against the Bidding?

Гун-бо ляо оклеветал Цзы-лу пред Цзи-сунем. Цзы-фу Цзин-бо донес об этом Конфуцию, говоря: мой господин (Цзи-сун) действительно введен в заблуждение Гун-бо ляо, но у меня еще достаточно силы, чтобы выставить его (Гун-бо ляо) труп на площади (рынке). На это Конфуций сказал: Пойдет ли мое учение или уничтожится — это зависит от судьбы. Что же может сделать с судьбой Гун-бо ляо?

39. The Master said, Men of worth flee the world; the next best flee the land. Then come those that go at a look, then those that go at words.

Конфуций сказал: Люди умные и нравственные удаляются от мира (когда во вселенной царит беззаконие); другие удаляются из страны (т. е. из государства, объятаго смутой, в государство, наслаждающееся покоем); другие удаляются от небрежного обращения (при упадке вежливости); а другие удаляются из-за слов (оскорбительных конечно).

40. The Master said, Seven men did so.

Философ сказал: Удалившихся таким образом было 7 человек.

41. Tzu-lu spent a night at Shih-men.

The gate-keeper asked him, Whence comest thou?

From Confucius, answered Tzu-lu.

The man that knows it is no good and yet must still be doing? said the gate-keeper.

Цзы-лу заночевал в Ши-мыне. Привратник у городских ворот спросил его: ты откуда? От Конфуция, отвечал Цзы-лу. Тогда привратник сказал: А, это тот, который, сознавая невозможность (исправить мир), тем не менее действует?

42. When the Master was chiming his sounding stones in Wei, a basket-bearer said, as he passed the door, The heart is full that chimes those stones! But then he said, For shame! What a tinkling sound! If no one knows thee, have done!

Wade the deep places,

Lift thy robe through the shallows!

The Master said, Where there's a will, that is nowise hard.

Философ, находясь в царстве Вэй, ударял в било. Человек с плетушкой за плечами, проходивший у ворот дома фамилии Кун, сказал: с ду-

шою ударяющий в било. Потом он прибавил: как отвратителен ты со своими назойливыми звуками! Не хотят знать тебя, ну и останись. Где глубоко, там переpravляются в платье, а где мелко, там поднимают его. На это Философ сказал: (Как он) решителен (в своем отрешении от мира)! Но это нетрудно.

43. Tzu-chang said, What does the Book mean by saying that Kao-tsung (An emperor of the Yin dynasty.) in his mourning shed did not speak for three years?

Why pick out Kao-tsung? said the Master. The men of old were all thus. For three years after their lord had died, the hundred officers did each his duty and hearkened to the chief minister.

Цзы-чжан сказал: В Шу-цзин сказано, что (Инь'ский) Гао-цзун (1323-1263 до Р.Х.) пребывал в трауре 3 года и не говорил — что это значит? На это Философ сказал: Зачем непременно Гао-цзун? Так поступали все древние люди. Когда государь умирал, то все чины исполняли свои обязанности, подчиняясь решению первого министра в течение трех лет.

44. The Master said, When those above love courtesy, the people are easy to lead.

Философ сказал: Когда правитель любит церемонии, то народом легко повелевать.

45. Tzu-lu asked, What makes a gentleman?

The Master said, To be bent on becoming better.

Is that all? said Tzu-lu. By becoming better to bring peace to men.

And is that all? By becoming better to bring peace to all men, said the Master. Even Yao and Shun were still struggling to become better, and so bring peace to all men.

На вопрос Цзы-лу, что значит быть благородным человеком, Философ сказал: С благоговением относиться к самоусовершенствованию. Это все? сказал Цзы-лу. Исправлять самого себя, чтобы чрез это доставлять спокойствие людям (ближним), сказал Философ. Это все, сказал Цзы-лу. Философ сказал: Исправлять себя для доставления спокойствия народу, о трудности этого скорбели даже Яо и Шунь.

46. Y?an Jang awaited the Master squatting.

Unruly when young, unmentioned as man, undying when old, spells good-for-nothing! said the Master, and he hit him on the leg with his staff.

Юань-жан (старый знакомый Конфуция) сидел (по варварски) на корточках, поджидая Конфуция. Философ сказал: Кто в юности не отличался послушанием и братской любовью, возмужав, не сделал ничего замечательного, состарился и не умирает, тот разбойник (т. е. человек вредный для общества) и при этом ударил его палкой по лодыжке.

47. When a lad from the village of Ch'eh was made messenger, someone asked, saying, Is it because he is doing well?

The Master said, I have seen him sitting in a man's seat, and seen him walking abreast of his elders. He does not try to do well: he wishes to be quickly grown up.

Когда мальчик из деревни Цюе докладывал, то некто спросил Конфуция: Преуспевает? Философ отвечал: Смотри на то, что он занимает место (с нами), идет со старшими рядом, я думаю, что он не стремится к преуспеванию, а желает поскорее достигнуть совершенства.

BOOK XV

1. Ling, Duke of Wei, asked Confucius about the line of battle.

Confucius answered, Of the ritual of dish and platter (for sacrifice) I have heard somewhat: I have not learnt warfare.

He left the next day.

In Ch'en grain ran out. His followers were too ill to rise. Tzu-lu showed that he was put out.

Has a gentleman to face want too? he said. Gentlemen have indeed to face want, said the Master. The small man, when he is in want, runs to excess.

На вопрос Вэйского (князя) Лин-гуна о военном деле (строе) Конфуций отвечал: Дело жертвоприношений мне известно, но военного дела я не изучал. На следующий день он пустился в путь (т. е. ушел из Вэй). Во время истощения продовольствия в царстве Чэнь, ученики Конфуция заболели от голода и не могли подняться. Тогда Цзы-лу в досаде, явившись к Конфуцию, сказал: Видно и благородный человек бывает в стесненном положении! Философ отвечал: Благородный человек строго соблюдает себя в стесненном положении, тогда как подлый, находясь в стесненном положении, делается распущенным (т. е. способ-

ным на всякие беззакония). (Или: Конечно бывает, отвечал Конфуций, но подлый человек, когда бывает в стесненном положении, то делается распущенным).

2. The Master said, Tz'u (Tzu-kung), dost thou not take me for a man that has learnt much and thought it over?

Yes, he answered: is it not so?

No, said the Master. I string all into one.

Философ сказал: Цы (цзы-гун), ты считаешь меня многоученным и знающим. Тот отвечал: Конечно. А разве нет? Нет, сказал Философ, я одним все связываю.

3. The Master said, Yu (Tzu-lu: probably said to him on the occasion mentioned in 1), how few men know greatheartedness!

Философ сказал: Ю, знающих добродетель мало.

4. The Master said, To rule doing nothing, was what Shun did. For what is there to do? Selfrespect and to set the face to rule, is all.

Философ сказал: Управлявший вселенною без деятельности — это ведь был Шунь? Что ему было делать, как не сидеть на троне с самоуважением!

5. Tzu-chang asked how to get on.

The Master said, Be faithful and true of word, plain and lowly in thy walk; thou wilt get on even in tribal lands. If thy words be not faithful and true, thy walk not plain and lowly, wilt thou get on even in thine own town? Standing, see these words ranged before thee; driving, see them written upon the yoke. Then thou wilt get on.

Tzu-chang wrote them on his girdle.

Цзы-чжан спросил: Как сделаться известным? Философ сказал: При искренности и верности в слове, твердости и благоговении в деятельности, и в царстве дикарей можно преуспевать (сделаться известным). При отсутствии этих качеств, хотя бы даже в близком соседстве, разве можно преуспеть? Когда стоишь, представляй, что они (эти качества) предстоят пред тобою; когда находишься в экипаже, представляй, что они опираются на ярмо и тогда преуспеешь (пойдешь). Цзы-чжан записал эти слова на поясе.

6. The Master said, Straight indeed was the historian Y?! Like an arrow whilst the land kept the Way; and like an arrow when it lost the Way! What a gentleman was Ch'? Po-y?! Whilst the land kept the Way he took office,

and when the land had lost the Way he rolled himself up in thought.

Философ сказал: Какой прямой человек историк Юй! Он был (прямо) как стрела, как в то время, когда в государстве царил закон, так и во время беззакония. Какой благородный человек Цюй-бо-юй! Когда в государстве царил закон, он служил, а когда в нем царило беззаконие, то он скрывал свои убеждения в своей душе.

7. The Master said, Not to speak to him that has ears to hear is to spill the man. To speak to a man without ears to hear is to spill thy words. Wisdom spills neither man nor words.

Философ сказал: Не говорить с человеком, с которым можно говорить, значит потерять человека; говорить с человеком, с которым нельзя говорить — значит терять слова. Умный человек не теряет человека и не теряет слов.

8. The Master said, A high will, or a loving heart, will not seek life at cost of love. To fulfill love they will kill the body.

Философ сказал: Ученый с твердою волею (направленною к гуманным целям) и гуманист не стремятся сохранить жизнь во вред гуманизму, а жертвуют собою для сохранения в целостности последнего.

9. Tzu-kung asked how to attain to love.

The Master said, A workman bent on good work must first sharpen his tools. In the land that is thy home, serve those that are worthy among the great and make friends with loving knights.

На вопрос Цзы-гуна о том, как сделаться гуманистом, Философ сказал: Ремесленник, желая хорошо исполнить свою работу, предварительно непременно оттачивает свои инструменты. Живя в известном государстве, служи его достойным сановникам и дружись с его гуманными учеными (т. е. желая быть гуманистом, водись с гуманистами).

10. Yen Y?an asked how to rule a kingdom.

The Master said, Follow the Hsia seasons, drive in the chariot of Yin, wear the head-dress of Chou, take for music the Shao and its dance. Banish the strains of Cheng and flee men that are glib; for the strains of Cheng are wanton and glib speakers are dangerous.

На вопрос Янь-юаня о том, как устроить государство, Философ сказал: Руководствоваться счислением времени династии Ся; ездить в колеснице династии Инь; носить шапку династии Чжоу; употреблять

музыку Шао с пантомимами; исключить Чжэн'ский напев и удалять льстецов, потому что первый сладострастен, а вторые опасны.

11. The Master said, Without thought for far off things, there shall be trouble near at hand.

Философ сказал: Человек, не имеющий дальних замыслов, без сомнения подвергнется близкой скорби.

12. The Master said, All is ended! I have seen no one that loves mind as he loves looks!

Философ сказал: Кончено (увы)! Я не видал, чтобы люди любили так добродетель, как любят красоту.

13. The Master said, Did not Tzang Wen filch his post? He knew the worth of Liu-hsia Hui (Another of these seigneurs du temps jadis that is more to us than a dim shadow, for he still lives in the pages of Mencius, who tells us that, He was not ashamed of a foul lord, and did not refuse a small post. On coming in he did not hide his worth, but held his own way. Neglected and idle, he did not grumble; straitened and poor, he did not mope. When brought together with country folk he was quite at his ease and could not bear to leave them. Thou art thou, he said, and I am I: standing beside me with thy coat off, or thy body naked, how canst thou defile me? (Book X, chapter 1). He stopped if a hand was raised to stop him, for he did not care whether he went or no (Book III, chapter 9.), and did not stand by him.

Философ сказал: Цзан Вэнь-чжун — ведь он незаслуженно занимал свой пост? Потому что он знал о достоинствах Лю-Ся-уй'я и не служил с ним при дворе (т. е. не старался рекомендовать его своему государю).

14. The Master said, By asking much of self and little of other men ill feeling is banished.

Философ сказал: Если будешь требователен к самому себе и снисходителен к другим, то избавишься от ропота.

15. The Master said, Unless a man say, Would this do? Would that do? I can do nothing for him.

Философ сказал: Если человек не говорит: как же быть? как же быть? то и я не знаю как с ним быть.

16. The Master said, When all day long there is no talk of right, and little wiles find favour, the company is in hard case.

Философ сказал: Трудно тем, которые, проводя целые дни в компании, не обмолвятся словом о (делах) долга, а только любят пробавляться своим хитроумием.

17. The Master said, Right is the stuff of which a gentleman is made. Done with courtesy, spoken with humility, rounded with truth, right makes a gentleman.

Философ сказал: Благородный муж, признавая справедливость за основу (своей деятельности), проводит ее при помощи правил, церемоний, проявляет ее в уступчивости и завершает ее искренностью. (Толк. Чэн-Цзы). Вот это благородный муж.

18. The Master said, His shortcomings trouble a gentleman; to be unknown does not trouble him.

Философ сказал: Благородный муж болеет о своей неспособности, а не о том, что люди не знают его.

19. The Master said, A gentleman fears that his name shall be no more heard when life is done.

Философ сказал: Благородный муж скорбит, что по смерти его имя не будет прославлено (потому что это показало бы, что он не сделал ничего, заслуживающего прославления).

20. The Master said, A gentleman asks of himself, the small man asks of others.

Философ сказал: (Впрочем,) благородный муж ищет (причины своих неудач) в себе самом, а подлый человек ищет их в других. (т. е. упрекает за неудачи себя, а не других).

21. The Master said, A gentleman is firm, not quarrelsome; a friend, not a partisan.

Философ сказал: Благородный муж важен, но не сварлив, общителен, но не партиожен.

22. The Master said, A gentleman does not raise a man for his words, nor spurn the speech for the man.

Философ сказал: Благородный муж не рекомендует людей из-за (их хороших) слов и не отвергает хороших слов из-за людей (т. е. потому, что они были сказаны людьми нехорошими).

23. Tzu-kung said, Is there one word by which we may walk till life ends? The Master said, Fellow-feeling, perhaps. Do not do unto others what thou wouldst not have done to thee.

Цзы-гун сказал: Есть ли слово, которым можно было бы руководствоваться всю жизнь? Философ сказал: Это — снисходительность; чего сам не желаешь, того не делай другим.

24. The Master said, Of the men that I meet, whom do I cry down, whom do I overpraise? Or, if I overpraise them, it is after testing them. It was owing to this people that the three lines of kings went the straight way.

Философ сказал: В моих отношениях к людям — кого я поносил и кого превозносил? Если кто и был превозносим мною, то не без испытания. Современный народ тот же что и народ трех династий, который посему также поступает по присущему ему закону справедливости.

25. The Master said, I have still known historians that would leave a gap in their text, and men that would lend a horse to another to ride. Now it is so no more.

Философ сказал: Я еще застал, как историки оставляли сомнительные места в стороне (для исследования и исправления) и как, имевшие лошадей, одоуждали их другим для езды, но теперь этого нет.

26. The Master said, Cunning words confound the mind; petty impatience confounds great projects.

Философ сказал: Льстивые (вкрадчивые) речи запутывают добродетель (правду), а маленькое нетерпение расстраивает великие замыслы.

27. The Master said, The hatred of the many must be looked into; the love of the many must be looked into.

Философ сказал: Когда все ненавидят, или любят кого-либо, необходимо подвергать это проверке.

28. The Master said, The man can exalt the Way: it is not the Way that exalts the man.

Философ сказал: Человек может расширить истину, но не истина человека.

29. The Master said, The fault is to cleave to a fault.

Философ сказал: Ошибки, которые не исправляются, вот настоящие ошибки.

30. The Master said, I have spent whole days without food and whole nights without sleep, thinking, and gained nothing by it. Learning is better.

Философ сказал: Я целые дни проводил без пищи и целые ночи без сна, но нашел, что одни размышления бесполезны, что лучше учиться.

31. The Master said, A gentleman thinks of the Way; he does not think of food. Sow, and famine may follow; learn, and pay may come; but a gentleman grieves for the Way; to be poor does not grieve him.

Философ сказал: Благородный муж заботится об истине, а не о насущном хлебе. Вот земледелие, но и в нем скрывается возможность голода; а вот учение, в котором скрывается и жалование. Благородный муж беспокоится о том, что он не достигнет познания истины, а не о том, что он беден.

32. The Master said, What wisdom has got will be lost again, unless love hold it fast. Wisdom to get and love to hold fast, without dignity of bearing, will not be honoured among men. Wisdom to get, love to hold fast and dignity of bearing, without courteous ways are not enough.

Философ сказал: Если, достигнув знания (истины, законов), мы не в состоянии будем хранить его при помощи гуманности, то, по приобретении, непременно потеряем его. Если знание достигнуто и мы сможем хранить его при помощи гуманности, но будем управлять без соблюдения внешнего достоинства, то народ не будет уважать нас. Но если и знание (законов, истины) достигнуто, и мы сможем хранить его при помощи гуманности, и будем управлять с достоинством, но не будем вдохновлять народ при помощи обрядовых правил, то это нехорошо.

33. The Master said, A gentleman has no small knowledge, but he can carry out big things: the small man can carry out nothing big, but he may be knowing in small things.

Философ сказал: Благородный муж иногда может не знать мелочей, но может нести важные обязанности; между тем как мелкий человек не может нести важных обязанностей, но он может проявить свое знание в малых делах.

Другой перевод: Благородный муж едва ли может показать себя в мелочах, но он (благодаря своим талантам и добродетели) в состоянии нести важные обязанности. Ничтожный же человек не может нести важных обязанностей, но может показать себя в малых делах.

34. The Master said, Love is more to the people than fire and water. I have seen men come to their death by fire and water: I have seen no man that love brought to his death.

Философ сказал: Народ нуждается в гуманности более, чем в огне и воде; я видел людей, умиравших от огня и воды, но не видел умиравших от того, что они были гуманны.

35. The Master said, When love is at stake yield not to an army.

Философ сказал: В гуманности не уступай и учителю.

36. The Master said, A gentleman is consistent, not changeless.

Философ сказал: Благородный муж прям и тверд (непоколебим), но не упрям.

37. The Master said, A servant of the king honours his work, and puts food after it.

Философ сказал: Служа государю, заботься о своем деле, (а потом уже о жаловании).

38. The Master said, Learning knows no rank.

Философ сказал: Для учения нет категорий (ни добрых, ни злых).

39. The Master said, Mingle not in projects with a man whose way is not thine.

Философ сказал: Люди, идущие различными путями, не могут работать вместе.

40. The master said, The whole end of speech is to be understood.

Философ сказал: От слов требуется только, чтобы они были понятны.

41. When he saw the music-master Mien, the Master said, as they came to the steps, Here are the steps. On coming to the mat, he said, Here is the mat. When all were seated, the Master told him, He and he are here.

After the music-master had gone, Tzu-chang said, Is this the way to speak to a music-master?

The Master said, Surely it is the way to help a music-master. (The man being blind, as so many musicians are in the East.)

Когда учитель музыки (капельмейстер) Мяннь, представляясь Конфуцию, приблизился к крыльцу, то Философ сказал: (здесь) крыльцо; когда музыкант подошел к рогожке, (на которой обыкновенно сидели), он сказал ему: (здесь) рогожка. Когда оба сели, философ объявил ему: здесь такой-то; а здесь такой-то. Когда слепой музыкант ушел, то Цзычжан спросил: Следует ли так говорить с музыкантом? Да, это непререваемое правило для того, кто ведет слепого, отвечал философ.

BOOK XVI

1. The Chi was about to make war on Chuan-y? (A small feudatory state of Lu.) When Confucius saw Jan Yu and Chi-lu, (Tzu-lu. He and Jan Yu were in the service of the Chi.) they said to him, The Chi is going to deal with Chuan-y?.

Confucius said, After all, Ch'iu, (Jan Yu.) art thou not in the wrong? The kings of old made Chuan-y? lord of Tung Meng. (A mountain in Chuan-y?. Since the Emperor had given the ruler of Chuan-y\»u the right to sacrifice to its mountains, that state had some measure of independence, though it was feudatory to Lu, and within its borders.) Moreover, as Chuan-y\»u is inside our borders it is the liege of the spirits of earth and corn of our land; so how can ye make war upon it?

Jan Yu said, Our master wishes it. Tzu-lu and I, his two ministers, do not, either of us, wish it.

Confucius said, Ch'iu, Chou Jen used to say, 'He that can put forth his strength takes his place in the line; he that cannot stands back.' Who would take to help him a man that is no stay in danger and no support in falling? Moreover, what thou sayest is wrong. If a tiger or a buffalo escapes from his pen, if tortoiseshell or jade is broken in its case, who is to blame?

Jan Yu said, But Chuan-y? is now strong, and it is near to Pi (A town belonging to the Chi.); if it is not taken now, in days to come it will bring sorrow on our sons and grandsons.

Ch'iu, said Confucius, instead of saying 'I want it,' a gentleman hates to plead that he needs must. I have heard that fewness of men does not vex a king or a chief, but unlikeness of lot vexes him. Poverty does not vex him, but want of peace vexes him. For if wealth were even, no one would be poor. In harmony is number; peace prevents a fall. Thus, if far off tribes will not submit, bring them in by encouraging mind and art, and when they come in give them peace. But now, when far off tribes will not submit, ye two, helpers of your lord, cannot bring them in. The kingdom is split and falling, and ye cannot save it. Yet inside our land ye plot to move spear and shield! The sorrow of Chi's grandsons will not rise in Chuan-y?, I fear: they will rise within the palace wall.

Когда фамилия Цзи намеревалась сделать нападение на феодальное владение Чжуань-юй, Жань-лу и Цзи-лу, явившись к Конфуцию, сказали: Цзи намерены вступить в войну с Чжуань-юй. Тогда Конфуций сказал: Цю, на самом деле не твоя ли это вина? Ведь Чжуань-юйский владетель сделан был владетелем горы Дун-мэн в старину прежним царем; кроме того, владение его находится в пределах княжества (Лу) и владетель его есть подданный сюзеренного двора. С какой же стати нападать на него? На это Жань-ю сказал: Наш господин желает этого, а мы оба не желаем. Конфуций сказал: Цю, Чжоу-жень говаривал: покажи силу своего содействия, оставаясь на посту; не можешь — удались. Если вожак не поддерживает в опасном месте и не удерживает от падения, то на что нужен он? Кроме того, твои слова ошибочны. Когда тигр, или носорог выскочат из клетки, или же черепаха и яшма будут изломаны, находясь в шкапу, то чья это будет вина?

Жань-ю на это сказал: В настоящее время владение Чжуань-юй сильно и смежно с городом Би; если теперь не взять его, то впоследствии оно непременно будет предметом беспокойства для потомства фамилии Цзи. На это Конфуций сказал: Цю, благородный муж не любит, когда люди умалчивают о своих корыстных побуждениях и непременно приискивают отговорки. Я слышал, что правители государства и главы домов не беспокоятся о том, что у них мало людей, а печалются о неравномерном распределении, не опасаются бедности, а опасаются смуты; потому что при равномерном распределении богатств нет бедных, при согласии не бывает недостатка в людях, а при спокойствии невозможно падение государства. Поэтому, если отдаленные народы не идут с покорностью, то для привлечения их следует заботиться о просвещении и равственности, а когда придут, следует доставить им спокойную жизнь (а не принуждать к военной службе). Теперь вы, Ю и Цю, помогаете вашему господину, а отдаленные народы не покоряются, и вы не в состоянии привлечь их;

его государство распадается, народ удаляется и разбредается, и вы не можете сохранить его; а тут задумываете еще поднять войну внутри государства. Я боюсь, что опасность для Цзы-суня не в Чжуань-юй'е, а в стенах дома.

2. Confucius said, When the Way is kept below heaven, courtesy, music and punitive wars flow from the Son of heaven. When the Way is lost below heaven, courtesy, music and

punitive wars flow from the great vassals. When they flow from the great vassals they will rarely last for ten generations. When they flow from the great ministers they will rarely last for five generations. When underlings sway the country's fate they will rarely last for three generations. When the Way is kept below heaven power does not lie with the great ministers. When the Way is kept below heaven common folk do not argue.

Конфуций сказал: Когда во вселенной царит порядок (закон), то церемонии, музыка и войны исходят от сына неба; когда же в ней царит беззаконие, то церемонии, музыка и войны исходят от удельных князей. Когда все это исходит от удельных князей, то редкие из них чрез 10 поколений не теряют власти. Когда все исходит от вельмож, то редкие из них чрез 5 поколений не теряют власти; а когда бразды правления государством находятся в руках чиновников вассалов, то редкие из них не теряют власти через 3 поколения. Когда во вселенной царит закон, то правительственная власть не находится в руках вельмож, и народ не участвует в обсуждении дел.

3. Confucius said, For five generations its income has passed from the ducal house (Of Lu.); for four generations power has lain with the great ministers: and humbled, therefore, are the sons and grandsons of the three Huan.

Конфуций сказал: Прошло уже 5 поколений, как княжеский дом лишился доходов, и 4 поколения, как правление перешло в руки вельмож; по этому то потомки 3-х Хуаней измельчали.

4. Confucius said, There are three friends that help us, and three that do us harm. The friends that help us are a straight friend, an outspoken friend, and a friend that has heard much. The friends that harm us are plausible friends, friends that like to flatter, and friends with a glib tongue.

Конфуций сказал: Полезных друзей 3 и вредных 3. Полезные друзья — это друг прямой, друг искренний и друг много слышавший. Вредные друзья — это друг лицемерный, друг льстивый и друг болтливый (краснобай).

5. Confucius said, There are three delights that do good, and three that do us harm. Those that do good are delight in dissecting good form and music, delight in speaking of the good in men, and delight in having many worthy friends. Those that do harm are proud delights, delight in idle roving, and delight in the joys of the feast.

Конфуций сказал: Влечений, доставляющих человеку пользу, 3 и влечений, причиняющих ему вред 3. Полезные влечения — это находить удовольствия в упражнении в церемониях и музыке, не переступая должных границ; в рассказах о добре других и во множестве достойных друзей. Вредные влечения — это находить удовольствие во влечении к роскоши, в разгуле и в страсти к пирам (при чем разумеются сладострастная музыка и разврат).

6. Confucius said, Men that wait upon lords fall into three mistakes. To speak before the time has come is rashness. Not to speak when the time has come is secrecy. To speak heedless of looks is blindness.

Конфуций сказал: В присутствии лиц достойных и почтительных возможны 3 ошибки: говорить, когда не следует говорить (не настало время), это называется опрометчивостью; не говорить, когда следует говорить, это называется скрытностью, и не обращать внимание на выражение лица (почтенного человека) — это называется слепотой.

7. Confucius said, A gentleman has three things to guard against.

In the days of thy youth, ere thy strength is steady, beware of lust. When manhood is reached, in the fulness of strength, beware of strife. In old age, when thy strength is broken, beware of greed.

Конфуций сказал: Благородный муж должен остерегаться трех вещей: в молодости, когда жизненные силы не окрепли, сладострастия, в возмужалом возрасте, когда они только что окрепли, драки, и в старости, когда они ослабли, любостяжания.

8. Confucius said, A gentleman holds three things in awe. He is in awe of Bidding of Heaven; he is in awe of great men; and he is awed by the words of the holy. The small man knows not the Bidding of Heaven, and holds it not in awe. He is saucy towards the great; he makes game of holy men's words.

Конфуций сказал: Для благородного мужа существует три предмета, пред которыми он благоговееет: определение неба (судьбы), люди великие (по положению, возрасту и добродетели) и слова мудреца. Подлый человек не знает велений неба и не боится их, неучтиво обращается с великими людьми и презрительно относится к словам мудреца.

9. Confucius said, The best men are born wise. Next come those that grow wise by learning; then those that learn from toil. Those that do not learn from toil are the lowest of the people.

Конфуций сказал: Те, которые имеют знание от рождения, суть высшие люди; следующие за ними (второе место принадлежит) это те, которые приобретают знания учением; следующие за этими это те, которые учатся, не смотря на свою непонятливость; непонятливые и не учащиеся составляют самый низший класс.

10. Confucius said, A gentleman has nine aims. To see clearly; to understand what he hears; to be warm in manner, dignified in bearing, faithful of speech, keen at work; to ask when in doubt; in anger to think of difficulties; and in sight of gain to think of right.

Конфуций сказал: У благородного мужа 9 дум: взирая на что, думает о том, чтобы видеть ясно; слушая — чтобы слышать отчетливо; по отношению к выражению лица думает о том, чтобы было любезное; по отношению к наружному виду думает о том, чтобы он был почтителен; по отношению к речи — чтобы она была искренна; по отношению к делам — чтобы быть внимательным к ним; в случае сомнения думает о том, чтобы кого-нибудь спросить; по отношению к гневу думает о тех бедствиях, которые он влечет за собою; при виде возможности приобрести что-либо, думает о справедливости.

11. Confucius said, In sight of good to be filled with longing; to look on evil as scalding to the touch: I have seen such men, I have heard such words.

To live apart and search thy will; to achieve thy Way, by doing right: I have heard these words, but I have seen no such men.

Конфуций сказал: Людей, которые, при виде добра, неудержимо стремятся к нему, как бы опасаясь не достигнуть его, при виде зла бегут от него, как от кипятка, опасаясь обвариться, я видел и слышал об этом. Что люди живут отшельниками для уяснения своих стремлений и осуществляют справедливость для преуспевания своего учения — об этом я слышал, но не видел таких людей.

12. Ching, Duke of Ch'i, had a thousand teams of horses; but the people, on his death day, found no good in him to praise. Po-yi (See note to Book V, 22.) and Shu-ch'i starved at the foot of Shou-yang, and to this day the people still praise them.

Is not this the clue to that?

У Ци'ского князя Цзина было 1000 четверок лошадей, а когда он умер, то народ не нашел в нем никаких добродетелей для прославления его; Бо-и и Шу-ци умерли с голоду в горах Шоу-ян, а народ доныне прославляет их. Не то ли это значит?!

13. Ch'en K'ang (The disciple Tzu-ch'in.) asked Po-y?, (The son of Confucius.) Apart from us,

have ye heard anything, Sir?

He answered, No: once as my father stood alone and I sped across the hall, he said to me, Art thou learning poetry? I answered, No. He that does not learn poetry, he said, has no hold on words. I withdrew and learned poetry.

Another day, when he again stood alone and I sped across the hall, he said to me, Art thou learning courtesy? I answered, No. He that does not learn courtesy, he said, has no foothold. I withdrew and learned courtesy. These two things I have heard.

Ch'en K'ang withdrew, and cried gladly, I asked one thing, and I get three! I hear of poetry; I hear of courtesy; and I hear too that a gentleman stands aloof from his son.

Чэнь-кан (ученик Конфуция) спросил у Бо-юй'я (сына Конфуция): Вы слышали что-нибудь особенное (от вашего батюшки)? Тот отвечал: нет. А только, когда отец один стоял и я пробежал по двору, то он спросил меня: Учишь ли книгу стихотворений? Нет, отвечал я. Не учишь, мне не о чем говорить с тобою. Я удалился и стал учить Ши-цзин. В другой день он опять стоял один, а я пробежал по двору. Он спросил меня: Изучаешь ли церемонии? Нет, отвечал я. Без изучения их у тебя не будет устоев. Я удалился и принялся за изучение церемоний. Я слышал от него только об этих двух предметах. Чэнь-кан, удалившись, с удовольствием заметил: Я спросил об одном, а услышал о трех предметах: о Ши-цзине и церемониях и о том, что благородный муж удаляется от своего сына.

14. A king speaks of his wife as 'my wife.' She calls herself 'handmaid.' Her subjects speak of her as 'our lord's wife,' but when they speak to foreigners, they say 'our little queen.' Foreigners speak of her, too, as 'the lord's wife.'

Владетельный князь называет княгиню «Фу-жень» — супруга, а княгиня называет себя: «сяо тун» — подросток. Подданные величают ее «Цзюнь-фу-жень» — супруга князя; по отношению к иностранным государствам она называет себя «Гуа-сяо-цзюнь» — недостойный маленький государь, а иностранные подданные также величают ее «Цзюнь-фу-жень» — супруга князя.

УВАРОВ И ДРУГИЕ

Сам же выразится так нелепо и грубо, что более, нежели самой правдой, уколет теми заносчивыми словами, которыми скажет свою правду, словами запальчивыми, высказывающими неряшество растрепанной души своей, и потом сам же изумляется и негодует, что от него никто не принял и не выслушал правды!

*Н.В. Гоголь. Выбранные места
из переписки с друзьями*

Что Ноздрев лгун отъявленный, это было известно всем, и вовсе не было в диковинку слышать от него решительную бессмыслицу; но смертный, право, трудно даже понять, как устроен этот смертный: как бы ни была пошла новость, но лишь бы она была новость, он непременно сообщит ее другому смертному, хотя бы именно для того только, чтобы сказать: «Посмотрите, какую ложь распустили!» — а другой смертный с удовольствием преклонит ухо, хотя после скажет сам: «Да это совершенно пошлая ложь, не стоящая никакого внимания!» — и вслед за тем сей же час от-правится искать третьего смертного, чтобы, рассказавши ему, после вместе с ним воскликнуть с благородным негодованием: «Какая пошлая ложь!» И это непременно обойдет весь город, и все смертные, сколько их ни есть, наговорятся непременно досыта и потом признают, что это не стоит внимания и не достойно, чтобы о нем говорить.

Н.В. Гоголь. Мертвые души

П. В. ЧИЧАГОВ.
Копия с портрета 1804 г. кисти Джеймса Сэксона.
Государственный Эрмитаж.

ПИСЬМА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I АДМИРАЛУ ЧИЧАГОВУ

Предлагаемые письма появляются впервые в печати в полном виде и восполняют собою тот пробел, который имелся до сих пор в исторической литературе. Переписка Чичагова, как представляющая огромный исторический интерес, была печатаема во многих периодических изданиях. Некоторые письма перепечатаны, в выдержках, в мемуарах Чичагова „Memoires de l'amiral Paul Tchitchagoff«, лучшие и наиболее полные издания которых были сделаны в Берлине и Лейпциге. Самое же новейшее издание выполнил в 1909 году «Lahovary. Paris. Bucarest, 1909, 411 страниц in 8°». В упомянутых немецких изданиях, представляющих библиографическую редкость, встречаются, между прочим, и письма императора Александра I-го Чичагову, относящиеся к Турецкой и Отечественной войнам; письма эти не попали в первые издания «мемуаров», так как, по требованию императора Николая I-го они были отосланы самим Чичаговым Его Императорскому Величеству. На страницы русской периодической печати из них¹ попали лишь некоторые, в переводе на русский язык, и то в сокращенном виде. Так, несколько писем перепечатано в «Русском Архиве»².

Но текст их коренным образом отличается от писем, предлагаемых ныне вниманию читателей. Содержание, например, письма от 7-го июля сокращено более, чем в три раза; отсутствует изложение наиболее важных обстоятельств, выпущены наиболее «сильные» выражения, а некоторые места заменяются точками. То же и в других письмах. Объясняется это, вероятно, тем, что в нашем распоряжении имеются собственноручно писанные Государем черновики писем Чичагову, которые в окончательном виде могли подвергнуться некоторым изменениям: Государь мог кое-что зачеркнуть, а кое-что и добавить, а отчасти и другими причинами, в числе которых играли не малую роль цензурные условия. Этим, вероятно, объясняется систематическое опускание различных фраз и выражений, которыми Государь характеризовал

---

¹ См. «Русск. Арх.» 1870 г., стр. 1522.

² См. «Сбор. Русск. Истор. Об-ва». Т. VI, «Русск. Стар.» 1902 г., т. 109, стр. 217.

некоторых лиц и их служебную деятельность, а также развитие политических планов, которые могли бы иметь в то время сильное влияние на общество³ и В. В.

Поэтому настоящая серия писем Императора Александра I-го к Чичагову не только послужит материалом для выяснения многих пробелов и недомолвок в этой области, но и способна дать много нового, вводя нас в духовный мир Императора Александра и непосредственно раскрывая его задушевные взгляды и стремления в деле великой борьбы с Наполеоном и отношениях его к славянскому миру.

В настоящее время, когда эпоха, к которой относятся эти письма, становится предметом внимания всего культурного мира, обнаружение их приобретает особенный интерес и особенное значение. Но, кроме того, письма эти имеют и богатое содержание.

I) Из них видно, прежде всего, с каким огромным доверием относился и как высоко ценил Император Александр адмирала Чичагова, которому поручал «прекрасную роль спасителя своей родины» («Sauveur de votre patrie»). Почти в каждом письме Государь считает нужным подчеркнуть свое доверие к его «гению», «его талантам», «его голове», «энергии» и «преданности отечеству» и каждое письмо заканчивает подписью «Tout a vous de coeur et d'vne». Таким же доверием проникнуто и самое содержание писем, при чтении которых чувствуется, что Государь, не затрудняясь, готов был доверить ему судьбу России.

II) Сначала, до перехода Наполеоном границы, адмиралу Чичагову поручалось всемерно стремиться склонить турок к заключению с Россией оборонительно-наступательного союза против французов. Но Государь предвидел, что турок «нельзя склонить к такому союзу любезностью, ибо они примут последнюю за слабость», и говорит, что лучшим средством для достижения этой цели является указание на опасность, угрожающую им со стороны Наполеона, который «намерен обрушиться на Турцию и, взяв Константинополь, основать там трон своей Восточной и Западной Империи, корону которой он мечтал соединить на своего голове». Намерения Наполеона уничтожить Турецкую империю должно было, таким образом, служить обстоятельством, которое могло побудить турок к союзу с Россией. Но, чтобы еще легче достигнуть этой цели, предлагается потребовать в качестве вспомогательных со стороны Турции войск, Сербов, Босняков, Кроатов и другие христианские народности, якобы с целью сберечь мусульманскую кровь. Предполагалось также вступить в переговоры с Палермским и Сардинским дворами. Но это было второстепенным вопросом (письмо 12-го мая).

---

³ Напр., в письме от 14-го июля, развивается целый план образования Греческой или Славянской Империи. В «Русском Архиве» имеется лишь краткое извлечение из этого письма.

Свои действия Чичагов должен был направить, в случае мира с Турцией, через Буковину⁴ на фланг австрийских войск, которые должна была встретить армия Тормасова; на случай же содействия турок, предусматривается возможность проникнуть в Трансильванию⁵ и даже в Банат⁶.

Однако, с течением времени, операции со стороны Трансильвании и Баната признаны были нецелесообразными, ввиду имеющихся там превосходных естественных укреплений и нежелания иметь против себя венгров, которые, согласно «апостолической конституции», обязаны братья за оружие только в случае необходимости в обороне, и, пока Австрия оставалась наступающей стороной, они не могли угрожать нашим войскам. Поэтому решено было диверсию направить через Боснию и французскую Далмацию⁷, берега которой «очень уязвимы, а оборонительные средства слабы» (письмо 7-го июня).

Но вот начались военные действия; надежда на осуществление оборонительно-наступательного союза с турками как будто стала слабеть; стала выясняться необходимость сосредоточения сил внутри Империи, и мысль о диверсии через Трансильванию и Далмацию, хотя еще не оставляется совершенно, но отодвигается на задний план. Государь находит, что войска Молдавской армии могли бы быть употреблены с пользою путем направления их через Могилев на Днестре «для содействия генералу Тормасову с левого фронта, или же на Хотин и Каменец для той же цели, если генерал окажется в состоянии удержаться на своей позиции поближе к нашим границам» (письма: 13-го, 24-го и 30-го июня).

Таким образом, еще в начале июля Молдавская армия находилась в полной неизвестности относительно ее образа действий по отношению к французам. Ей предоставлялся выбор между диверсией со стороны Трансильвании и соединением с армией Тормасова. В это время адмирал Чичагов, очевидно, совершенно не считаясь с обстоятельствами, предложил свой проект Государю:

---

⁴ Буковина — герцогство, входившее в состав Ю. — В. части Австро-Венгерской Империи, граничило на С — с Галицией, на З — с Венгрией и Трансильванией, на Ю и В с — Молдавией.

⁵ Трансильвания или Седмиградская земля. Бывшее великое княжество Трансильванское — присоединено к Венгрии в 1866 г. лежит между 45°16' и 47° 42' с. ш. и между 26°36' в. д. (от Гр.) Граничит на З — с Банатом, на Ю и В — с Румынией.

⁶ Банат — область на юге Венгрии — был присоединен к Австрийской монархии от Турции по Пассаровицкому миру (1717 г.); в 1849 г., после подавления венгерского восстания, образовал особую область: Сербскую воеводину и Темешский банат, управлявшуюся особым комитетом. С 1860 г. составляет нераздельную часть Венгрии.

⁷ Далмация — королевство, ныне составляющее область Австро-Венгерской Империи, расположена узкой полосой, вытянувшейся по берегу Адриатического моря от 44° 52' до 42° с. ш. Граничит на С — с Хорватией, на В — с Боснией и Герцеговиной, на Ю — с Черногорией. С 1806 по 1815 гг. Далмация входила в состав образованного Наполеоном герцогства Иллирийского.

двинуть войска на Константинополь и, взяв его, основать «Славянское государство». Государь не согласился с этим представлением и, указав на необходимость сосредоточить все силы на борьбу с Наполеоном, настаивал на выборе между двумя предложенными Им планами. Предпочтение оказывается еще по прежней диверсии, план которой получает дальнейшее развитие: теперь предполагается действовать «в тыл неприятеля, приблизившись через Адриатическое море к Тиролю и Швейцарии, а оттуда через Германию, и даже с границ Франции, или же более прямым путем, через герцогство Варшавское, разрушив все, им⁸ организованное, и лишив получаемых им из тыла ресурсов». Но более осуществимым теперь считается уже соединение Молдавской армии с Тормасовской (письмо 7-го июля).

Поэтому лишь только были получены ратификации⁹, Чичагов получил предписание двинуться на Дубно, а оттуда, по присоединении армии Тормасова и корпуса Ришелье, действовать на Пинск или на Люблин или Варшаву. После изгнания из Москвы Наполеона, на Чичагова возложена была важная миссия и «его усмотрению предоставлен выбор мер, наиболее подходящих для достижения цели, заключающейся в том, чтобы не выпустить Наполеона за пределы наших границ и постараться уничтожить его армию, поставив ее между своей (Чичагова), корпусом Витгенштейна, армией Кутузова и корпусом Эртеля» (письма 17-го и 26-го октября 1812 года). Миссии этой Чичагов не выполнил, и «великая цель» не была достигнута (письмо 21-го ноября 1812 г.)

III) Любопытным представляется также в этих письмах изложение Государем плана Наполеона относительно будущих завоевательных устремлений последнего. Он хотел, нанеся быстрый удар России, принудить ее к заключению мира с тем, чтобы она дала ему 100 тыс. вспомогательного войска. Затем, пока она покончит с Турцией и оснует там свою резиденцию Западной и Восточной Империи, свободные войска, находящиеся в Италии, Иллирии¹⁰ и на островах, должны были двинуться на Египет и там восстановить владычество Наполеона. Из Константинополя же, подкормленные новыми силами, войска должны были двинуться через Малую Азию на Бенгалию, чем предполагалось нанести смертельный удар Англии. На этом, очевидно, Наполеон хотел... пока остановиться.

Наконец, настоящие письма бросают достаточно яркий свет на отношения Императора Александра I-го к славянским народностям Балканского полуострова. Он считает их лучшими союзниками в борьбе против Наполеона и в проектированном им оборонительно-наступательном союзе с Турцией не желает другого вспомогательного войска, как только состоящего из славян

⁸ Им, т.е. Наполеоном

⁹ Государем договор был ратификован 11-го июля 1812 г.

¹⁰ Иллирией или Иллирийскими провинциями назывались при Наполеоне отвоєванные им у Австрии земли, куда входили: Крайна, Истрия, Фиуме, часть Кроация и Далмация с островами.

(письмо 12-го мая); мечтает о полном освобождении славян и греков; предупреждает, что заключаемый с турками мир — только временная мера и что, лишь только он справится с Наполеоном, как сейчас же вернется обратно, чтобы провозгласить «Славянскую Империю» (письмо 15-го июля). Все это дает, вместе с тем, быть может, новый материал для характеристики личности Императора, для изображения той душевной борьбы, которая явилась впоследствии, как результат конфликта между идеями Священного союза и его заветными стремлениями к свободе и счастью единоплеменных и единоверных нам народностей Балканского полуострова.

Мы печатаем полный текст писем in extenso с приложением подстрочного перевода на русский язык. Это даст возможность читателю — и особенно исследователям великой эпохи — более критически отнестись к материалу, сравнить с ним напечатанные в разное время и в разных журналах, в переводе на русский язык, отрывки этих писем и отметить заключающееся в них особенности.

Каждое слово, каждая особенность в построении фразы, при том огромном интересе, который проявляется в настоящее время по отношению к 1812 г. и личности авторов печатаемых писем имеет большое значение. Все эти особенности мы считаем необходимым сохранить для читателя в неприкосновенном виде.

Н. Затворницкий.

* * *

Вильна 12-го мая 1812 г.¹¹

В виду необходимости довольно дальних разъездов по направлению к Шавлям и Плуңгянам, я получил последовательно ваши письма, близко следовавшие одно за другим. Таким образом, я отвечаю на все сразу.

Положение, в коем вы застанете переговоры в Бухаресте, значительно меняет все наши соображения относительно условий мира. Турецкие уполномоченные подписали уже предварительные условия, в силу которых течение Прута и Дуная составит границу. А потому, казалось бы, что проще всего будет не менять ничего в этих условиях, чтобы не создавать помехи спасительному делу мира. Никогда турки не требовали возвращения Грузии. А потому было бы нелепо нести жертвы, о которых даже не думают наши враги. Если мир этот будет подписан, то мы несомненно приобретем большие преимущества при настоящем положении вещей. Но не следует закрывать глаза на то,

---

¹¹ Это письмо, датированное 13-го мая, приведено (в русском переводе) с сокращениями в ст. В. В. Ильина, напечатанной в «Русском архиве» 1870 г., стр. 252 и в «Собрн. Русск. Истор. О-ва», т. 6-й, где оно помечено 2-го мая 1812 г.

что мир этот представляет и неудобства. Генерал Кутузов упустил очень важную вещь, а именно, что не предложил уступок сделанных нами по отношению к нашим требованиям исключительно лишь на условия оборонительного и наступательного союза. Только такой союз мог бы вознаградить нас за ту неловкость, которую этот мир внесет в наши отношения с Сербами и Славянскими народностями, столь важные для нас в особенности в настоящее время. Если бы представился все же способ добиться союза с Портой и ее содействия, в особенности при посредстве Сербов и Славянских народностей, против Франции и ее союзников, то следовало бы сделать все для этого возможное. Не забывайте, однако, что не любезностями можно добиться чего-либо от турок. Они приписывают их всегда слабости и надобности в них самих: бумаги, присылаемые вам канцлером, и те, которые вы найдете в главной квартире, дадут этому множество доказательств. И только угрожая им в будущем опасностями — все равно, настоящими или преувеличенными, можно добиться от них желаемого.

В этом отношении будут очень полезны инструкции г. де Фавара, который читал мне их. Наследный принц сообщает туркам план Наполеона, приводя источники, из коих он почерпнул сведения. Он обязан ими своим старинным связям с наиболее осведомленными лицами из числа окружающих Наполеона. План этот заключается, по словам наследного принца, в нанесении быстрого удара России и в принуждении ее к быстрому миру с требованием от нее в то же время 100.000 человек вспомогательных войск. Присоединив эту массу к своей армии, Наполеон обратился бы сперва против Турции, дабы отнять у нее Константинополь и основать там трон своей Восточной и Западной Империи, соединенную корону которых он мечтает возложить на свою голову. Тем временем, свободные войска, которыми он располагает в Италии, Иллирии и на островах, двинутся на Египет, где он настойчиво желает восстановить некогда основанное им там владычество. И, наконец, у него, очевидно, должен быть проект двинуть из Константинополя как свои войска, так и войска своих помощников через Малую Азию на Бенгалию, чтобы нанести там смертельный удар Англии.

Из этого обширного плана, в котором порешено уничтожение Турецкой Империи, вы усмотрите, что миссия г. де-Фавара не бесполезна для нас. Его участие может быть тут не слишком чисто, но все же, пожалуй, лучше подвергнуть себя этому неудобству, чем оскорбить при настоящих условиях наследного принца, выражающего нам при всяком удобном случае столь добрые чувства. Воспользовавшись настроением, к которому может привести Порту миссия г. де-Фавара, вы будете, быть может, в состоянии добиться оборонительного и наступательного союза и, оставаясь верным своему плану, побудить их дать нам, в качестве вспомогательных войск, Сербов, Босняков, Кроатов, как долженствующее сберечь мусульманскую кровь. Полномочия для заключения союза с Портой отправлены вам. Что же касается полномочий для дворов в Палермо и Сардинии, мы еще так далеки от результатов, которые могут привести нас к сношениям с этими странами, что у нас еще вполне достаточно времени, чтобы доставить их вам, в случае надобности.

Довольно трудно указать вам с точностью время, когда должны начаться операции. Весьма вероятно, что они не замедлят, потому что император Наполеон выехал из Парижа и должен быть уже в Дрездене или даже в Берлине. Но я буду аккуратно осведомлять вас обо всем, что здесь происходит.

Что же касается операций против австрийцев, то у нас не может быть другого плана, кроме оказывания сопротивления движению, которые они могут предпринимать против нас, при посредстве армии генерала Торماسова на линии Лемберг¹²-Киев, тогда как в том случае, если мир с турками даст нам свободу располагать армиею, состоящею под вашим начальством, задачей ее будет движение в Буковину и действие оттуда на фланг австрийских сил, идущих на генерала Торماسова. Если вы заручитесь содействием турок, то модно было бы даже постараться проникнуть подалее в сердце Австрийской империи, например, в Трансильванию или даже в Банат. Это должно зависеть от ваших собственных соображений, от местности и от того, чего вы добьетесь от Турок, равно как и от содействия, которое вы найдете в лице недовольных в Венгрии.

Прежде чем точно установить в чем может выразиться помощь со стороны Англии, следовало бы еще удостовериться расположена ли она оказывать таковую. Наши сношения идут не через Шведский кабинет, а направляются прямо через г.г. де-Сухтелена и де-Николаи к г. Торнтону¹³, который находится в Стокгольме; мы ждем его ответов что даст нам возможность вступить в окончательные переговоры, когда мы и сможем выяснить дело. Мы, впрочем, сообщили уже весь наш план и наши пожелания относительно того, в чем должно выразиться участие в нем Англии.

Если мир с Турцией будет заключен, Черноморский флот вам уже не будет нужен и столь же мало надобности будет в задерживании в портах торговых судов; я посылаю, однако, приказ вице-адмиралу Голикову состоять под вашим начальством, о чем я и предупредил маркиза де-Траверсе¹⁴.

Что же касается военного положения в Новороссийских областях, то мне кажется, что это перестает быть необходимым с момента заключения мира с Турцией, причем все ваши действия должны быть направлены в противоположную сторону, от которой области эти удалены. Если вы будете действовать в Буковине, то тогда должна быть под вашим начальством Подолия, что именно я и собираюсь сделать. Если же, напротив, вы направите все свои силы далее, то это сделается также бесполезным.

Сборные пункты рекрут, назначенных для четырех дивизий, составляющих вашу армию — это Чигирин, Елизаветград, Новомиргород и Ольвиополь. Но я очень желаю, чтобы вы их пока еще не трогали, ибо, во-первых, надо дать этим рекрутам время хорошенько сформироваться, а во-вторых,

¹² Лемберг, то же самое, что и Львов, главный город Галиции.

¹³ У Богдановича — Фонтону

¹⁴ Морской министр с 1811 года.

потому что, в виду малочисленности армии генерала Тормасова, эти пункты служат ей поддержкой.

Из числа лиц, которых вы у меня просили, к вам будет послан ген. — майор Ивелич и гг. Минтубский и Мовачини; что же касается Пизани, то он не годится, стар и немножко упрямится; Карбонье же занят своим делом и было бы трудно от него оторвать. Но в вашей армии имеется генерал Сабанеев, который будет не хуже его на должности Начальника Штаба.

Я приказал Министру Финансов снабдить Рахманова деньгами, а министру Полиции — уволить его из своего ведомства.

Что касается Экзарха, то он находится в дороге, возвращаясь к своему посту. Это очень почтенный старец, и надо, чтобы вы отнеслись к нему с уважением. Я не имею никакого представления о присяге для духовенства, о которой вы мне пишете. Я прошу вас настоятельно быть очень осторожным во всем, что касается этого, ибо это очень чувствительная струна и надо, чтобы вы были строго на законной почве в этом отношении. Я совершенно не знаю архимандрита Дорофея и желаю, чтобы вы выяснили мне, что это за личность. Грамота для г. де-Линанж и медаль будут вам отправлены.

Думаю, что теперь ответил вам на все вопросы, содержащиеся в ваших письмах.

Мне остается сказать несколько слов о посылаемых вам канцеляром депешах. Они в дипломатическом стиле. Не слишком вдаваясь в разбор их, я предлагаю вам действовать сообразно тому, что вам подскажут ваши такт и знание страны, где находитесь, рано как и совокупность всех обстоятельств.

Препровождаю вам несколько бумаг с реестром, из которого вы усмотрите их содержание.

Мое доверие к вам, к вашему гению и к вашим талантам очень велико, и я не сомневаюсь, что вы его оправдаете. Весь ваш сердцем и душою.

Вильна, 14-го мая.

Курьер уезжал уже, когда я получил ваше письмо из Бухареста, от 7-го числа. Я нахожу распоряжения ваши очень хорошими. Не забудьте того, что я вам говорил о Фонтонях, не доверяйте им. Они продались Туркам, может быть и французам.

Рекомендую вам еще раз генерала Сабанеева. Это правдивый человек, который осведомит вас о точном положении вещей и обо всем, что произошло. Постарайтесь добыть точные сведения о генерал-майоре Булатове¹⁵, которому всегда протезировали и который представляет из себя только животное, которое везде очень плохо служило, но зато везде очень хорошо воровало¹⁶.

---

¹⁵ У Богдановича — Булгаков (сборн. Р. Истор. общ., т. VI)

¹⁶ Подчеркнутые слова имеются только в черновике.

Вильна, 7 июня 1812 года¹⁷.

Я получил аккуратно ваши оба отправления от 17-го и от 27-го мая. Я был очень доволен в особенности вторым, потому что оно доказывает мне, что вы осведомлены о положении вещей вокруг вас.

Я буду отвечать на оба ваши письма разом. Со времени получения ратификаций от визиря, я надеюсь, что вы оставили всякую мысль об обратной уступке приобретений, обеспечиваемых за нами трактатом. Это было бы совершенно неудобно и, по моему мнению, даже несколько не подвинуло бы нас вперед, так как Турки всегда считают любезность признаком слабости и боязни. Я одобряю уступку орудий и знамен только в том случае, если наступательный и оборонительный союз будет подписан и ратификован. Я отдаю полную справедливость всем приятным вами мерам, равно как и распоряжениям, в которых вы даете мне отчет. Есть только одно обстоятельство, по поводу которого я должен сделать вам несколько замечаний. Это — командировка Грейга¹⁸ и письмо, которое вы поручили ему передать Каннингу. Согласно данным вам мною инструкциям, подобная командировка должна была состояться только после открытия неприязненных действий. Подобное письмо до решения вопроса о войне или мире могло бы отнять всякую возможность сохранения последнего. Вторым очень важным неудобством, которое могло бы отсюда возникнуть, является то, что лорд Бентинг мог быть введен в заблуждение и мог начать свои операции еще до разрыва России с Францией. Но так как все вероятности за войну и надо даже предвидеть, что она начнется очень скоро, то вред, который это поручение могло бы причинить — отпадает.

Необходимо, чтобы у вас все было приготовлено с тем, чтобы по первому моему приказанию, вы могли выступить в поход по направлению к Боснии.

Что же касается Австрии, то по отношению к ней необходимо быть осторожным. Вот как обстоит дело по отношению к этой державе. Она заявила мне, что только абсолютная необходимость и невозможность для нее, в виду внутреннего ее состояния, говорить с Наполеоном решительным тоном, вынудила ее подписать договор о союзе с ним. Но, что она ограничится действием против нас только условленных 30.000 человек и что, если мы будем избегать нападать на нее с какой-либо стороны, то война будет вестись в одном только пункте и что она обеспечивает нам спокойствие на всей остальной части нашей границы, обязуясь не трогать с места главную массу своих войск. При отозвании кавалера де-Лебзельтерна в Вену, ему дали приказ заехать в Вильно, чтобы подтвердить еще раз устно все эти уверения. Я ответил на все эти предложения, что «мой образ действий будет зависеть от образа действий Австрии».

---

¹⁷ Также приведено с значительными сокращениями, составляя в общем около S помещаемого здесь текста («Рус. Арх.», 1870 г.)

¹⁸ Адмирал А.С. Грейг (1775-1845 гг.) бывший главный командир Черноморского флота и портов и Николаевский и Севастопольский военный губернатор.

Этот образ действий может быть рассматриваем с двух совершенно различных точек зрения: он может быть искренним и быть последствием прежней манеры Австрийского Кабинета, который видел всегда в связях с Россией охрану для Австрии, также как и для Европы.

Но он может быть и фальшивым и рассчитанным единственно на уменьшение затруднений, которые Австрия может почувствовать, если мы нападем на нее с какой-либо другой стороны. Точные сведения, которые я постарался собрать относительно Австрийских границ, гласят, что нападение со стороны Трансильвании, Баната и Венгрии представило бы величайшие для нас неудобства, потому что граница это представляет для Австрийцев превосходную защиту, будучи унизана очень хорошо укрепленными ущельями, где небольшое количество войск в состоянии остановить большие силы. Из тех же источников я узнал, что будучи атакованы на всей территории, Венгры должны будут взяться за оружие и защищаться. Таким образом, мы будем иметь против себя превосходство сил. А между тем, конституция их дает нам средство, которое необходимо как-никак, испробовать Конституция эта, под названием «Апостолической», обязывает их братья за оружие только в том случае, когда на них нападают, освобождая от обязательства служить в тех случаях, когда Австрия является нападающей стороной. И было бы не невозможным, как уверяют, внушив им, что Россия была атакована Францией совместно с Австрией, заключить с Королевством Венгерским договор о нейтралитете, который избавит нас от этого воинственного народа и, мог бы даже лишить Австрию ее лучших полков. Необходимо будет, чтобы вы постарались собрать по этому предмету самые подробные сведения и граф Каподистрия¹⁹ в состоянии, быть может, быть вам полезным, для ведения этого дела.

Согласно всем данным, кажется, что было бы предпочтительнее, чтобы операции ваши имели в виду поддержку армии Тормасова через Буковину и производство диверсии через Боснию и французскую Далмацию; это сторона, которая во всех вышеупомянутых сведениях единодушно изображается очень уязвимой для Австрии, где ее оборонительные средства очень слабы. Как доказательство приводится даже, что после того, как Боснийский паша — французская креатура — предварительно ими подстрекаемый, произвел несколько движений со своими войсками, тревога в Вене была чрезвычайная. Если диверсия наша на этих границах удастся, то мы можем и не без основания надеяться сделать безвредным Венский двор, равно как и все зло, которое он может нам причинить. Взвесьте внимательно все, что вам тут говорю, и примите свое решение обдуманно и с тою гениальностью, которою вы одарены. Я слишком далеко, чтобы быть в состоянии руководить вами во всякий момент. Ваша собственная

---

¹⁹ Граф Каподистрия (1776-1831 гг.) — в 1812 г. был секретарем русского посольства в Вене.

проницательность должна служить заменой недостающего. Надо, чтобы вы мне указали, кого из ваших генералов вы употребите для диверсии и кому из них вы доверите остальную часть войск. Затем, сообщите мне, где вы рассчитываете быть сами.

Если мир с Портой окажется основательно установленным, я, конечно, буду иметь возможность воспользоваться большей частью дивизии Ришелье; если же, вопреки всем ожиданиям, он расстроился бы снова, то дивизия эта будет необходима, чтобы наблюдать за Крымом и Черноморским побережьем.

Пузе²⁰ получает приказ оставаться в вашей армии. Что же касается до Карбонье, то я получил известие из Твери, что он очень опасно болен и что даже отчаиваются его спасти. Что касается до Булатова²¹, то повторяю вам, не доверяйте этому животному. Он храбр, но у него нет и тени сообразительности; это животное и в то же время вор.

Я постараюсь, насколько смогу, снабдить вас деньгами и приложу к тому все старания. Расходы по содержанию Сербских уполномоченных будут возвращены Министерством Финансов. Что же касается до 46.000 червонцев, то постарайтесь узнать, куда они девались. Бароци окажется, может быть, в состоянии быть вам полезным в этом отношении.

Закрытие границы на Днестре представляет собой одну из тех глупостей, которые только у нас и случаются и которые невозможно даже и предвидеть. Я дал приказ это исправить, а также, чтобы редуты близ Хотина были заняты войсками армии Тормасова.

Вот я полагаю, ответ на все, что содержалось в ваших письмах.

Как только военные действия начнутся в здешних краях, я сообщу сам об этом с курьером.

Жду с нетерпением получения от вас акта мирного договора, чтобы иметь возможность отслужить молебен и предоставить порадоваться ему России, ожидающей этого события с величайшим нетерпением.

Приступая к выполнению пунктов трактата, постарайтесь не быть слишком усердным в вопросе о разрушении укреплений в крепостях. Не можете ли вы придумать какой-нибудь способ уклониться от этого?

И, наконец, мне остается поговорить с вами о депешах, которые вы должны были получить от Штакельберга, и в которых он даст вам сведения о нескольких подозрительных субъектах, которые должны проникнуть в Россию через Валахию. Примите меры к тому, чтобы их изловить.

Я твердо рассчитываю на ваш талант, на вашу голову и на вашу преданность вашей родине. Весь ваш сердцем и душою

Александр.

---

²⁰ Курсив подлинника

²¹ У Богдановича — Булгакова (Сборн. Р. — Истор. Общ., т. VI)

*Вильна, 13-го июня 1812 года*²² (2).

Спешу уведомить вас, что неприязненные действия начались; нас только что атаковали со стороны Ковно.

Теперь у вас руки развязаны для предпринимаемой нами диверсии, лишь бы только вам удалось войти в соглашение с Портой. Запоздание от вас известий, а также ратификации Великого визиря меня несколько тревожат. Соответственно данным мною вам указаниям, необходимо щадить немного Австрию, дабы не приобрести в ней врага более опасного, чем тот, каким она является в данный момент, когда она, по-видимому, решилась действовать только при помощи своего вспомогательного корпуса в 30. 000 человек. Этот корпус отправился даже в Герцогство Варшавское, так что со стороны Галиции нас не будут тревожить, в течение некоторого времени. Мне кажется, даже, что такой образ действий не повредит нашим делам, ибо в этом случае вы можете быть спокойны со стороны Трансильвании и Венгрии. Дело в том, что необходимо хорошенько выяснить, если вы сами предпримите диверсию в сторону Далмации, не будет ли полезнее войска, которые вы оставили бы против Буковины, направить через Могилев на Днестре, для содействию ген. Тормасову с левого фланга, или же на Хотин и Кменец-Подольск для той же цели, если генерал окажется в состоянии удержаться поближе к нашим границам. Я предоставляю это на ваше собственное усмотрение. Но для того, чтобы начать все это, необходимо быть более, чем я, уверенным в конечно решении Турок. Боюсь, чтобы прибытие Андреосси²³ не повредило нашим стараниям в целях ратификации мира. Жду с нетерпением от вас известий. Буду осведомлять вас обо всем, что будет здесь происходить.

Весь ваш.

Александр.

*Самоша, 24-го Июня 1812 года*²⁴.

Я получил вчера, после полудня, письмо ваше от 16-го и спешу сегодня же отправить вам ответ.

---

²² Напечатано: в «Русской Старине» 1902 г., т. 109, ст. 218, в «Русском Архиве» 1892 г., и в ст. А.Н. Попова «Эпизоды из 12 года». Цитируется в его же ст. «Славянская Заря в 1812 г.» («Р. Стар.» 1892 г., т. 76, стр. 617) и упоминается в ст. Цурикова «Из бумаг А.Н. Попова». («Р. Стар.» 1893 г., т. 77, 87). Печатаемый здесь текст имеет много отличий.

²³ Andriossi, Antoine Francois, французский генерал и дипломат (1761-1828). Был послом в Вене и посланником в Лондоне и Константинополе. По возвращении Бурбонов был заведывающим интендантской частью французской армии и членом академии.

²⁴ Напечатано в «Русской Старине», 1902 г., т. 109, стр. 217.

Считаю полезным, чтобы вы приступили сейчас же к обмену ратификациями самого трактата, написав визирю, что я приказал вам, дабы показать Порте мое желание восстановить прежние узы дружбы с нею, произвести обмен ратификациями самого договора, как долженствующего обеспечить мир между нами. После этого можно будет приступить к разъяснению отдельных и секретных статей и, по желанию, увеличить число таковых, чем сделает более полным дело умиротворения. Постарайтесь войти в сношения с Листонном²⁵ дабы хорошенько ознакомиться с содержанием его инструкций и затем сообразовать с этим ваш образ действий.

Мне кажется, что для нас не произойдет большого неудобства, если мы и совсем откажемся от этих секретных статей, в особенности, если мы сохраним этим путем целыми крепости Килию и Измаил. У нас все идет хорошо. Наполеон рассчитывал раздавить нас близ Вильны, но, согласно системе войны, на которой мы остановились, было порешено не вступать в дело с превосходными силами, а вести затяжную войну. А потому мы отступаем шаг за шагом в то время, как князь Багратион подвигается со своей армией к правому флангу неприятеля. Мы надеемся перейти вскоре в наступление. Сделайте все возможное с вашей стороны и не упускайте удобного случая для осуществления главной цели, а именно — причинения как можно большего зла нашему врагу.

Весь ваш
(подпись)

Лагерь под Дриссой, 30-го июня.

Я получил ваше последнее отправление и оба ваши отдельные письма. Самое лучшее, что я могу сделать, это положиться на вас, на вашу проницательность, на ваше мнение в отношении наиболее благоразумного решения, какое должно быть принято. Не подлежит никакому сомнению, что важнее всего действия вашей армии против общего врага путем ли диверсии к берегам Адриатического моря или же путем направления ее на поддержку операций Тормасова и на подкрепление его. Я предпочитаю диверсию, если вы можете устроить ее таким образом, чтобы не приходилось опасаться вторжения Турок в наши пределы или, по крайней мере, организовать дело так, чтобы являлась возможность оказать им успешное сопротивление. Я настаиваю, насколько возможно, на том, чтобы англичане вас поддержали; однако важнее всего начать действовать. Прилагаю при сем письмо от полковника Тейля, который представляется мне довольно проницательным. У меня нет времени, чтобы сообщить вам по этому поводу еще что-либо.

---

²⁵

Английский посол в Константинополе.

Уже 30-го июня, но неприятелю до сих пор не удалось ни принудить нас к генеральному сражению, ни отрезать от нас ни одного отряда. Весь ваш сердцем и душою.

(подпись)

Получено 14-го июля 1812г.²⁶

Я собирался уже отправлять вам ответ на ваше письмо от 26-го, как получил ваше отправление от 29-го. Я хотел всецело одобрить принятые вами до 26-го решения и предоставить вам полную свободу действий. Но письмо ваше, должен сознаться, ставит меня в затруднение относительно решения, которое мне придется передать вам. План очень обширен, очень смел, но кто может поручиться за успешность его выполнения. А пока что мы должны будем отказаться от того эффекта, который мог бы быть произведен вашей диверсией против неприятеля и, вообще, лишаем себя на очень продолжительное время содействия всех войск, коими вы командуете, направив их к Константинополю. Не говоря уже об общественном мнении, как всех наших соотечественников, так и союзников наших англичан и шведов, которых мы будем шокировать подобным решением, не увеличим ли мы этим сами наших затруднений? Австрийцы, у которых в данный момент имеется в поле только 30.000 человек, увидев Оттоманскую Империю в крайней опасности, окажутся вынужденными, если не по своей доброй воле, то наверно по воле императора Наполеона, двинуть все свои силы, чтобы предупредить подобные результаты. И тогда, вступив в Молдавию и Валахию, поставят ваш тыл и даже те войска, с которыми вы пойдете в Константинополь, в величайшее затруднение. Если диверсия, на которую вы, по-видимому, совершенно решились в письме вашем от 26-го числа, кажется вам теперь очень затруднительной, то допустимо, может быть, другое решение более правильное, чем все остальное, и в то же время могущее дать не менее полезные результаты. Таким решением было бы: обменявшись ратификациями, удовлетвориться в данный момент этим миром, не требуя настоятельно союза, и, направив все войска, которыми вы командуете, через Хотин и Каменец к Дубно, где бы вы были усилены всей армией Тормасова, которому я дал приказ передать вам командование ею, а самому отправиться в Киев, и с этой внушительной армией, насчитывающей от 8 до 9 дивизий, двинуться против всего, что вы повстречаете на пути своем к Варшаве, проведя этим ди-

---

²⁶ Письмо датировано 6-го июля, дата внизу. Сверху написано: «Получено 14-го июля 1812г.» Кому принадлежит эта надпись, встречающаяся и на других письмах, с точностью установить трудно. Но вероятно, автором ее является гр. Аракчеев, которому Государь передавал все свои бумаги и документы. Подобные надписи часто встречаются в бумагах гр. Аракчеева, причем нередко он добавлял, что «бумага получена от Государя». В кратком извлечении это письмо тоже приведено в «Рус. Архиве». См. также «Русская Стар.» 1902 г., т. 190, стр. 220.

версию, очень полезную для обеих первых армий, имеющих перед собою превосходные силы. Мне думается, что нет иного выбора, как только между этими двумя планами, т.е. планом диверсии по направлению к Далмации и Адриатическому морю, или же через Подолию к Варшаве. Поход же на Константинополь может быть осуществлен впоследствии; как только дела наши против Наполеона пойдут хорошо, мы можем возобновить наш план против турок немедленно и тогда провозгласить Славянскую или же Греческую Империю. Заниматься же этим в данный момент, когда нам приходится и без того уже бороться со столькими затруднениями и столь многочисленными силами, представляется мне рискованным и неблагоприятным. Предположите на минуту, что мы овладели Константинополем; это не увеличивает наших сил. Останутся все те же 30.000 человек, которые будут в вашем распоряжении в Константинополе, также как были в Бухаресте, и вы согласитесь, что они будут более удалены, а следовательно, тем меньше будет возможности привлечь их к действию против нашего главного врага. Все же наше внимание должно быть обращено на тыл неприятеля через Адриатическое море, приблизившись к Тиролю и Швейцарии, а оттуда к сердцу Германии и даже к границам Франции, или же более прямым путем, через герцогство Варшавское, разрушая все, что он организует, и лишая его средств, которые он извлекает из своего тыла. Подумав об этом серьезно, вы, разумеется, согласитесь с моими доводами. Двинувшись в Константинополь, вы удаляетесь от настоящей цели действий, которую составляет тыл Наполеона.

Итак, я предоставляю вам выбор между двумя решениями. Я пишу Ришелье, чтобы он во всем подчинился вашим решениям. Что касается здешних событий, то вот уже месяц, как борьба началась, а Наполеону не удалось еще нанести нам ни единого удара, что случалось во все прежние его походы на четвертый и даже на третий день. Мы еще совершенно целы и во всех частичных стычках брали верх над его отрядами. Мы будем вести затяжную войну, ибо в виду превосходства сил и методы Наполеона вести краткую войну, это единственный шанс на успех, на который мы можем рассчитывать. В виду отъезда г. Сен-Жюльена из Петербурга, австрийский консул может покинуть Бухарест, но вообще обойдитесь с этими людьми как-нибудь так, чтобы не увеличивать понапрасну числа наших врагов. Мир с Англией должен быть подписан, а союз наш со Швецией крепок. Весь ваш сердцем и душою.

Подпись.

Прилагаю донесение Тейля, которое довольно интересно.

Ляхово, в окрестностях Полоцка, 6-го июля 1812 года.

Ваше Императорское Величество,

Армия, которой я имею честь командовать в походе, через 25 дней она будет на Днестре. Я счел долгом отправить подателя сей депеши, подполковника Полева, с поручением исследовать способы перехода Днестра, собрать сведения о позиции армии Тормасова, о движении неприятеля, о средствах продовольствия и местах складов для этой армии, и, вместе с тем, разузнать о духе

жителей и готовности их к доставлению нам новых способов обороны, если в том будет надобность. Потом он должен ехать далее до главной квартиры Вашего Величества и стараться доставить мне несколько мыслей о совокупности наших действий. Если мне суждено командовать армией генерала Торماسова, то умоляю Ваше Величество дать повеление Ваше немедленно, дабы как можно менее потерять времени и иметь возможность собрать все средства, не встречая больших препятствий. Мы горим нетерпением вступить в бой, и я ручаюсь Вашему Величеству, что все здесь готовы исполнить свой долг самым решительным образом. Наши 50 т. войска зададут работы ста тысячам. Они нахоятся в наилучшем состоянии как нравственном, так и физическом.

С глубочайшим почтением имею счастье быть

Вашего Императорского Величества
верноподданнейший

П. Чичагов.

18 июля 1812.

Бухарест.

Получено 22-го июля 1812г.²⁷

В виду того, что я решился вести войну до последней крайности, я вынужден был подумать заблаговременно о создании новых резервов.

Для достижения этой цели мне пришлось решиться приехать на несколько дней в центр Империи, дабы наэктризовать там умы и подготовить их к новым жертвам на святое дело, за которое мы боремся. Результаты превзошли мои ожидания. Смоленск предложил мне 15.000 человек, Москва — 80.000, Калуга — 23.000; жду с минуты на минуту донесений из прочих губерний, а пока наши армии все еще не тронуты врагом.

Ратификации ваши я получил в Смоленске. Я больше чем когда-либо стою за то, что я вам наметил в моем последнем письме. Отложим ваши проекты относительно Порты и будем думать о применении всех наших средств против главного врага, с которым нам приходится сражаться. Прилагаю при сем шифрованную депешу Штакельберга. Она как будто наводит на мысль, что диверсия наша становится все более и более затруднительной. Если это так, то придерживайтесь другого начерченного мною нам плана и ведите все ваши войска с поспешностью на Днестр, а оттуда на Дубно. Вы будете там подкреплены всей армией Тормасова (которому лично я дам другое назначение) и корпусом Ришелье; это будет тогда армия от 8 до 9 пехотных дивизий и от 4 до 5 кавалерийских — и вы будете в состоянии перейти к наступательным действиям на Пинск или же на Люблин и Варшаву. Подобное движение порядком подведет императора Наполеона, наступающего на нас, и может придать делу сов-

---

²⁷ Напечатано в «Русской Старине» 1902г., т.109, стр. 220. Выдержка из этого письма имеется также в «Русск. Архиве»; но оно отнесено там к 30 июля.

сем иной оборот. Подумайте серьезно о том, что я вам тут намечаю. Это очень важно. А пока, по отношению к Туркам мы будем делать вид, что добросовестно придерживаемся пунктов трактата. Что же касается до Славянских народностей и валахов, то велите сказать им по секрету, что все это только временно, что, как только мы покончим с Наполеоном, то немедленно вернемся обратно, но уже для того, чтобы создать Славянскую Империю. Что же касается австрийцев, то не надо будет их трогать до тех пор, пока они сами не дадут к тому повода своим поведением. Что же касается корпуса Шварценберга, то с ним надо обращаться, как с настоящим врагом и бить его всюду, где он попадется. Я уезжаю сегодня на несколько дней в Петербург; и оттуда, в зависимости от обстоятельств, или вернусь сюда, или же присоединюсь к армии. Весь ваш.

(Подпись)

Москва 18 июля 1812 года.

Ваше Императорское Величество,

Кавалер Вильсон, отправляющийся из Константинополя в главную квартиру Вашего Величества, взялся доставить эту депешу. Он привез мне депеши от г. Италинского и от г. Листона известия несколько свежее тех, которые я уже имел о содействии его соотечественников. Адмирал Грейг пишет мне, что с тех пор, как в Константинополе сделалось известным о начатии у нас неприязненных действий, г. Листон показывает гораздо более расположения ходатайствовать у Порты Оттоманской в смысле наших предложений. В настоящее время это менее полезно, с тех пор как изменилось направление этой армии. Союз с турками не много бы нам помог, но из содержания письма г. Италинского Ваше Величество усмотреть изволите, что Рейс-Ефенди находит дурные поводы к отдалению времени оглашения мира. Мне кажется, он нашел, что нератификация секретной статьи касательно Азии для них выгодна, и это заставляет его желать отказаться и окончательно регулировать эту статью прежде публикации мира. Они всегда придирчивы, когда не боятся и когда видят перед собой робких переговорщиков. Намек его на последнее вступление наших войск в Сербию и на вооружения, которые я предполагал сделать в Моравии и в Валахии, мог бы быть справедлив, если б я тогда же не дал уведомительных объяснений полномочным в Бухаресте. Отправление маленького отряда в Сербию было вызвано разбоями, которые позволяли себе турки-бродяги на сербской территории, тогда как область эта еще находилась под нашу гарантию, так как мир еще не был тогда ратификован. Вооружения в княжествах ограничили сбором тех войск, которые несколько раз были образуемы моими предшественниками и потом распускаемы. Что касается до гражданской гвардии, то ее должно было только внести в списки, а для составления ее надобно было ожидать союза. Полномочные удовлетворились этим объяснением, и я полагаю, что коль скоро Порта получит тоже уведомление и в особенности известие о начале выхода войск, то и она окажет более доверия. Андреосси прибыл в Константинополь; боюсь, чтобы это еще более не ослабило умерен-

ности г. Италинского. Мир ратификован, ратификации обменяны, а его не хотят ни слушать, ни признавать в качестве полномочного; что оставалось делать? возвратиться в Бухарест; Вашему Величеству нельзя было дать другого повеления, и Вы приказали бы мне сделать остальное.

Если, впрочем, Андреосси удастся нарушить этот мир, то мне не останется ничего другого, как прибегнуть к одному из этих двух намерений. Если я узнаю, что присутствие этой армии необходимо за Днестром, я двинусь вперед, не заботясь пока о том, что станется с странами, которые мы предоставим туркам, оставив только несколько укрепленных мест, как Измаил, Бендеры, которым они могут помогать. Если же я узнаю, подвигаясь к Днестру, что дела наши на Севере и без того идут хорошо, я вернусь назад и буду продолжать войну самым решительным образом. Впрочем, весьма мало вероятия, чтобы разрыв состоялся; к тому же я успею получить инструкции Вашего Величества, если бы Вы сочли нужным дать мне таковые, равно как и объяснительный ответ от г. Италинского.

В случае соединения моей армии с армией генерала Торماسова в направлении к Герцогству Варшавскому, всенижайше прошу Ваше Величество снабдить меня инструкциями касательно как направления армий, так и предложений, которые мне можно будет сделать, чтобы обещать полякам равносильное тому, что сулит им император Наполеон. Без какого-нибудь средства в этом роде сражения по все вероятности не имели бы никаких результатов. Я полагаю, хорошо бы было объявить им, что Ваше Императорское Величество намерены обеспечить им достойное политическое существование, истинное и гораздо более выгодное того, которое сделает им тот, кто уже столько народов изловил на эту удочку; что Вы не имеете намерения создать королевство, которое было бы ничто иное, как провинция в зависимости от префекта; что в Ваш план входит, например, провозгласить себя королем польским конституционным и что независимость их будет неприкосновенна. Наконец, Государь, если не это, то мы предоставим им что-либо другое, иначе несколько выигранных сражений не много нас подвинут. Никому не известно лучше Вашего Величества, что в наше время победы велики и полезны лишь по результатам их!

Кавалер Вильсон обо многом говорил со мною; я полагаю. Что он даст Вашему Величеству верный отчет всего, что между нами было говорено. Весьма полезно было бы, Государь, чтобы эта армия могла тотчас соединиться с армией ген. Торماسова; по мере того, как войска будут переходить Днестр, они будут увеличивать сию последнюю. Иначе, если мне придется ждать соединения всех, это продлится до 7 сентября. Не хорошо ли бы иметь при каждом главнокомандующем сметливого офицера, который мог бы извещать меня обо всем интересном, происходящем в армиях, и не нужно ли, чтобы военные действия были как можно более согласны. Я обратился с подобным предложением к кн. Багратиону, не знаю, будет ли оно принято. Если Швеция начнет свою кампанию, мне бы следовало знать о ее намерениях. Может быть, мы возьмем направление, которое может нас сблизить.

Впрочем, можно иметь лишь хорошие надежды на все то, что делается. По-меха, испытанная Наполеоном нанести решительный удар, весьма полезна.

Приближающееся время года делается для нас выгодным, а французский пыл пока ослабевает.

Порта объявила о мире г. Листону, но хотела скрыть от г. Италинского, что заставляет думать, что она не намерена нарушить его с своей стороны, но что она не имеет доверия к нашим предположениям; в этом ее нельзя упрекать. Из письма г. Листона Ваше Величество усмотреть изволите, что он готов бы предложить нам пожертвовать Бессарабией, но, право, турки этого не стоят.

В ожидании повелений и хороших известий имею счастье быть с глубочайшим почтением

Вашего Величества
верноподданнейший
П. Чичагов.

22 июля 1812.

Бухарест.

Из письма г. Италинского Ваше Величество изволите увидеть, что, по его мнению, я действовал против интересов моего Государя и в противность его видам, приглашая его в последних моих депешах спросить у турок положительный ответ на счет их намерений заключить союз или отказать в оном; что он предпочел подвергнуться всякого рода унижениям, чем выказал в этом случае достоинство представляемого им лица и нужную твердость. Это обязывает меня отказаться от всяких сношений с этим человеком, а так как он хочет повиноваться лишь положительным повелениям Вашего Величества, то я бы желал знать теперь, что Вашему Величеству угодно будет решить. В случае, если бы он нашел мои инструкции слишком настоятельными, во внимание к положению дел и к затруднениям, в которых он находится, не нашел ли бы он средств обойти их более приличным образом, не говоря мне, что он не допустит, чтобы говорили, что без положительных приказаний Вашего Величества, он довел дела до противного Вашим видам положения. Но мне кажется это заставляет его говорить Петр Фонтон, потому что все, что не нравится туркам совершенно противно его видам.

П. Чичагов.

Всемиловитейший Государь,

Письмо из Москвы, от 12 минувшего месяца. Коим Ваше Императорское Величество изволили меня удостоить, пролило в душу мою все довольство, которое она может еще воспринять. Оказывается, что я угадал Ваши намерения, и это переполняет мои желания. Вообразите себе, Государь, если бы после того, как Вы со мной обходитесь, я имел несчастье Вам не угодить; в какое ужасное положение это повергло бы меня.

Намерение Вашего Величества продолжить войну со всевозможною энергиею, будучи величайшей важности для целого света, служит также лучшим ручательством успеха. Опыт доказал, что Наполеон, восторжествовав последовательно во всех войнах кабинета и советов, терпел поражение во всех войнах,

которые были национальными или по свойству правления, или по стечению обстоятельств. Начиная с Англии и Испании, от Египта до С. — Доминго, он всегда был побеждаем. Так же, как Ваше Величество принимаетесь за дело, воспламеняя умы подданных, которые ничего более не желают, как боготворить Вас, и, делая их невольными участниками этой цели, Вы делаете войну национальною и таким образом противопоставляете неприятелю силу непобедимую. Смее сказать, что план, принятый Вами для Ваших войск, также проникнут великой мудростью. Наполеон на каждом шагу встречает противное тому, что ожидает. Он должен бояться углубляться во внутрь страны, а между тем он вовлечен туда, так сказать, против воли. Дай Бог, чтобы этой системе можно было следовать со всеми выгодами, которых от нее можно ожидать, и чтобы про нас не сказали того же, что про многих других генералов, что когда они не знают более, что делать, то прибегают к битве.

Армия, которую я имею честь командовать, приняла направление, которое Вашему Величеству угодно было ей назначить. Авангард, состоящий из более 8 т. человек, под начальством ген. — лейт. Войнова, уже близ Хотина. Остальная часть войска собирается в окрестностях Фокшан и должна в скором времени выступить в поход. Корпус, находившийся в Сербии и в Малой Валахии, был причиною этого замедления, но все сосредоточивается и все выступает отсюда, а 12 одесских батальонов и один флотский экипаж, взятый мною в Севастополе, присоединятся к нам на Днестре. Я полагал, что несколько матросов могут быть нам полезны для переходов рек и всего, что может случиться подобного. Этим экипажем командует полковник Дотт; он убедительно просил меня употребить его в дело; это горячая голова: им можно воспользоваться.

Болезни в стране начали показываться за несколько дней до выступления войск. Хотя они не смертельны, но очень беспокоят. Я приказал всех больных везти на обозах, следующих за полками. Дорогою они поправляются. Это период, который, говорят, должно перейти, как переносят чуму в Турции. Что наше пребывание в соседстве этих варваров было не бесплодно, видно из того, что мы выучились бредить по-турецки. Что до меня собственно касается, то я не доволен пробыл в стране, чтобы уметь с беспечною и апатиею подчиняться влияниям местностей. Я уверен, что если бы мог быть предупрежден во время, то можно бы было принять в Бухаресте меры предосторожности против лихорадки, также как можно бы было принять таковые в Константинополе против чумы. Но все это может быть годно только в будущем.

Завтра я выезжаю из Бухареста в Фокшаны, выеду тотчас войска и сделаю маленькую поездку на берега Дуная, осмотрю Браилов, Измаил и пр., дабы не покинуть страны, не видав новых наших приобретений и, что всего важнее, — наших возвращений. Оттуда я поеду прямо в Яссы; приду прежде войск и во время буду на Днестре, чтобы перейти его со своим авангардом. Я оставляю австрийцев в ужасном страхе за их засеки и ретраншементами; они вздохнут лишь тогда, когда мы выступим. Все движения войск, какие были с той стороны, всегда носили на себе тревожный отпечаток. Здесь ходит слух, что они отправили несколько поляков в Буковину, для того может быть, чтобы приблизиться к корпусу Шварценберга. До нас дошли некоторые смутные из-

вестия о наших успехах над французами, но до сих пор я не получал ничего официального на этот счет. Если это правда, то жаль, что так медлят сообщением. Говорят, что 100 тысячная неприятельская армия разбита, что Макдональд взят, и ничто не подтверждается. Боюсь, Государь, чтобы не вздумали хранить тайны некстати, что с нами иногда случается.

Имею счастье представить при сем Вашему Величеству подробное донесение о наградах, заслуженных некоторыми здешними преданными России жителями. Осмеливаюсь испрашивать соизволения Вашего, ибо смею уверить, что был очень осторожен в выборе. Вестиар Ненчулеско, направляемый митрополитом Игнатием, оказал величайшие услуги денежными пособиями и всеми другими доставляемыми странкою. Повергаю на воззрение Вашего Величества сравнительную ведомость сумм, найденных мною в кассе и того, что я увожу с собою. Приращению главным образом обязаны митрополиту и Вестиару. О первом я уже входил с представлением к Вашему Величеству; вновь умоляю не отказать мне в сей милости — это действительно необходимый для нас и единственный человек. Не имея более возможности оставаться здесь, он намерен поселиться в Вене, где он будет поддерживать и даже может увеличить свое влияние на народности, которым мы хотим благоприятствовать. Я счел невозможным сделать менее, как вручить ему, от имени Вашего Величества, 2 т. червонцев на путевые его издержки и новое обзаведение, пока Вашему Величеству не благоугодно будет определить ему содержание.

Мне крайне трудно было успокоить бедных сербов. Это действительно лучшая из наций, каких мне удавалось встречать; они готовы умереть за свою независимость; ненависть их к туркам неукротима; впрочем, кажется, я успел убедить их, что необходимо на время притворятся с турками, что мы вернемся, как только это будет возможно; что не одни они подчиняются ныне условию, хотя и действительно унижительному, но вызванному обстоятельствами, т.е. принятию турецких гарнизонов в их крепостях. Я привел им в пример Пруссию, которая этому подчинилась, да и с Австрией обошлись немного достойнее. Все зависит от спасения России. Торжество ее должно поднять угнетенных; падение повлекло бы за собою и падение всей Европы. Россия, следовательно, обязана собрать все средства, чтобы отразить нападение стольких держав соединившихся, хотя и противно их воли, против нее, и потому-то Ваше Величество отзываете эту армию. Я дал им денег и припасов, весьма секретно, чтобы их обласкать. Надеюсь еще удержать их к нам доверие.

Повергаю на воззрение Вашего Величества организацию временного правительства, которое я учреждаю в Бессарабии. Надеюсь, Государь, что Вы не допустите на время, чтобы администрация Ваша вмешалась в это дело; иначе она сумеет расстроить все наши будущие планы. Если предлагаемые мною меры недостаточны, я постараюсь их исправить по указаниям Вашего Величества и по инструкциям, какие Вам угодно будет мне начертать.

Не могу отказать себе отдать полную справедливость сотруднику моему во всех делах некоторой важности, графу Каподистрия. Страсть его быть полезным, познания и благородные чувства дают ему полное право на благоволение Вашего Величества. Если это не противно справедливости, я полагаю,

что чин действительного статского советника был бы столь же приличною, как и заслуженною для него наградою.

Сию минуту получил я известия из Сербии. Предводитель их оказал в этом случае весьма много характера. Он во всех отношениях действовал согласно нашим видам; он произнес речь народу и усмирил его беспокойство. Войска наши, оставляя их, провожаемы слезами и всеми знаками истинного братства. Их снабжают обозами, припасами, вином с одной станции до другой. Это не поход, а прогулка у друзей и собратий. Единственный их упрек нам, что мы не берем из их несколько тысяч, чтобы действовать против французов, как я им подавал на то надежды. Эта нация для нас сокровище, Государь! Не упущу и не пренебрегу никаким средством, чтобы поддержать это благородное и драгоценное расположение. Никогда они не произносят иначе имени Вашего Величества, как наш Император Александр; турецкие подданные, прибывшие, чтобы требовать их сдачи, были приглашены к обеду к Черному Георгию, который заставил их пить за здоровье Вашего Величества, а потом он выпил за султана.

Распустили было слух о большом возмущении в Константинополе, который, как кажется, не подтверждается. Впрочем, я еще не имею известия об обнародовании мира в этой столице, ни о признании г. Италинского в качестве русского посланника. Говорят, что проект вооружения христианских племен напугал Порту по удовольствию, с которым это известие было принято греками и остальными христианами. Надо сознаться, Государь, что все благоприятствовало нашему первому проекту; большинство жителей Боснии собирались даже уже взяться за оружие за нас; но это бы нас впоследствии затруднило касательно продовольствия, без содействия англичан, которые сами его не имеют.

Не смотря на мое намерение поддерживать переписку с миссией нашей в Константинополе, я вынужден от него отказаться с тех пор, как г. Италинский выразил недоверие и неуважение к моим инструкциям. Если бы вместо того, чтобы допустить унижение и острастку, он потребовал свои паспорта, турки тотчас бы обнародовали мир и его признание.

Сою ныне бесполезен, а в будущем надобно будет действовать совершенно иначе; я весьма рад был найти подтверждение этого в письме, коим Ваше Величество меня удостоили.

Рамис-Паша, который известен Вашему Величеству, пожелал меня видеть; я ему это позволил. Прибыв сюда, он сообщил мне проект, который требует Высочайшего утверждения. Он просит позволения возвратиться на родину с 2 т. его друзей-военнопленных и просит у меня 2 т. ружей для их вооружения. Он считает возможным таким образом овладеть Джиуржевом и там удержаться. Потом, овладев, этой крепостью, он надеется, что султан, который к нему питает дружбу, назначит его Силистрии Валесси, или губернатором какого-нибудь другого пограничного пункта. Я полагаю, что если мы хотим преследовать наши предположения в отношении Турции, то лучше удержать его у нас; если же мы должны покинуть большой план, то он мог бы быть нас полезен как человек, пользующийся доверием своего государя, рано по своим личным

качествам и признательности к великим благодеяниям Вашего Величества. Одним словом, если я смею высказать свое мнение, я полагаю, что лучше дожидаться пока горизонт перед нами несколько прояснится.

Умоляю Ваше Величество повелеть привести в комплект командуемую мною армию, указав мне местности откуда я могу набрать рекрут, особенно если те, которые мне однажды указаны, изменены. Нам не достает 15 т. человек.

Я не получал известий от генерала Карбонье, который в настоящую минуту должно быть умер или выздоровел; если он здоров, то Ваше Величество удвоили бы мои средства, если б Вам угодно было мне его прислать. Здесь нет ничего, чтобы во всевозможных отношениях не было от него на бесконечном расстоянии.

Надеюсь, что Вашим Величеством получены отправленные мною с подполковником Полевым и с генералом Вильсоном депеши; следовательно, Вы не без известий обо мне.

Австрийцы утверждают, что соблюдают против нас строжайший нейтралитет. Узнав о ходе наших войск, они послали к генералу Войнову адъютанта трансильванского коменданта с объяснением положительно приказа их двора о соблюдении нейтралитета и с вопросом, что значит его приближение к границам Австрии. Войнов отвечал, что он приближается к их границам только для того, чтобы достигнуть своих, и что они на этот счет могут быть спокойны. Я никогда не видал большого расположения к страху у этих людей. Консул, уезжая, написал графу Капод'Истрия следующее: «Не могу выехать из страны, не выразив вашему сиятельству просьбы засвидетельствовать г. адмиралу мое глубочайшее уважение и искреннейшую благодарность за всю благосклонность, которую он мне оказывал во время его здесь командования. Я вечно буду проникнут признательностью».

После отъезда он писал нашему консулу в Германштадте, что комендант Трансильвании с удовольствием видел работы Его Превосходительства к облегчению корреспонденции и торговых сообщений между обеими странами; что торговля и корреспонденция, которым австрийский комендант со своей стороны окажет поддержку и покровительство, уже существуют и что австрийцами взаимно будут сделаны величайшие облегчения.

Вот, Государь, каким образом мы расстались с этими соседями, что, я полагаю, сообразно с видами Вашего Величества. Они десять раз попеременно открывали и запирали свои границы; однажды, вследствие закрытия, они предлагали мне позволить торговлю быками и лошадьми, но без проводников; я отвечал, что согласен, если они могут уговорить быков придти к ним одним.

Пол величайшею тайною сообщаю Вашему Величеству финансовое положение этой армии, ибо если это узнают, то весьма возможно, что обратят эти деньги на другое употребление, тогда как следовало бы их сохранить для будущих наших предположений.

С глубочайшим почтением имею счастье быть

Вашего Величества

верноподданный

П. Чичагов.

2 августа 1812,

Бухарест.

P.S. Я запечатывал уже письмо это, когда мне принесли весьма замечательную маленькую монету, которую приемлю смелость послать Вашему Величеству. Я сморю на нее как на хорошее предзнаменование. Это греческая монета Александра Великого. Суеверие разума есть низость или слабость и поэтому недостойно касаться Вас, Государь, но это есть суеверие сердца, выражающее чувство и желания, и как таковое должно быть терпимо.

Ваше Императорское Величество,

Накануне отъезда моего из Бухареста, т.е. 2 текущего месяца, я имел счастье отправить Вашему Величеству депеши мои с одним из Пизани. В ту же минуту, когда я садился в карету, приехал ко мне другой Пизани из Константинополя. Г. Италинский уведомляет меня, что Порта, наконец, решилась признать его в качестве полномочного министра. Депеши его будут сообщены канцлеру, который без сомнения представит их Вашему Величеству. Письмо г. Италинского к Рейс-Эфенди довольно энергично; оно и произвело хорошее действие; не понимаю после этого, как он и г. Листон могут воображать, что только кротостью, умеренностью и обязательностью можно достигнуть, чего хочешь от этого министерства. Образ действия Андреосси, который они называют вполне высокомерным и надменным, подтверждает эту истину, которая во все времена отличало турецкое правительство и которую Ваше Величество изволили мне предписать как правило, что с ними можно успеть лишь твердостью, смелостью и угрозою. Андреосси поступает весьма методически; он уже заставил удалить драгомана кн. Муризи, принадлежащего к нашей партии. Как только он таким образом удалит всех тех, которые могли противоречить его доводам и препятствовать его действиям, он устранил все затруднения и тогда мы напрасно будем ждать, как полагают эти два поседевшие в делах английский и русский министры, что покорность Порты требованиям французского посла избалует его, делает его дерзким и даст благоприятный оборот нашим делам. Да благоугодно будет Вашему Величеству позволить мне действовать с армией, которой я имею честь командовать, и Вам модно будет давать предписания султану и предупредить его, что я буду просить у Вашего Величества приказать мне выпроводить его в Азию. Князь Мурузи сказал графу Капод'Истрия: Не знаю, что сделал г. адмирал, но все христиане под турецким владычеством готовы были к восстанию и только ожидали сигнала. Какое несчастье, Государь, что еще раз обманулись в подобном ожидании. Я еще в Фокшанах, в настоящую минуту был бы у Константинополя. Какая разница влияния на общие дела. Наследный принц шведский не совестится через Копенгаген идти в Любек или в Стральзунд; отчего же бы нам через Константинополь не пройти в Италию или в Далмацию? Всенижайше прошу Ваше Величество простить мне, но сердце обливается кровью, когда я подумаю об этом упущенном случае, который, может быть, не возвратится. Имею честь приложить при сем копию с письма Черного Георгия (Карагеоргия), который плачет, что не может своих войск соединить с нашими,

чтобы идти на общего врага. Чего бы нельзя сделать с 40 тысячами подобных людей?

Имею честь повергнуть на воззрение Вашего Величества Австрийский Мемуар, сообщенный мне г. Италинским. Много идей, говорят, было одобрены правительством, которое может быть им воспользуется. Армия Ваша Государь, приводила в трепет юг Европы и сильно смущала Наполеона. Нынче турки, австрийцы вздохнули, и Франция поручает то, что должна бы была сделать Ваша армия.

Г. Ламздорф, который не мог переносить здешнего климата, даже когда мы отсюда выступаем, будет иметь счастье вручить Вашему Величеству эти депеши. Он нарочно с ними отправлен. Может быть, он в состоянии будет отвечать на вопросы, которые Вашему Величеству угодно будет ему предложить о здешнем положении дел. Мы выступаем, об нас вообще сожалеют и мы оставляем некоторую надежду. Если бы можно было затянуть решение о секретных статьях и в особенности воспротивиться разрушению Измаила, — это, может быть, дало бы повод к новому разрыву. Г. Италинский пишет мне, что турки не намерены обезоруживаться, пока не окончательно решено дело об этих секретных статьях. Дело в том, что турки сами не хотят драться с нами, а христиане только и желают присоединиться к нам.

Осмеливаюсь просить повеления Вашего Величества: если бы, по переходе через Днестр я нашел выгодным для нас войти в Галицию и туда перенести военные действия, могу ли я это сделать? Особенно необходимо было бы иметь частные сообщения с другими армиями, ибо в настоящую минуту, мы в совершенном неведении того, что происходит. Ген. Тормасов сообщил мне известие об одержанной победе при Кобрине и вот все, что мы здесь знает достоверного. Неопределенные слухи лишь поддерживают беспокойство.

Мне неизвестно, какое употребление Вашему Величеству угодно сделать из новых наборов, производимых внутри Империи, но если мне позволено высказать мое мнение, мне кажется, что отдельная служба, какую можно ожидать от этих войск, была бы мало полезна, так как всегда чрезвычайно трудно найти офицеров для предводительства их. Я полагаю, что если бы Вашему Величеству угодно было употребить их единственно на укомплектование армий, то это было бы весьма полезно, и армии Ваши были бы неистоцимы. Физическая сила без нравственной ничтожна; она даже служит помехой; нравственная же сила у нас очень ограничена, а с ней-то и надо соединять физическую. Если бы по несчастию французы, при попытках их с нами сражаться, встретили подобное войско, они бы рассеяли его, как настоящую вооруженную шайку, привели бы в смущение и отчаянье народ и могли бы произвести всеобщее уныние. Если же бы, вместо того, слить их с армиями, — это были бы те же регулярные войска и этим были бы отняты у неприятеля средства ослабить их. Эта идея меня поразила. И я, как верноподданный, счел долгом повергнуть ее на воззрение Вашего Величества. Я все боюсь, чтобы неопытность и высокоумие не вовлекли наше дворянство в какое-нибудь отважное и даже пагубное предприятие. В рвении у нас никогда нет недостатка, в умении же весьма часто.

Рекруты, которых оставляют в запасах не лучше мужиков; война гораздо лучшая школа, чем подобного рода уроки. Я говорю так потому, что я собирал сведения о малочисленности этих рекрут, которых к нам прислали; они не умеют ружья держать; едва понимают, что значит направо, налево; все это они делают очень неловко. Если бы Вашему Величеству возможно было дать нам несколько солдат, или рекрут, или милиционеров, чтобы пополнить кадры, мы бы тотчас их образовали ко всему, что необходимо и действительно полезно. Мы особенно чувствуем недостаток в офицерах; здесь их убыло чрезвычайно много.

Герцог Ришелье с некоторого времени хранит глубокое молчание; не могу добиться от него, выступили или нет войска, которые он должен мне прислать. Говорят, он сам ведет их. Я бы предпочел, чтобы Ваше Величество отнял у меня находящегося уже здесь француза, чем давать мне еще одного. Весьма неприятно иметь дело с людьми, которые не умеют переносить уважения. Если с ними обходиться хорошо, то они, наверное, отвечают презрением, а тяжело быть обязанным всегда держаться, так сказать, настороже.

Поручив г. Рахманову снабдить продовольствием находящиеся на его пути магазины, я узнал, что есть некоторое количество попорченной муки, которую намереваются смешать с хорошей и так спустить. Зная, как вредна может быть подобная метода для здоровья солдат, которых следует очень беречь, я писал г. Рахманову, что мука эта не будет принята и долгом поставлю о том известить Ваше Величество в том предположении, что Вам может быть благоугодно будет воспретить вообще такого рода неуместную экономию. В такое время, как настоящее, мы должны быть особенно щедры на заботы для сохранения здоровья тех, которые должны проливать кровь за отечество.

Имею счастье донести Вашему Величеству, что я выдал несколько сотен червонцев в виде займа генералам Воинову и Сабанееву, и осмеливаюсь испрашивать соизволения не требовать возврата оных. Они действительно нуждались в этом пособии на издержки на начало кампании.

С глубочайшим почтением имею счастье быть,

Всемиловитейший Государь,

Вашего Императорского Величества

верноподданнейший

П. Чичагов.

6 августа 1812. Фокшаны.

Умоляю Ваше Величество уничтожить это письмо. Искренность хороша только в глазах того, к кому она обращается и который великодушно сносит ее.

Всемиловитейший Государь!

Разлитие от дождей здешних рек, которых очень много, замедлило несколькими днями наш поход. Впрочем, ныне, 18 августа, авангард начинает переправляться через Днестр в Хотине, а остальное последует вскоре. В самом непродолжительном времени я выезжаю из Ясс в Каменец-Подольск. Все мы, сколько нас ни есть, Государь! с нетерпением ожидаем вступить в бой, но рас-

стояния огромны и препятствия иногда неодолимы. Меня утешает надежда, что дожди есть отсюда до Риги и что неприятель их имел вдоволь. Болезни также умножились; но смертность, благодаря Бога, невелика; я бы, впрочем, был очень рад, если бы запасы рекрут, которых Ваше Величество назначили в эту армию и к которым я уж обращался, могли нас чем-нибудь снабдить, ибо недостаток в людях в полках значительный.

Недавно имел я сведения о 1-й, 2-й и 3-й армиях; положение дел заставляет меня более чем когда-либо желать соединиться с той, которая нам будет доступнее и надеюсь, что до соединения, я уже буду знать, кто из нас двоих будет командовать: Ген. Тормасов или я. Он сообщил мне на днях, что получил уведомление от военного министра, который говорит, что Вашему Величеству угодно, чтобы часть моей армии была отдана в его распоряжение для усиления его, и что вследствие сего, он уже отправил приказание к генералу, командующему моим авангардом. Два затруднения представляются в этом случае: во 1-х, что эта часть моего войска не так составлена, как бы следовало, чтобы образовать колонну армии. Она составила вследствие положения, какое армия занимала в Валахии; полки, которые были впереди, выступили первыми; вот почему кавалерия там многочисленна, а пехоты мало; мое намерение было устроить это и разделить армию как следует после перехода через Днестр и когда бы, по крайней мере половина была соединена; из 28 батальонов, не считая казаков, всего только 9 батальонов; соединили все, что могли и как могли, чтобы выступить тотчас и потом уже при первой возможности все распутать. Второе затруднение, Государь, заключается в образе действий ген. Тормасова; я бы поступил совсем иначе. Он, мне кажется, разбросан; он всегда будет слишком слаб на всех пунктах, где встретит неприятеля; и даже если его поколотит, ибо солдаты дерутся превосходно, он не может достигнуть другого результата, как после победы при Кобрине, которая заставила его вернуться в Ковель. Может быть, он не мог поступить иначе, но я вовсе не намерен делать того же. Мне не известны инструкции, коими Вашему Величеству благоугодно было его снабдить, но мне кажется, в них не может заключаться ничего другого, как сказать: вот средства, которые я вам даю; сохраните с этим страну и нанесите врагу как можно более зла; а это не заставляет рассеивать эти средства. Обещания, угрозы и деньги, — вот главное войско, которое должно противопоставить, чтобы предотвратить возмущения. Потом следует стараться быть сильным на атакуемых пунктах или на тех, где можно быть атакованным; вот план, которому я намеревался следовать, и так я сам пошел бы на помощь ген. Тормасову, но не допущу себя разбросить, пока Ваше Величество не изволите сообщить мне о намерениях Ваших. Если я всегда говорил с откровенностью моему Государю, то конечно уже не теперь буду стараться скрываться. Я не честолюбив, Государь, но обязан высказать Вам всю чистейшую правду в настоящую минуту, хотя бы казался даже добывающимся чего-либо. Если рассуждения мои справедливы, если Ваше Величество считаете меня способным служить Вам лучше другого, я готов; если же другой может сделать лучше, я удаляюсь довольный, как тот афинянин, который был счастлив между своими согражданами найти стольких достойнее его.

Я взял полк казаков черноморцев; они могут быть нам полезны во многих отношениях; они будут вооружены пиками и ружьями или турецкими пистолетами. Против штыков они будут действовать пиками, а в других случаях будут служить стрелками. Так как они одного происхождения с малороссийскими казаками, их можно будет также употребить, чтобы внушать и распространять между жителями тот дух, который нужно будет в них поддерживать. Полк этот находился на флотилии в Галаце, где ему более нечего было делать; его еще можно употребить на реках, везде, где встретится надобность.

В поездку мою в Журжево, Ибраил, Галац, Рении, Измаил, я проехал по части Бессарабии, чтобы достигнуть Ясс. В Журжеве и Ибраиле я нашел бездну сложных там полевых орудий. Я приказал их все вывезти и имею счастье донести о сем Вашему Величеству, зная, что турки могли бы требовать их на основании статьи договора, в кое сказано, что крепости будут сданы в том виде, как они находятся ныне. Но это должно относиться только до самых крепостей с принадлежащими им крепостными орудиями, тогда как другие суть трофеи, принадлежащие армии вследствие сражений и, следовательно, не должны быть возвращены.

Бессарабия прекрасная страна, Государь; она представляет большие выгоды, но надо ей дать времени отдохнуть. Я старался доставить жителям ее несколько более привилегий, чем соседним. Как Ваше Величество усмотреть изволите из инструкции гражданскому губернатору, они изъяты от налогов на три года вместо двух, как оговорено в статье трактата для Молдавии; они освобождены от рекрутской повинности, ибо на самом деле народонаселение еще не многочисленно и противная мера, вместо привлечения, заставила бы бежать и тех, которые там находятся. Я стараюсь дать им почувствовать благодетельное управление Вашего Величества, простирающееся не только на тех, которые уже подчинены Вам, но и на тех, коих судьба привела под Ваше владычество. Прилагаемая при сем записка представляется с этой целью; я дал ей эту форму, потому что это такого рода бумаги, которые не должны выходить из кабинета Вашего Величества и которые составлены единственно для Вас. Полагаю, что страна эта будет преуспевать, если Ваше Величество оградите ее от размножения властей. Здесь ничего не следует делать, ничего устраивать, чего не требуют местные нужды и что не согласно с местными средствами. Синод первый вмешался; он сделал все, что касается его начальствования; он захватил себе право приказывать, а мне оставил только обязанность платить чиновникам. Я познакомился с Экзархом; он, кажется, готов довольствоваться малым, он кроток и любезен до крайности, если его не обременяют регламентами и нововведениями; может быть, и духовенство этой страны могло бы быть счастливо. Здесь должно быть правление феополитическое, в не синодальное, а потому все что Ваше Величество найдете возможным, чтобы отдалить влияние Синода полезно и соответственно общему плану.

Генерал-майор Тучков весьма любим в Бессарабии; простыми и кроткими средствами он привлек жителей в эту страну и содействовал к поселению их экономическим образом и сообразно привычкам и нравам сих людей и средствам страны. У него чувства благородные, бескорыстные, усердие и поз-

нения: имею счастье представить донесение мое о вознаграждении его. Он истинно создал город весьма хорошо лежащий и весьма обширный.

Мне остается только возобновить желания мои об успехе Ваших войск, Государь. Если Ваше Величество еще можете избежать генеральных сражений до присоединения командуемой мною армии к 3-й, может быть, будет возможно начать наступательные действия со всех сторон разом, поставить неприятеля в большое затруднение и ожидать для нас выгодных результатов. Побеждая неприятеля, даже с меньшими силами, мы докажем только, что наши солдаты стоят выше, но если последствия не выгодны, то главное будет потеряно. Только людьми жертвуют понапрасну, и чем эти люди лучше, тем чувствительнее их потеря. С нетерпением буду ожидать повелений, какими Вашему Величеству будет угодно снабдить меня в новом моем положении; буду следовать тем, которые еще могут служить мне руководством и имею счастье быть с глубочайшим почтением,

Всемиловитейший Государь,
Вашего Императорского Величества
верноподданнейший
П. Чичагов.

Яссы,

18 августа 1812,

Глава Сербов праздновал публично перед всем собравшимся народом получение им ордена св. Анны. Всеобщие возгласы были: Да здравствует Его Величество Император Александр, наш благодетель.

С.—Петербург, 5-го сентября, 1812 года.

Я аккуратно получил ваши письма от 18-го и 22-го июля и от 2-го, 6-го и 18-го августа. Не могу вам достаточно высказать всего удовольствия, доставленного мне выраженными в них чувствами. Вы знаете всю дружбу мою к вам и она никогда, ни к какое время и ни при каких обстоятельствах не изменялась.

Начну с ответа на различные вопросы в ваших письмах, требующие разрешения.

Организация, которую вы дали Бессарабии, превосходна и у меня не найдется решительно никаких изменений для внесения в нее; надеюсь, что, благодаря стараниям вашим, а также г. Стурдзы²⁸, страна почувствует перемену владычества и будет счастлива.

Я утверждая все награды, которые вы испрашивали, а также чин для Капо д'Истрии и наименование предместья, выстроенного Тучковым, его именем.

Присланная вами мне записка относительно жителей, имеющих владения на обоих берегах Прута, очень хорошая, и я всецело одобряю ее. Вы поступили

---

²⁸ Стурдза — первый гражданский губернатор присоединенной в 1812г. к России Бессарабской области.

очень хорошо, раздав генералам пособия червонцами. А вот чему я не нахожу слов, чтобы достаточно похвалить — это отношению вашему к Сербам; вы оказали настоящую услугу России и мне, привлекая этих людей на нашу сторону. Я надеюсь, что в свое время и в своем месте они окажутся нам очень полезными.

Будьте уверены в моем молчании насчет богатства кассы вашей армии. Я обязан этим вашим стараниям и вашему умелому управлению, а потому несправедливо, чтобы вы были лишены плодов ваших трудов.

Я вполне согласен с вашим мнением относительно предложений Ремиза Паши. Благоразумнее всего будет отложить их исполнение на некоторое время, причем, я продолжаю вполне надеяться, что с помощью Провидения, при условии смелого и настойчивого продолжения борьбы, которую мы ведем против тирана человеческого рода, она должна кончиться успешно, и тогда мы будем в состоянии взяться снова за наши планы по отношению к землям, откуда вы только что ушли. Я принимаю предсказание, символически выраженное присланной вами маленькой медалью, и благодарю вас за любезную манеру, в которую вы облекли вашу мысль.

Я нахожу ваши военные рассуждения как нельзя более правильными и убежден, что при том уме и энергичном характере которые дала вам природа, вы окажете величайшие услуги своей родине и добродетели.

Теперь надо мне поговорить с вами о том, что произошло в остальных армиях.

Первая хорошо выполнила условленный план до берегов Двины, 6 корпусов, из которых она состоит, развернулись и сосредоточились под носом у неприятеля, без того, чтобы ему хоть раз удалось окружить их, или перехватить хоть один гусарский патруль.

Что же касается второй, то кн. Багратион, по получении известия о разрыве, вместо того, чтобы двинуться, согласно данному ему приказу, начал мешкать и потерял два или три дня, вследствие чего неприятель получил возможность предупредить его в Минске на несколько часов. Там кн. Багратион сделал вторую ошибку, а именно для переправы через Березину у Борисова не форсировал Минска; неприятель мог прибыть туда только с авангардом в 6000 человек, а во второй армии было под ружьем около 60000. Вместо этого, кн. Багратион сделал громадный обход, двинувшись через Несвиж и Слуцк на Бобруйск, что, помимо потери времени и обусловленного этим бесполезного движения, еще и удаляло обе армии одну от другой вместо того, чтобы сблизить их. Эта ошибка повлекла за собой другие. Первая армия — вместо того, чтобы оставаться на Двине, как было условлено, вынуждена была двинуться, в следствие этого, влево, чтобы приблизиться ко второй армии и облегчить этим путем их соединение. Между тем, вместо того, чтобы переправиться через эту реку в Будилове или Бешенковичах, военный министр²⁹ заставляет ее напрасно отступать до Витебска, а затем до Поречья, для того, чтобы двинуться отсюда

29

Барклай-де-Толли

на Смоленск, тогда как это можно было бы сделать через Сенно гораздо скорее. В то же время вследствие первой ошибки неприятель предупредил 2-ю армию на переправе через Днепр у Могилева, и кн. Багратион, имевший лишь полуплан на напасть на Даву, дал там только славный для наших войск, но бесполезный бой, ибо ввел в дело только две дивизии своей армии, вместо того, чтобы сделать это со всеми своими силами, если он желал непременно овладеть этим пунктом; таким образом, после этого боя ему не пришлось переправляться через Днепр у Старого Быхова при Могилеве. Неприятель совершил тут, в свою очередь, громадную ошибку, предоставив обеим армиям возможность соединиться в Смоленске, чему он мог, конечно, помешать, двинувшись из Орши и Могилев к Смоленску.

По соединении обеих армий, перешли к наступательным действиям; однако ошибка, сделанная военным министром, избравшим для атаки неприятеля его левый фланг в Поречье, тогда как проще всего было бы двинуться против правого фланга неприятеля, направляясь на Красное — повела к тому, что неприятель, пока на него шли в Поречье, сосредоточился к Красному и мог быть под стенами Смоленска, прежде чем армия успела бы исправить ошибочное движение, произведенное ею по направлению к Поречью.

В Смоленске была допущена снова ошибка, обусловленная опять таки полупланом удержать Смоленск, так что и там даны были тоже очень славные, но столь же бесполезные бои, ибо кончили отступлением от Смоленска, вместо того, чтобы дать там сражение, для чего там имелись все выгоды.

Все эти нерешительные действия военного министра, которые повели к движению неприятеля на Москву и к полной утрате доверия к нему со стороны армии и всего народа, явившееся естественным последствием его ошибок, вынудили меня отправить туда нового главнокомандующего. У меня не было большого выбора; генерал Кутузов был единственным у меня под руками, и общественное мнение намечало его на этот пост. Славные дни 24, 25 и 26 августа, когда Наполеон был совершенно отбит и вынужден отступить, несмотря на все его усилия, оправдали до некоторой степени этот выбор.

Несмотря на все только что перечисленные мною вам обстоятельства и несколько не считая положение наших дел плохим, несмотря на то, что Наполеон находится в сердце России, я усматриваю именно в этом выгодные для нас шансы, могущие заставить его раскатиться в том способе действия, на который он отважился.

Теперь необходим общий план действий для армий, находящихся в тылу неприятеля. С этой целью, я командировал полковника Чернышева для того, чтобы сообщить письменно мои идеи генералу Кутузову, а оттуда он отправится к вам, чтобы сообщить вам эти бумаги. Я вовсе не требую, чтобы все это было выполнено буквально; это лишь канва и ваше собственная проницательность укажет вам, что на ней следует вышивать.

Я призываю генерала Торماسова в главную армию, так как кн. Багратион ранен. Вы примите, следовательно, командование над его армией, которая будет составлять отныне одно целое с вашей собственной. Корпуса Эртеля и Сакена и пополнения состоящие под начальством генерала Рота, у Елисаветграда,

входят также в ее состав и вы будете направлять их движения к достижению общей цели. У Витгенштейна под Полоцком будет 45.000 чел., а Штейнгель с Рижским гарнизоном будет иметь под своим начальством 35.000 человек. Вот, значит, 80.000, да в вашей армии будет наверное столько же, если не больше; таким образом, в тылу императора Наполеона будет 160.000 человек.

То, что вы говорите мне насчет прокламаций, с которыми следует обратиться к полякам — совершенно справедливо и я упономочиваю вас говорить с ними таким языком, чтобы наэлектризовать их, отвлекши их от Наполеона, который их обманывает. Ваш разум подскажет вам все, что надо будет сказать им с этой целью.

Я очень внушал Кутузову щадить ваше самолюбие при сношениях с вами, не смотря на его старшинство, и он обещал мне это положительно. Впрочем, я знаю, что у вас слишком возвышенная душа, чтобы в такую минуту вас могли останавливать мелочные соображения. Я знаю, что прекрасная роль, которая выпала вам, будет единственной целью, которую вы будете иметь ввиду, потому что вы можете стать спасителем своей родины. Весь ваш сердцем и душою.

(Подпись).

Всемиловейший Государь,

Г. Чернышев передал мне инструкцию Вашего Величества касательно плана действий столь же обширного сколь важного. В качестве военного я считаю себе за особую честь и глубоко чувствую сей знак Вашего доверия, но в качестве человека преданного Вам не по приказу, но по чувству чистейшему, глубочайшему и искреннейшему, не могу видеть без крайнего огорчения насколько средства и формы, употребляемые для выполнения лучших намерений Ваших, почти всегда или ошибочны или недостаточны. Намерение Вашего Величества, в сем последнем плане действий, есть соединить власть в одном пункте, сосредоточив силы и сколько возможно сохранить единство для достижения цели, а во всех полученных мною депешах и заключающихся в них приказах нигде не сказано, что командование этими войсками и соединенными корпусами будет возложено на меня. Все, что относится до идеи о командовании, изложено так неопределенно, так бесполезно велеричиво, что с первого же шага генерал Торماسов не счел себя даже уполномоченным передать мне свою армию. Рискую найти тоже сопротивление в начальниках всех корпусов, ибо ни одному не сказано, что он будет состоять под моим начальством, а только, что мы условимся о совокупности действий. Таким образом, вместо единства, начинается большим размножением властей. Потом Ваше Величество изволите требовать величайшей точности в исполнении плана; всякий должен прибыть на известный путь в назначенный день, тогда как первый пункт, из которого выступаю, не верен. Полагают, что я в остроге тогда как я уже был в Любомле; хотят, чтобы я препятствовал соединению Шварценберга с главной армией и чтобы я для достижения этого результата перешел на правый фланг, тогда как мы его прогнали, перейдя напротив на левый фланг, чтобы не дать ему ускользнуть, что впрочем ему удалось. Находящийся в Мозыре корпус, принадлежащий уже 3-й армии получает

инструкции гадательные из Петербурга, тогда как я был близ него и заставлял его идти, смотря по обстоятельствам настоящим, а не гадательным. Впрочем, кому не известно, что в настоящую минуту Ваше Величество удручены важными делами, часто неприятными и что Вам невозможно следить за подробностями. Не менее того долг мой повелевает мне повергнуть замечания эти на Ваше воззрение, дабы, если Вы найдете их справедливыми, Вы повелели последующие инструкции изложить с должною точностью, не только для того, чтобы избегнуть сцепления сбивчивых идей, которые могут истекать из недовольно явных инструкций, но и для того, чтобы отстранить всякого рода сомнения насчет Ваших первоначальных предначертаний. Вместе с тем ничто не будет упущено, чтобы общее дело не страдало от мелких частных интересов, которые неуместны. Буду действовать, как если бы имел самые точные инструкции. Кто им будет противиться, тот и ответит.

В Молдавии сенатор весьма неохотно исполняет мои приказания; не стоило его удалять оттуда, ибо его час скоро пробьет, но надобно, чтобы Вашему Величеству было известно, что это вор первой руки, имеющий на то все данные. Он хочет насильно поселиться в Бессарабии, чтобы продолжать свои происки.

Два корпуса молдавской армии идут на Брест-Литовск; 3-я армия и остатки моей направляются различными путями на Кобрин. Неприятель вне наших границ и я постараюсь прибыть как можно скорее в Слоним и потом в Минск, но мне нужно добыть себе продовольственные средства, что довольно трудно.

Если г. Чернышев останется здесь, то не должен воздержаться писать к Вашему Величеству. Мне это ничего, но это вредит дисциплине, это дает орудие или надежду интриганам, которых везде вдоволь; это, наконец, рассеивает внимание и ослабляет повиновения. Умоляю Ваше Величество дать ему понять это.

Не могу иметь других желаний как те, чтобы быть полезным моему Государю, ни другой должности как ту, в которой я могу жертвовать собою. На Его пользу.

С глубочайшим почтением имею счастье быть,
Всемиловейший Государь, Вашего Величества
верноподданнейший

П. Чичагов.

22 сентября 1812.

Деревня Орхова против Влодавы, на Буге.

При сем прилагаю на воззрение Вашего Величества две мои прокламации.
(не оказалось)

Всемиловейший Государь,

Всякое слово милостивого письма, которым Вашему Величеству было угодно удостоить меня от 5 сентября, есть новое выражение Вашего ко мне отличного благоволения, Вашей крайней ко мне снисходительности. Услугу, ожидаемые Вами от меня, будут единственным предметом моих забот, единственным употреблением моих способностей и стараний.

Со времени отъезда ген. Торماسова я принял командование над двумя армиями под наименованием западной армии. Если бы я получил письмо Вашего Величества в одно время с инструкциями, привезенными г. Чернышевым, то не было бы никакого замешательства, никакого затруднения, ибо письмо это пролило бы величайший свет на все, что инструкции заключали в себе темного. В делах у нас существует некоторого рода обратный и весьма несчастный характер. Как бы прекрасна, велика и совершенна ни была первоначальная идея начальника, проходя через головы подчиненных, она изменяется, искажается и делается дурной или даже ничтожной, тогда как в других странах первоначальная идея, сколько-нибудь полезная и светлая, приобретает все совершенство в подробностях, какое возможно при переходе через разные инстанции и производит наилучшее действие. Я это вижу в малом виде, Ваше Величество испытывает в большом, а это очень жаль. Приложу все старание, чтобы разъяснить себе настоящий дух Вашего Величества и буду соображаться с ним с самым точным вниманием.

Преследование наше, как и отступление неприятеля, удивительно однообразны. Он готовился давно и почва доставляет ему все те же средства. Это болота, гати, изломанные мосты, которые мы на каждом шагу исправляем. Стычки арьберггарда и несколько пленных, попадающих в наши руки, — вот результаты в настоящее время. Мы полагали, что неприятель, переправясь через Буг у Влодавы, возвратится в Княжество, между тем как он был занят переправой через ту же реку перед Брестом и, казалось, хотел удержать этот пункт. В виду огромной важности и пользы для него Бреста в настоящую минуту, я полагал, что действительно он будет в нем защищаться. В этом предположении поддерживали меня и строенные им там батареи и другие оборонительные предосторожности. Я собрал свои силы и 29 сентября мы должны были его атаковать, когда к крайнему удивлению всей армии узнали, что он воспользовался ночным временем, чтобы удалиться. Утро было темное, туман казался не благоприятным, тогда как неприятелю он оказывал величайшую услугу, прикрывая его бегство. Не останавливаясь ни минуты, мы преследовали его и достигли его арьберггарда за 6 или 7 верст от Бреста, в лесистой местности за Лешною; сделано было с обеих сторон несколько выстрелов, мосты были сломаны или сожжены, и неприятеля нельзя было достигнуть. Ночью — новое бегство. Увидав, впрочем, что игра эта увлекает нас слишком далеко, отдаляя от настоящей нашей дороги, я приказал главной части армии остановиться в Бресте, послав преследовать неприятеля легкие войска, которых он принял за наш авангард. Корпус ген. Мора отделился от остальных и у него отбили отряд его кавалерии, состоящий из одного офицера и 70 гусар. Принцы Лихтенштейнский и Гессен-Гомбургский тяжело ранены и выбыли из строя, подполковник Шмидт и несколько офицеров взяты в плен с 2000 солдат. Неприятель, наверное, потерял от 4 до 5 тысяч в это отступление, судя по огромному количеству людей, которых мы видели рассеянными не имея возможности их взять. Во время пребывания нашего в Бресте, я старался снабдить армию продовольствием и наводнять герцогство Варшавское легкой кавалерией. Первая из этих целей была достигнута частью прибытием обозов, которые не могли следо-

вать за войсками, частью контрибуцией, взятой в стране и в герцогстве Варшавском. Продовольствие здесь добыть трудно и будет еще труднее там, куда мы направляемся: эта статья меня очень беспокоит. Я бы хотел выйти отсюда с 15 дневным запасным продовольствием и чтобы ежедневные потребности могли быть покрываемы контрибуциями, которые я стараюсь делать сколь можно менее обременительными и неравными.

В то же время летучие отряды, из коих один под начальством ген. Дехтерева, другой — ген. Желисенко, и третий — г. Чернышева, в сопровождении козачков, объезжают герцогство в разных направлениях почти до стен Варшавы. Чернышев один разорил множество магазинов. Ежедневно к нам прибывает много фуража и продовольствия. Впрочем, неприятель, чтобы мешать действиям нашим с этой стороны, перенесся на большую дорогу в Белу, недалеко от Бреста; здесь мы имели дело дурно веденное ген. Эссеном, который, вместо того, чтобы согласовать атаку с ген. Булатовым, командовавшим другим корпусом, действовал один, был отражен и при отступлении лишился одного орудия и более 300 человек. Ген. Кн. Щварценберг и Ренье были соединены; Эссен в этом случае оказал величайшую неспособность, в какой только можно упрекнуть генерала, ибо, не согласясь с Булатовым, не узнав сил неприятеля, он пустился в это дело. С своей стороны Булатов находился на расстоянии одной мили оттуда и спокойно слушал перестрелку. Ваше Величество может быть упрекнете меня, что я поручил командование корпусом Булатову, но это не было моим намерением; командир этого корпуса — генерал Засс; его ждали каждый день; он не прибыл. Впрочем, и выбор не велик: Эссен не лучше, только честнее; но я особенно нашел человека, который ниже всего, что можно иметь худшего — это Марков, невежа, низкий, надменный, без принципов, без ума — не понимающий, что ему говорят в самых простых вещах. Он отрицал получение приказа, которого он не исполнил, и которое послано ему было в присутствии четырех свидетелей: Сабанеева, Зурова, Тучкова и Ольдекопа; наконец, он осмелился отказать в повиновении; тогда я отнял у него командование. Он еще имел наглость прислать мне рапорт, в котором искажал все дело; но так как он вместе с тем просился в главную армию, то я отпустил его. Это человек, на которого никто не должен рассчитывать. Я никогда не знал его, но в 4 или 5 дней, что я его видел, это были только несвязные черты лести, низости, дерзости, лукавства и глупости. Я счел настоятельным для блага службы отдаляться от него и, к счастью, он не замедлил доставить мне к тому случай. После несчастного дела Эссена мы хотели поправить зло серьезной атакой, но неприятеля уже не было; он удалился в ту же ночь.

Цель моих действий будучи отчасти достигнута отступлением неприятеля в герцогство, пора мне приблизиться к главной части плана, т.е. войти в сношения с графом Витгенштейном и утвердиться на сообщении главной неприятельской армии. Вот, Государь, как я намерен поступить. Я оставляю довольно сильный корпус в Бресте, чтобы оберегать этот пункт и охранять безопасность границы. Партии наши могут идти до Белостока и Гродно, и если генерал Штейнгель прибудет в Вильну, то вся эта сторона будет занята нами. С остатком армии я направлюсь к Слониму, Несвижу и Минску, если никто мне не помешает

на пути. Положение Бреста облегчит нам средства распространять прокламации в герцогстве Варшавском. Ваше Величество не можете себе представить бегства жителей; в городах мы находим одних жидов; они одни нам преданы. Что касается до поляков, то одни из них пассивны, другие против нас, но время и обещания, может быть, изменят это. Я всячески буду стараться в этом успеть. Непременно надо их заставить переменить покровителя, ибо им же будет лучше. Трудно, конечно, бороться с их принципом, — он законный, но они дурно за него берутся. Вот что следует им доказать. Достигнуть более существенных результатов верными путями — достойно усилий благомыслящих людей.

Я узнал, Государь, о секретной переписке, существующей между бароном Штейном и г. Груннером в Праге, который, говорят, посылает свои шифрованные депеши к радзивиловскому почтмейстеру для дальнейшего отправления их в министерство Вашего Величества. Так как сведения, заключающиеся в этой переписке, были бы для меня полезны, то не сочтете ли, Ваше Величество, нужным приказать, чтобы мне доставлен был шифр, которым снабжен г. Груннер, и чтобы радзивиловскому почтмейстеру было предписано сообщать мне все пакеты, доставляемые ему этим секретным агентом, дабы я, прочитав бумаги, мог их отправлять ли к князю Кутузову или к канцлеру.

Получив некоторые сведения, могущие интересовать Ваше Величество, беру смелость сообщить их. Я обязан ими барону Тэйлю.

1. Турецкий поверенный в делах в Вене Морожени совершенно предан французской партии и личный враг русских. Все что он пишет своему правительству в духе графа Меттерниха и французского посла графа д'Отто.

2. Французы распространяют бюллетени в Иллирии и между Черногорцами, чтобы поддерживать общественное мнение.

3. Французский посол в Варшаве, епископ Малинский, всеми средствами старается о возмущении южных провинций русской Польши. Для этого он содержит многих агентов, которые уведомляют его о всех наших движениях. Нам следует им помешать.

4. Французский посол в Вене граф Отто сам всячески старается получить от Австрийского кабинета приказание корпусу принца Гогенцоллернского действовать против нас. Он также домогался высылки русских из австрийских пределов, но в этом не успел.

5. Уверяют положительно, что граф Меттерних сообщает графу Отто все сведения получаемые тайной полицией.

Есть у нас люди, которые думают, что граф Меттерних заслуживает полного доверия; но лица знающие считают его вполне преданным французской системе, который он придерживается как в интересе, так и из любви к своему месту. Он очень хитер, очень скрытен, умеет тронуть слабую сторону людей и льстить их тщеславию, показывая сам прекрасные принципы и вкус к откровенности и честности. Два наших курьера были задержаны под разными предложениями и бумаги их перлюстрированы, за исключением пакета, который один из них, Розенфельдт, умел утаить от австрийцев. Меттерних желает играть роль посредника.

Князь Шварценберг совершенно предан французам. Он произведен в фельдмаршалы.

Что касается до Бессарабской области, я долгом считаю просить Ваше Величество приказать отозвать сенатора, дабы освободить страну от всего зловерного. Поведением своим он заставил себя ненавидеть, а, кажется, он имел намерение установить там свое владычество.

Должен сказать Вашему Величеству несколько слов о бреши, сделанной в финансах армии. В одном из ящиков нашли 44 мешка гривенников вместо червонцев. Казначей, со времени кн. Прозоровского, воровал эти деньги, а так как никто у нас не исполняет исправно свои обязанности, то и все те, которые должны поверять ежемесячно ящики никогда этого не делали с должным вниманием. Ныне виноватый сам объявил, каким образом он обманывал тех, которые приходили осматривать ящики. Средство довольно грубое, но оказалось и довольно тонким для наших аргусов. Он раскладывал мешки в них, а так как никто никогда не посмотрел, что находится в мешках, то гривенники в течение шести лет шли за червонцы. Надеюсь, что мы успеем что-нибудь возвратить, ибо надо было захватить все вещи казначея; должны быть также и сообщники, которые ответят каждый за себя. Истинно грустно и несчастливо, Государь, когда думаешь, что стараньем и трудами удалось скопить значительную сумму, и вдруг подобный негодяй сыграл такую гнусную штуку.

Да избавит Вам Бог, наискорее от внешних врагов Ваших и внутренних плутов, что еще труднее.

С глубочайшим почтением имею счастье быть,
Вашего Императорского Величества
верноподданнейший П. Чичагов.
Брест-Литовск,

9 октября 1812.

Сейчас получил известий об очень счастливой экспедиции. Генерал-майор Чаплиц был отправлен из Пружан, где находился корпус ген. — лейт. Сакена, в Слоним; там он нашел ген. Канопку, со всем его полком польской кавалерии, состоящей только из дворян, и всех взял, генерала и всех его людей и обозы. Город Слоним занят нами.

Если бы Вашему Величеству благоугодно было приказать передать мне всю предшествовавшую переписку барона Тэйля с военным министром, содержащую в себе список поляков, как преданных нам, так и противной партии, я полагаю, что это могло бы быть полезно для того, чтобы облегчать работу, которую я поручу нескольким лицам и с инструкции для коей — имею честь приложить при сем копию.

Может случиться, что для выиграния времени и дабы приобрести всю нужную свободу для исполнения моего плана действий, я воспользуюсь соседством, и буду преследовать Шварценберга до Варшавы, и постараюсь, таким

образом, с ним разделаться, иначе они будут всегда готовы возвратиться, как скоро я удалюсь от границы.

17 октября 1812г.

Надеюсь, что вы получили мое последнее письмо от 5 сентября, посланное с фельдъегерем Пфаффом. Ваше последнее письмо от 22-го из Оршовы против Влодавы.

Пишу вам эти строки, чтобы сообщить об успехе кн. Витгенштейна, который, разбив Гувион-Сен-Сира, взял Полоцк. Сегодня я получил известие, что Баварский корпус был разбит на дороге в Глубокое; 8 орудий и 24 знамени были трофеями этого дня.

Вы знаете уже, конечно, что Москва в нашей власти и что Мюрат с корпусом 45.000 человек был разбит главной армией, потеряв 38 орудий.

Теперь ваша очередь; вы видели из моего письма от 5-го, что вы главнокомандующий обеих армий, Молдавской и Тормасовской, и что я вовсе не требую рабского выполнения сообщенного вам плана, лишь бы только главная цель была осуществлена. Я жду всего от вашей превосходной рассудительности, от ваших талантов и от вашей энергии. Весь ваш душою и сердцем.

(Подпись).

Посылаю вам также интересные письма, перехваченные у французского курьера.

(Подпись).

Петербург, 26 Октября 1812 года.

Я получил вчера вечером ваше письмо от 9-го, из Бреста. Настоящее письмо отправляется вам с отрядом легкой кавалерии, который я приказал кн. Витгенштейну направить между Минском и Вильно на Слоним, чтобы добраться до вашего авангарда, чтобы как можно раньше уведомить вас, что кн. Витгенштейн выполнил свое движение, разбил маршала Гувион-Сен-Сира, взял Полоцк и переправился через Двину. Корпус Штейнгеля, благодаря ошибкам, сделанным Эссеном, не мог действовать в предписанном ему направлении, но вошел в связь с корпусом кн. Витгенштейна, разбил Баварцев, взяв у них 8 орудий и 22 знамени. Затем корпуса эти соединились под начальством кн. Витгенштейна, который и двинулся 19-го на Уллу, к Чашникам, и разбил остатки корпуса Сен-Сира, подкрепленного 15.000 человек корпуса Виктора, явившихся из Смоленска, и бывшего под его начальством, так как Сен-Сир, будучи раненым, сложил с себя командование.

Я только что получил известие из главной армии, от 21-го, что Наполеон в полном отступлении на Гжатск и потерял в деле близ Колоцкого монастыря 20 орудий. Вы поймете, как настоятельно необходимо, чтобы вы постара-

лись соединиться с Кн. Витгенштейном в окрестностях Минска или Борисова, так чтобы встретить с фронта армию Наполеона, в то время как наша главная армия будет его преследовать. Вашему усмотрению предоставляется выбор мер, наиболее подходящих для достижения цели, заключающейся в том, чтобы не выпускать Наполеона из наших пределов и постараться уничтожить его армию, поставив ее между вашей, корпусом Витгенштейна, армией Кутузова и корпусом Эртеля. Рассчитайте хорошенько расстояние и время. Наполеон будет у Гжацка 20-го числа. Вы были 10-го между Слонимом и Брестом. А потому вы имеете полную возможность поспеть, чтобы достигнуть указанного результата. Подумайте, насколько различны будут последствия если Наполеон перейдет через нашу границу и организует опять новую армию. Словом, я полагаюсь на вашу рассудительность, на ваше усердие и на вашу энергию. Весь ваш душою и сердцем. (10)

(10) В этом письме Государь всецело полагается на усмотрение адмирала Чичагова. Но у М.И. Богдановича в его «Истории Отечественной войны», т.2, гл. XXVII, «Приложения», имеются рескрипты, заключающие план форсирования переправ через Березину.

(Подпись).

Минск, начато 5, отправлено 7 ноября 1812.

Всемиловейший Государь,

Письмо, которым Вашему Величеству угодно было меня удостоить от 17-го октября застало меня на расстоянии одного перехода до Минска, тогда как авангард мой уже занял этот город. Я сам вступил сюда сегодня со всем своим войском. Входу нашему предшествовало несколько блестящих дел генерал-адъютанта Вашего Величества графа Ламберта, командующего авангардом, с корпусом генерала Коссецкого, состоящим из 3000 человек. Два знамени, два оружия и весь корпус, за исключением генерала, убежавшего с сотней лошадей, были взяты и уничтожены. От Несвижа до Минска мы взяли тут и там около 6 т. Пленных, в том числе 80 офицеров. В одном корпусе Коссецкого взято более 60 офицеров и в числе их один подполковник и несколько майоров. В Минске мы нашли большие запасы продовольствия всякого рода. Их хватит, по крайней мере на месяц, и каждый день поступает по требованиям французов, которые я велю продолжать, чтобы сделать удовольствие здешним друзьям французов. Мы нашли тоже большое количество пороха, который неприятель начал было поливать, но коего, как меня уверяли, весьма немного только попорчено. — Он хотел разорить, сжечь и взорвать город на воздух, но не успел к этому приготовиться и побоялся сделать это второпях, потому что здесь находилось очень много пороха, и это могло подвергнуть их общей опасности. Я был свидетелем жестокости, с какой французы обходятся с несчастными жертвами, привлеченными сюда Наполеоном. 2000 больных и раненых свалены один на другом без всякого попечения. Мы нашли трупы, лежащие с

живыми десять дней, так что причиной тому ужасному нерадению ни прибытие армии, ни другие какие-либо необходимые и чрезвычайные обстоятельства, а просто беспримерная жестокость. Мне говорили даже, что с самого начала их прихода сюда, госпитали всегда были в этом положении. Наполеон оставил им также следы от цивилизации, которую он им принес, я нашел дорогу, усеянную виселицами, одного повешенного и до двадцати крючков, готовых принять новых. Несмотря на то, поляки все еще его любят. Легкомысленные, или экзальтированные, или невежественные, они полагают, что служат собственному своему делу, тогда как они только помогают злополучным планам своего тирана, ибо он скоро перестанет быть тираном мира.

Между тем, ничто не могло придти нам более к стати, как известия о победах, одержанных графом Витгенштейном, о коих Вашему Величеству благоугодно было меня уведомить. Все усилия мои теперь будут направлены на пути, которые может избрать Наполеон и на соединение с победителями. Я посылаю во все стороны, чтобы войти с ними в сношения. Полковник Чернышев уже выехал из Слонима, чтобы стараться где-нибудь проникнуть. Дороги к Борисову, Березине, Докшице уже очищены; я выдвину свои посты как можно далее во все направления и сам двинусь со всеми своими силами туда, где найду неприятеля между мною и Витгенштейном. Через несколько дней, может быть через несколько часов, я буду положительно знать, что мне делать. Пока я остаюсь здесь на один день; это освежит армию, мы снабдим себя удовольствием, больные будут сданы, лошади перекованы на шипы без чего нельзя более идти с тех пор, как уже два дня гололедицы.

Теперь я должен возвратиться несколько назад в моем рассказе, чтобы донести Вашему Величеству о всем, что происходило со времени отправления письма моего их Бреста. Кн. Шварценберг и Ренье, которые наперед приготовили свое отступление, не могли быть серьезно достигнуты. Изгнанные из наших пределов, они расположились близ Венгрова на варшавской дороге и всегда были готовы бежать в Прагу прежде, чем бы мы могли с ними вступить в бой. Впрочем, они совершенно расстроили наш план, и я решился разделить армию, назначив одну часть, оставленную мной в Бресте под командой ген. — лейт. Сакена, чтобы мешать неприятелю, даже действовать наступательно на него или в герцогстве, и в то же время прикрыть Вольту и Подолику, через которые тогда проходили все наши обозы. В этом положении я считал возможным привлечь неприятеля к бою, ибо если его намерение действительно было удержать нас с этой стороны, то он не допустил бы меня перейти на противоположную сторону. Если бы он меня преследовал, ген. Сакен имел приказание идти ему по пятам, а я бы оставался, чтобы напасть на него прямо. В первые четыре, пять дней, я делал только самые маленькие походы, чтоб видеть, последует ли он за мной, и только в Слониме я узнал, что, усилившись всячески, армия его доходила до 50 т., и что он подвигался к Волковиску; отправлены были отряды в эту сторону, и я остался день в Слониме, чтобы выждать результаты рекогносцировки; в то же время я узнал, что ген. Сакен преследует его, отнимая обозы, и берет пленных. Между тем партизаны мои донесли мне, что он направляется к Неману; я также буду продолжать свой путь. Перед выезд-

дом из Бреста, я приказал корпусу в 3500 человек, который еще шел ко мне из Молдавии, направиться на Несвиж; ген. Эртелю я приказал двинуться на Игумен недалеко от Минска. Первый шел из Пинска, второй из Мозыря. Маршрут их был так составлен, что с появлением их в одно и то же время на всех пунктах, они не только очищали все пространство между Припетью и Березиной, но мы еще должны были поймать как в сети всех не успевших бежать отсюда. Ген. — майор Лидерс, командующий маленьким молдаванским корпусом, исполнил приказание буквально; Эртель напротив не тронулся из Мозыря, постоянно находя ничтожные предлоги и делая мне пустые вопросы. Это неповиновение могло бы и еще может иметь пагубные последствия. Корпус его состоит из 14 до 16 тысяч; у меня 32 т., у Ливена 3500, с Эртелевским это бы оставило более 50 т., что дало бы мне возможность большего сопротивления, даже без соединения с Витгенштейном. Это было также согласно с повелениями Вашего Величества. К тому же, по всем слухам, Виктор был близ Минска; у него и у Домбровского должно было быть также около 50 т. Следовательно вернее было бы встретить их с равными, чем с меньшими силами; но г. Эртель заблагорассудил действовать иначе, а так как у нас очень часто неповиновение остается безнаказанным, то г. Эртелю и захотелось это испытать. Для очистки своей совести, я отниму у него командование и отдам его под суд; остальное зависит от Высочайшей власти. Если бы он был при мне, я бы тотчас мог оставить отряд в Миске, а с остальным войском идти на встречу Наполеону или Виктору; я бы еще был силен без соединения с Витгенштейном, и хотя, я теперь сделаю тоже самое, но уже силы мои не будут те же, а игра, в которую мы играем, требует как можно менее риска. Не знаю более, прибудет ли он, когда и какое ему дать направление.

С другой стороны я писал ген. Сакену, чтобы он соединился со мною, как скоро австрийцы примут направление, которое отдалит их от нас; я знаю, что они перешли Неман и направляются к Вильне для прикрытия этого города. А между тем Сакен не идет и не пишет. Может быть, его курьеров перехватывают. Во всяком случае, если он держит на стороже эту армию, которая ныне на верно состоит из 50 т., тогда как у него только 25 т., то мне кажется, что это для нас выгодно, тем более, что мы будем очень достаточно сильны после соединения с гр. Витгенштейном и Штейнгелем.

Умоляю Ваше Величество обратить милостивое внимание на ходатайство мое о гр. Ламберте. Он, ген. Чаплиц и Щербаков весьма заслуживают повышения в генерал-лейтенанты; это бы весьма ободрило мою армию, ибо я надеюсь, что при первом случае меня освободят от Ланжерона, Эссена и Эртеля. Первый еще был бы хорош в сравнении с другими, если бы не был ветрен и рассеян. Но гр. Ламберт действительно примерной храбрости, усердия и деятельности и обладает военным тактом в высшей степени. Ген. Чаплиц также отличен; от другого ускользнул бы Конопка; к тому же он нам весьма полезен как благомыслящий поляк.

Я имел счастье тотчас получить письмо, отправленное Вашим Величеством с ген. Витгенштейном. Благодаря Бога, я уже на пути Наполеона, он не дешево прорвется через него. После завтра я буду в Борисове; авангард мой — завтра.

Буду стараться везде противопоставлять величайшие преграды и Ваше Величество можете быть уверены, что никто в мире не употребит более моего усердия к исполнению Ваших предначертаний. Ген. — м. Тучков примет командование от Эртеля и направится на Рогачев; оттуда, если не встретит неприятеля, приблизится ко мне через Могилев. Эртель, вследствие выжидания, задержан льдами и теперь, когда мосты снесены, не может двигаться. Ему то Домбровский обязан своим спасением; посланный мною корпус на Игумен несколько часов его не застал, через глускую дорогу он не мог бы избежать того корпуса, который бы там его встретил и это-то должен был сделать Эртель. Впрочем, он лишает меня употребления этого корпуса до тех пор, пока мосты не будут исправлены, что весьма сомнительно. Несчастливы те войска, в которых терпят подобных людей.

В Несвиже я узнал, что кн. Доминик Радзивил, который сформировал полк для Наполеона, позволил себе всякого рода косвенные клеветы, что он отправил некоторые ценные вещи, которые должны были служить доказательство разграбления, совершенного ими в Москве. Чтобы несколько отомстить, я позволил порыться в некоторых погребках его дома; там нашли сокровища: жемчуг, бриллианты и пр. Я увез что мог, это будет сложено в Бобруйске или в другом месте, дабы Ваше Величество изволили решить, что с этим делать. Я ничего не видал, но говорят, что есть вещи, достойные музеев. Все ценят более миллиона рублей. Это, вместе с 30 т. франков, взятыми с полком императорской французской гвардии, исправит вред, сделанный казначеем нашим в наших финансах.

Молю Бога, Государь, чтобы успехи соответствовали усердию нашему к службе Вашего Величества, тогда ничто не сравнится с ними.

Остаюсь, Всемилостивейший Государь,

Вашего Величества

верноподданнейший

П. Чичагов.

Всемилостивейший Государь,

Встречая возможность более прямого сообщения с С-Петербургом, пользуюсь им тотчас, чтобы донести Вашему Императорскому Величеству обо всем происходившем после последнего донесения моего из Минска. На другой день по прибытии моем в сей город, я усилил свой авангард несколькими полками и ротой артиллерии и приказал ему идти на Борисов. Генерал граф Ламберт отлично исполняет данное ему поручение. На другой день по его выходе выступила и остальная армия. От Минска до Борисова три перехода. 9 ноября на рассвете Ламберт, разделив свои войска на три колонны, атакует редуты; Домбровский занимал их со всем своим корпусом, прибывшим накануне усиленным маршем из Березины. Отпор был сильный, бой живой и продолжительный, но в храбром и искусном графе Ламберте Вы имеете, Государь, генерала, который не знает препятствий и который почувствовал всю важность поста, который неприятель решил удерживать во что бы то ни стало. Сражение продолжалось целый день; мы уже хотели идти на соединение с ним, когда он дал мне знать, что редуты взяты приступом, две тысячи убито, столько же

ранено, а остальные вместе с Домбровским и некоторыми другими рассеяны и преследуемы. Орел и семь орудий достались нам в добычу. В то же время как я отправил авангард из Минска в Борисов, ген. Чаплиц был послан в Зембин, чтобы охранять этот проход, а полковник Луковкин в Игумен чтобы захватить все, что неприятель оставил бы с этой стороны. Действительно часть войска Домбровского бросилась вдоль Березины и его захватил полковник Луковкин на дороге из Игумена в Борисов, где он должен был соединиться со мной; один полковник, несколько офицеров и еще орел были взяты с 300 кавалеристами. Пока авангард наш направлялся по дороге в Борб, который я хотел занять со всею армиею, чтобы оттуда поставить неприятелю как можно более преград. Но переход из Борисова был для него слишком важен и он сделал все возможное, чтобы удержать его. Таким образом Удино был отправлен с целью усилить Домбровского, мой авангард встретил его за 10 верст от Борисова, а так как к несчастью генерал Ламберт был ранен в деле при Борисове, а самый способный заменить его Чаплиц был в Зембине, я отдал командование Палену, которого мне рекомендовали, который был один из старших и который вел себя так, что об нем можно было сказать противное тому, что было сказано об Эпаминонде, т.е. что войска, которые накануне дрались как львы, обратились с ним в бегство как бараны. Этот авангард, который должен был остановить стремления неприятеля и у которого были на то средства, ибо он был очень силен, ускорил так сказать его прибытие, принеся нам его на плечах со всех ног; я с трудом спасся благодаря длинноте и трудности перехода. К счастью в руки неприятеля попало только несколько повозок частных лиц, которых я возьму смелость вознаградить, насколько это будет совместно с моими средствами и с великодушием Вашего Величества. Мост нами сожжен в двух местах, а тет-де-пон по сю сторону укреплен так, что переход или атака с этой стороны почти невозможны. Я три дня сохранял эту позицию, тогда как неприятель, остановленный, старался проникнуть со всех сторон, делая фальшивые демонстрации на различных пунктах. Наконец, через четыре дня, освидетельствовав хорошо берега Березины, и когда, действительно, мы имели повод предполагать, что он скорее направится к югу, он избрал весьма сильную позицию в 13 верстах от Борисова, на дороге от Борисова в Зембинн, где он устроил батарею в 30 орудий; благоприятствуемый морозом, ибо местность очень болотиста, он устроил здесь два моста. Впрочем, река здесь так узка и мелка, что пехота его была перевезена на лошадях под прикрытием устроенной сзади на высоте батареи. Я полагал, что другие армии придут вслед за ним. Действительно в ночь с 15 на 16 число мы услышали перестрелку слева, потом справа; граф Витгенштейн и Платов приближались. Сообщение между нами было открыто и 16-го я атаковал неприятеля спереди, тогда как граф Витгенштейн имел дело с войсками, защищавшими переход неприятеля по ту сторону реки. Пленные вскоре уведомили нас, что Наполеон сам тут, что все его силы собраны и что войска его простираются по крайней мере до 70 т. И в том числе корпусы Удино и Виктора, состоящие из людей не изнуренных усталостью, имеющие много артиллерии и довольно кавалерии. Гвардейцы императора также хорошо сохранились. Судя по этому, я видел, что с 18 или 19 т. пехоты,

которая одна могла действовать в занимаемом неприятелем лесу, я не добьюсь ни до чего решительного. Впрочем, он был отбит за 4 или 5 верст впереди с потерей одного орудия, нескольких офицеров, сотни пленных и многих убитых, ибо, признаюсь, я приказал солдатам не обременять нас слишком пленными, которые нам в тягость. После Минска мы еще взяли от 8 до 9 т. пленных, а это требует и обозов, и продовольствия и забот.

Уменьшение моей армии было без того ужасно, Государь. Я принужден был оставить 26 т. человек генералу Сакену, который отлично исполнил свое нападение. Князь Шварценберг уже прибыл в Слоним после меня, но Сакен, атаковавший уже два дня сряду генерала Ренье, принудил его возвратиться на соединение с ним; он отбил у них одно знамя и тысячу человек. Приказание о рекрутах, которые я испрашивал уже с Бухареста и за которым я сам послал, было дано только, когда я уже был в Бресте, а они еще были в своих запасах. 5 т. казаков графа Вито до мне не дошли; их также задержал при себе генерал Сакен, чтобы перерезать сообщение на Буге между герцогством Варшавским и Шварценбергом. Эртель также не шел, как был должен, так что вместо 60 т. у меня оказалось едва 30 т. для охранения всех переходов и для сопротивления всей Наполеоновской армии, желавшей пробраться. Кажется гр. Витгенштейн не будет подлежать командованию, которое Ваше Величество имели прежде намерение поручить мне; и так все единство, как всегда, у нас исчезает.

Сию минуту узнаю, что неприятель уходит; буду его преследовать; надо надеяться, что после него придут и все другие и, что отсюда до Парижа он еще много потерпит потерь. До выступления он еще потерял одно орудие и несколько повозок, взятых графом Витгенштейном, который находится на пункте перехода. С глубочайшим почтением имею счастье быть

Всемиловитейший Государь,
Вашего Императорского Величества
верноподданнейший

П. Чичагов.

17 ноября 1812.

На походе в Осташев.

Всемиловитейший Государь,

я имел счастье отправить сегодня по утру к Вашему Величеству письмо мое с фельдъегерем, которому наказал взять ближайший путь. Я донес Вашему Величеству обо всем случившемся со времени отъезда моего из Минска, но еще не знал тогда, что занятие Борисова и дело, которое я имел с самим Наполеоном, по уверению пленных имело для нас гораздо выгоднейшие результаты, чем я предполагал. Пока я удерживал его у перехода перед деревней Бриль, весь его обоз и большое количество войска были еще на другой стороне, которую гр. Витгенштейн атаковал в то же время и отнял у него. Сам я в сегодняшнем преследовании взял у него 8 орудий, много фур, повозок и всякого рода снарядов. Большая часть московских сокровищ находится в отнятых у него экипажах.

Теперь, Государь, я должен думать, что меня будут упрекать в том, что я не взял Бонапарта и его армии, что я мог это сделать если бы угадал наверное, где он пройдет и если бы поставил корпус для преграды ему пути. Я же с своей стороны убежден, что корпус, который я мог бы отрядить например Зембине не произвел бы более действии чем тот, который защищал место, где он хотел найти пристанище. Реку во многих местах можно перейти в брод и в весьма короткое время можно переправить достаточное число людей, чтобы завладеть противоположным берегом под прикрытием сильной батареи. У меня было только от 16до 17т. Пехоты, которая одна может считаться в подобном случае, ибо кавалерия совершенно бесполезна. Корпус в Зембине, в 30 верстах от Борисова, который я должен был также удерживать, как и всю дистанцию до Березины, не мог быть довольно силен, чтобы устоять против 60-70 тысячной армии Наполеона, которая хочет проникнуть; он сделался бы жертвою прежде, чем бы я мог подумать придти ему на помощь, тем более, что неприятель пересекал мне дорогу и даже всей моей армии было бы недостаточно, чтобы удержать его хотя на сутки. Это бы могла совершить только природная преграда; во всяком другом случае он бы все-таки прошел, а у меня было бы одним корпусом меньше. Если теперь употребить деятельность и совокупность в преследовании, также как в будущих действиях, то ему можно также нанести много вреда, но схватить человека, окруженного только своей гвардией или разом уничтожить его армию, — это мне кажется химеры. Впрочем, Государь, я сделал все возможное, чтобы осуществить собственную мою мечту, но весьма хорошо сознал непреодолимые препятствия, порождаемые практикой, когда она чужда мнимых теорий.

Князь Волконский прибыл сюда и обязался доставить это верноподданнейшее донесение, за что я ему очень благодарен, ибо это облегчит от тяжкого бремени мою душу.

Имею счастье быть с глубочайшим почтением,
Всемиловейший Государь, Вашего Императорского Величества
верноподданнейший
П. Чичагов.
17 ноября 1812.
Деревня Бриль.

Всемиловейший Государь,

Дабы Ваше Императорское Величество могли видеть в настоящем их свете происшествия столь великой важности, и дабы характер малодушия, переходя из одной крайности в другую, не исказил истины в глазах Ваших, я решился отправить генерала Сабанеева, который отдаст отчет Вашему Величеству во всем, что Вам угодно будет знать по сему предмету. Прямота его, способности, равно знание всего происходившего будут служить мне речательством против ложных толкований, которые могли бы огорчить меня только по влиянию, какое они могли бы иметь на Вас. Убраться, бежать, спастись как можно во время опасности и не знать более меры своим желанием, когда она миновалась это поражающее безрассудство но оно не беспримерно.

Генерал Сабанеев с откровенностью и праводушием ответит на все вопросы, какие Вашему Величеству будет угодно ему сделать. Ошибки мои не будут от него скрыты, но преувеличения не будет, а я этого только желаю.

С глубочайшим почтением имею счастье быть,
Всемилоостивейший Государь,
Вашего Императорского Величества
верноподданный
П. Чичагов.
18 ноября 1812.
На походе в Бриль.

Петербург, 21 ноября 1812 года³⁰.

Мне кажется, что главная цель не достигнута. Наполеон переправился через Березину со своей расстроеной, но не уничтоженной армией. Жду ваших донесений с живейшим нетерпением, дабы иметь возможность судить об истинной причине, которая не дала вам возможности помешать его переправе. Теперь остается только довести неприятеля до крайности, чтобы не дать ему времени сорганизоваться вновь, и ни минуты покоя, окончательно лишив его этим сил. Надеюсь, что вы ничего не упустите, чтобы достигнуть такого результата.

Весь ваш.
(Подпись).

Всемилоостивейший Государь,

Я уже имел счастье донести Вашему Императорскому Величеству о времени перехода Наполеона через Березину. Донесение мое было тем более неполно, что я был в беспокойстве. Впоследствии я писал чрез князя Волконского, но так как и сим вторым донесением остался, также недоволен, как и первым, то я решился отправить начальника штаба генерал-майора Сабанеева, как очевидца всего происходившего, ошибок, которые я мог сделать и невозможности, в которой я находился противопоставить неприятелю непреодолимое сопротивление. Счастливым видеть из письма, которым Вашему Величеству угодно было удостоить меня от 21 ноября, что Вы не изволите обвинять меня не выслушав, я почтительнейше приемлю смелость повергнуть на взор Ваше, с большими подробностями и с большим спокойствием духа все дело, как оно происходило. Выступив из Минска, я направил армию в четыре стороны: на Зембин, на Борисов двумя разными путями и на Березину через Игумен.

---

³⁰ Это письмо облечено было в форму указа, который имеется у Дубровина. «Сборник Исторических материалов, извлеченных из архива Собственной Его Императорской Канцелярии». Вып. II, изд. 1889 г.

Как ни дурны наши карты и как ни недостаточны наши знания в статистике страны и в описании рек, я мог, впрочем, собрать довольно сведений, чтобы предположить, что переход, вероятно, совершится на расстоянии между Зембином и Березиною, со стороны Бобруйска. На всем этом расстоянии я велел снять мосты и паромы и с главными силами расположился в тет-де-поне против Борисова, имея под надзором различных корпусов все течение реки. Армия моя едва доходила всего до 25 тысяч, и в том числе большая часть кавалерии. Кн. Шварценберг мог еще овладеть нами с тылу, поэтому я старался укрепиться также с этой стороны и велел восстановить редуты, которые весьма пострадали в день взятия тет-де-пона и Борисова.

Три дня мы имели перед собою неприятеля, который маневрировал, чтобы нас вводить в заблуждение, и мы не имели никакого признака приближения наших войск, которые, по моему мнению, шли ему по пятам. По расчету переходов, какие мог сделать неприятель, он должен был быть в Борисове ранее, чем действительно там показался; был ли он там со всей армией и с Наполеоном, или он только заставлял делать демонстрации маленьким корпусом, чтобы нас удержать и занимать, я этого не мог знать. В этом затруднительном положении я получаю от кн. Кутузова письмо, в котором он пишет мне, чтобы я остерегался, чтобы Наполеон не пошел вдоль Березины к Бобруйску и не перешел там через реку, чтобы направиться на Игумен и Минск. От Витгенштейна получаю также письмо, в котором он меня уведомляет, что армия разделена на несколько колонн, что одни направляются на Борисов, другие к Бобруйску. Но где Наполеон? Никто не знает; вероятно, там, где менее всего ожидают. В дополнение ко всему, я получаю донесения, что австрийцы и саксонцы возвратились в Слоним, и что их патрули виднелись доходящими до Пинска. Вот, Государь, данные, которые я имел, и которые ввели меня в заблуждение. Я думал, что, может быть, Шварценберг двинется сюда, чтобы нас держать на стороже и что это заставляет думать, что Наполеон может действительно направиться сюда. Поэтому я полагал, что, не теряя из виду переправ реки с левой от меня стороны, я могу разделить центральные силы на два пункта, перенеся одну часть на правую сторону, и двинулся на Шабашевичи; признаюсь, что по всем соображениям мне казалось, что я этой именно стороны будут стараться произвести переход. Лишь только я туда прибыл, мне сказали, что неприятель ставит мост на Ухолоде, что подтвердило бы мое предположение, если бы вскоре не пришли мне сказать, что он бросил эту работу. На другой день я узнал, что он деятельнее работает на левой стороне, в 13 верстах от Борисова. Ген. М. Чаплиц немедленно был туда отправлен, ибо вследствие тоже же ложного расчета я приблизил его к Борисову. Весь корпус ген. гр. Ланжерона был туда направлен, дрались с утра до 10 часов вечера, место перехода усеяно убитыми, но как чаще всего случается, нельзя было воспрепятствовать переходу армии в пять раз сильнейшей и прикрытой сильными батареями. В то же время я возвратился из Шабашевич со всем остальным войском, но уже было поздно: высоты, лес, дорога были заняты неприятелем. Березина узка и мелководна во многих местах и между прочим здесь; довольно было морозов, чтобы дать несколько плотности болотам, где во всякое другое время неприятель завяз бы непременно. Теперь созна-

юсь, государь, что если бы я угадал верно, отпор мог бы быть сильнее, но все-таки кончилось бы переправой неприятеля. Он был гораздо сильнее нас числом и, занимая нас на это этом пункте, он не только мог бы перебросить мост выше, но он еще взял бы нас во фланг и может быть сделал бы нам много вреда. К этому должно присовокупить, что во все это время я еще не слышал о приближении наших, и что Наполеон нападением на нас мог бы задавить нас числом прежде, чем к нам подоспела бы какая-либо помощь. Гвардия его была в очень хорошем состоянии, Виктор и Сен-Сир также; все это могло простираться по меньшей мере до 4 т. человек, не считая войск, разрозненных при отступлении. Все пленные, самые нерасположенные к Наполеону единогласно объявили, что с ним 100 т. человек. Вдвойне обманывались те, которые утверждали, что все у него в расстройстве, что у него или совсем нет, или мало орудий, ни кавалерии, и что напротив у меня 80 т. Впрочем, я по чистой совести должен вывести заключение, что невозможно было бы Вашему Величеству достигнуть больших результатов после этого перехода, разве бы по какому-нибудь сверхъестественному случаю Наполеон сам попался в наши руки. Как только армия гр. Витгенштейна приблизилась, я старался удержать неприятеля при переправе, между тем, как часть его армии и много обозов еще не переправились. Вашему Величеству уже известно, что он потерял в этот день. С начала его похода я преследовал его с всевозможным упорством, ни днем ни ночью он не имел покоя. Вы можете судить об этом, Государь, по постепенности его потерь. В первые дни мы были несколько остановлены мостами, которые он перед нами сжег и разорил, но в несколько часов они были исправлены, я делал усиленные переходы; авангард мой не упускал его из виду и несколько раз выгонял его, принуждая идти ночью и захватывая у него орудия и пленных: в первые дни мы брали 4, 6, 9, 12 орудий, потом 25, 30, 60, словом, со времени переправы его до Вильны мы у него взяли 150 орудий, более 700 зарядных ящиков, фургонов и повозок без числа, так что дорога часто была ими загромождена, два штадгарта, несколько генералов и сколько возможно было пленных. Арьергард его был атакован и разорен так, что все было в полном смятении, в бегстве, без всякого прикрытия, все падали от усталости и сдавались с отчаянья и в иступлении. Потерю его людьми нельзя считать менее 30 т. человек. Независимо от дороги, усеянной трупами, ранеными, замерзшими, мертвыми и умирающими, извергов этих преследует еще наказание: они остаются обгорелыми в тех самых избах, которые они сожгли и замерзают в тех самых домах, которые они потопили и в коих сломали двери и окна.

Ныне мы вступили в Вильну на их плечах; они не успели ничего увезти; множество орудий осталось здесь сверх прежних 150; магазины полны. Между большим числом больных и раненых находится несколько генералов: Зайончек, Лефевр и др., как меня уверял. Авангард мой преследует их без усталости; ген. м. Чаплиц действительно отличился, Государь, мужеством и неутомимостью, с которыми он преследует их; я дал ему в помощь лучших генералов; не проходит дня, чтобы не настигали неприятеля два или три раза, принуждая его покидать орудия и зарядные ящики. Адьютант маршала Даву был взят в Ошмянах; он мне сказал, что генерал его приказал ему дожидаться своего арьергарда, чтобы

спросить, какова сила преследующего корпуса, но так как пока арьергард этот был взят или разбит, то молодой человек весьма был удивлен увидеть вместо него наш авангард. Он еще никак не мог понять, что случилось с этим арьергардом. Пленные говорят, что Наполеон уже не может притворяться, что вся армия, изнуренная усталостью, проклинает его, и это его смущает. В последние дни многие из его гвардии попались в наши руки. Если мы найдем возможность преследовать его с тем же мужеством, то счастье его будет, если он со своим отрядом достигнет того пункта, где мы принуждены будем его оставить. Я несколько раз приезжал в местности, которые он покидал за несколько часов, не раз случилось ему выступать в ту минуту, когда перестрелка начиналась между моим авангардом и его арьергардом.

Мне остается только желать доказать Вашему Величеству, что если я могу ошибаться скорее другого, то наоборот никто более меня не употребит рвения и усердия на службу Вашего Величества, если я буду знать, что должен делать.

Так как армия моя понесла потерю в 7 или 8 т. человек со времени дела при Несвиже, то я просил кн. Кутузова дать мне несколько из тех войск, которые ближе всего следуют за мной, приказав им сделать несколько усиленных переходов, а к его армии присоединить корпус, состоящий под командой ген. м. Тучкова, который слишком отстал, чтобы догнать меня. Не знаю, что будет решено; но лучше бы было, если бы моя армия была сильнее, ибо она не имеет более 10 т. пехоты и за ней нет никаких подкреплений, идущих по тому же направлению; другие все в стороне и далеко.

Надеюсь, что Австрия и Пруссия сделают то, что всего естественнее и проще, а может быть они захотят спасти своего благодетеля.

Турки отрубили голову Дмитрию Мурузи за то, что он способствовал заключению мира. Это мне пишут из Ясс. В то же время говорят, что они вооружают возвращаемых нами пленных.

Простите, Государь, это маранье; перья и чернила ужасны, а я не нахожу лучших в этой избе, где фельдъегерь передал мне пакет Вашего Величества.

С глубочайшим почтением имею счастье быть,

Всемиловитейший Государь,
Вашего Императорского Величества
верноподданнейший

П. Чичагов.

29 ноября.

На походе, в 30 верстах от Вильно.

ЧИЧАГОВ И ДРУГИЕ

Все это теперь уже не может вызывать в читателе острых ощущений, и на былые душевные драмы людей мы можем смотреть бесстрашным оком; но невольно приходит в голову: в то время и страсти, и ошибки, и увлечения были ярче и люди чувствовали сильнее, чем мы, в наш век холодных усмотрений и соображений. И если мы считаем наше время проникнутым более законностью, если мы сами и наша жизнь стали культурнее, то отдадим должное и старине, когда и добро и зло выливались в крупные личности и крупные поступки.

Н. Военский. Записки адмирала П.В. Чичагова, 1909

ПОЛКОВОДЕЦ

*У русского царя в чертогах есть палата:
Она не золотом, не бархатом богата;
Не в ней алмаз венца хранится за стеклом;
Но сверху донизу, во всю длину, кругом,
Свою кистию свободной и широкой
Ее разрисовал художник быстроокой.
Тут нет ни сельских нимф, ни девственных мадонн,
Ни фавнов с чашами, ни полногрудых жен,
Ни плясок, ни охот, — а всё плащи, да шпаги,
Да лица, полные воинственной отваги.
Толпою тесною художник поместил
Сюда начальников народных наших сил,
Покрытых славою чудесного похода
И вечной памятью двенадцатого года.
Нередко медленно меж ими я брожу
И на знакомые их образы гляжу,
И, мнится, слышу их воинственные клики.
Из них уж многих нет; другие, коих лики
Еще так молоды на ярком полотне,
Уже состарились и никнут в тишине
Главою лавровой...*

*Но в сей толпе суровой
Один меня влечет всех больше. С думой новой
Всегда остановлюсь пред ним — и не свожу
С него моих очей. Чем долее гляжу,
Тем более томим я грустию тяжелой.*

*Он писан во весь рост. Чело, как череп голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Там грусть великая. Кругом — густая мгла;
За ним — военный стан. Спокойный и угрюмый,
Он, кажется, глядит с презрительною думой.
Свою ли точно мысль художник обнажил,
Когда он таковым его изобразил,
Или невольное то было вдохновенье, —
Но Доу дал ему такое выраженье.
О вождь несчастливый! Суров был жребий твой:
Всё в жертву ты принес земле тебе чужой.*

Непроницаемый для взгляда черни дикой,
 В молчанье шел один ты с мыслию великой,
 И, в имени твоём звук чуждый невлюбя,
 Своими криками преследуя тебя,
 Народ, таинственно спасаемый тобою,
 Ругался над твоей священной сединою.
 И тот, чей острый ум тебя и постигал,
 В угоду им тебя лукаво порицал...
 И долго, укреплен могущим убежденьем,
 Ты был неколебим пред общим заблужденьем;
 И на полупути был должен наконец
 Безмолвно уступить и лавровый венец,
 И власть, и замысел, обдуманый глубоко, —
 И в полковых рядах сокрыться одиноко.
 Там, устарелый вождь! как ратник молодой,
 Свинца веселый свист слышавший впервой,
 Бросался ты в огонь, ища желанной смерти, —
 Вотще! —

.....
 .....

О люди! жалкий род, достойный слез и смеха!
 Жрецы минутного, поклонники успеха!
 Как часто мимо вас проходит человек,
 Над кем ругается слепой и буйный век,
 Но чей высокий лик в грядущем поколеньи
 Поэта приведет в восторг и в умиленьи!

А.С. Пушкин. 1835

В Зимнем дворце есть знаменитый зал, имеющий форму вытянутого прямоугольника и, быть может, отчасти из-за этого называемый галереей. Собрание выставленных портретов также не вполне точно соответствует слову «галерея», ибо портреты вывешены не вереницей, в ряд, а «тесною толпой», без особенно тщательного соблюдения «иерархии чинов».

Зал этот не имеет окон, и посетитель николаевской эпохи, желающий побродить по нему, должен был бы просить слугу зажечь люстры или посветить ему, чтобы разглядеть лица, как это делал, например, Ливанов, изображающий Шерлока Холмса в замке Баскервилей.

Время позволило лучше разглядеть портреты в этом зале, но не сняло с него загадочности, смешиваемой с почтением. Загадок много, и Пушкин оставил нам еще одну, которую не захотел расшифровывать.

*Но в сей толпе суровой
Один меня влечет всех больше. С думой новой
Всегда остановлюсь пред ним — и не свожоу
С него моих очей.*

Почему нет ни имени полководца, ни его титула, ни звания, хотя точка зрения, выбранная поэтом, позволяет вроде бы однозначно определить, что перед нами знаменитый фельдмаршал, — князь Барклай де Толли. Но ведь земля, в которой он родился, вырос и воспитывался, за которую он сражался, не была ему «совсем чужой». Я бы даже сказал, совсем не чужой. И не так уж «все отдал он».

Родившись в 1761 году в Лифляндской губернии в семье офицера русской армии, Барклай сделал замечательную карьеру — от офицера нижних чинов до фельдмаршала. Заслуженно уважаемый, он не был обделен ни наградами, ни чинами, ни денежными премиями, ни памятниками, ни отзывами служивших с ним офицеров, что для воевавшего человека важнее многих памятников. Некоторые сомнения вызывают и «грусть великая» и «густая мгла». Эти сомнения остаются и после объяснений самого поэта, которые решительны, но не слишком убедительны.

Неужели должны мы быть неблагодарны к заслугам Барклая-де-Толли, потому что Кутузов велик? Ужели после двадцатипятилетнего безмолвия поэзии не позволено произнести его имени с участием и умилением? Вы упрекаете стихотворца в несправедливости его жалоб; вы говорите, что заслуги Барклая были признаны, оценены, награждены. Так, но кем и когда?.. Конечно, не народом, и не в 1812 году. Минута, когда Барклай принужден был уступить начальство над войсками, была радостна для России, но, тем не менее, тяжела для его стоического сердца. Его отступление, которое ныне является ясным и необходимым действием, казалось вовсе не таковым: не только роптал народ ожесточенные и негодующий, но даже опытные воины горько упрекали его и почти в глаза называли изменником. Барклай, не внушающий доверенности войску ему подвластному, окруженный враждою, язвимый злоречием, но убежденный в самого себя, молча идущий к сокровенной цели и уступающий власть, не успев оправдать себя перед глазами России, останется навсегда в истории высоко поэтическим лицом.

А.С. Пушкин. Объяснение. 1836

И все же. Почему в рукописи сказано «Преемник твой стяжал успех, сокрытый В главе твоей»? Почему же следует считать его «непризнанным» и «забытым»? Напечатан «Объяснение» в «Современнике», Пушкин подчеркнул лишь свое уважение к славе Кутузова, но ушел от ответов на эти вопросы и еще на некоторые другие.

Почему стихотворение написано в 1835 (или в 34) году? Почему полководец (кажется) глядит с презрительною думой? Почему Пушкин «томим грустную тяжелой» в то самое время, когда в Петербурге был уже готов памятник, выполненный скульптором Орловским, воздвигнутый годом позже, в па-

мать 25-летия Бородинского сражения, вместе с памятником Кутузову. Поэт видел обе скульптуры, они ему понравились, но и здесь грусть не покинула его.

За этими «прорехами» в изображении скрывается что-то иное, нечто другое, не похожее на очередной монумент в честь почтенного колонновожатого. Тут просматривается другой персонаж, и чем более в картину вглядываешься, тем явственнее становится и его лицо, и загадочное вначале, столь многозначительное послесловие. Пушкин рисует «двойной портрет», не противопоставляя, но сравнивая и поражаясь игрой судеб. И поневоле грустные чувства передаются и читателю.

На том месте, где находится портрет, вызвавший такие тяжелые мысли поэта, должно было бы находиться другое изображение, и также в полный рост — портрет адмирала Павла Васильевича Чичагова.

1813 января 31

Милостивый государь мой Павел Васильевич!

Уважив представление Вашего высокопревосходительства, государь император высочайше поручить соизволил армии, Вами предводительствуемую, генералу от инфантерии Барклаю де Толли.

*Остаюсь с истинным почтением
Вашего высокопревосходительства покорнейший слуга
князь Кутузов-Смоленский*

В 1834 году живущий во Франции на попечении дочери, уже ослепший, Павел Васильевич Чичагов лишается в России чинов, наград и имения. Он все отдал земле совсем чужой. Земле, в которой у него не было ни предков, ни привязанностей. Он воевал с армией этой страны, но был похоронен в ее земле. Он ненавидел французов, пришедших в Россию, и на кладбище в небольшом французском городке лишь французская рука прибила на заброшенной могиле фанерную дощечку с надписью ТСНІТСНАГОV и непонятными годами жизни. Он одним из первых указал на «национальный дух», с которым не справиться Наполеону, и тот народ, который так любил и понимал Чичагов, забыл его.

«Непризнанным и забытым» остался этот удивительный человек, и напрасно посетитель Военной галереи Зимнего дворца будет просить слугу посветить ему. Он не найдет в «тесной толпе» достойнейших лиц «полных воинственной отваги» того, кому судьба приготовила другую участь.

Удивительна и драматична судьба этого человека, и поразителен гений художника, так отчетливо выразившего характер своего героя. И так отчетливо определившего характерные черты потомков — «жрецов минутного, поклонников успеха».

1812 августа 14

Милостивый государь мой Павел Васильевич!

Я по воле его императорского величества еду командовать армиями и думаю, что сие мое отношение застанет Ваше высокопревосходительство еще у Днепра. Должен теперь сказать положение дел: неприятель, соединивши почти все свои силы, находится уже между Смоленском и Москвой; наши две армии, 1-я и 2-я, по последним известиям, около Дорогобужа. О точном положении армии генерала Торماسова я еще не сведал. Из сих обстоятельств Вы легко усмотреть изволите, что невозможно ныне думать об отдаленных каких-либо диверсиях, но все то, что мы имеем, кроме 1-й и 2-й армий, должно бы действовать на правый фланг неприятеля, дабы тем единственно остановить его стремление.

Чем долее будут переменяться обстоятельства в таком роде, как они были поныне, тем сближение Дунайской армии с главными силами делается нужнее.

С совершенным почтением имею быть
Вашего высокопревосходительства всепокорный слуга
князь Михаил Г. — Кутузов

ВИНОВЕН ЛИ ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ЧИЧАГОВ?

*Спокойный и угрюмый,
Он, кажется, глядит с презрительной думой.
Свою ли точно мысль художник обнажил,
Когда он таковым его изобразил,
Или невольное то было вдохновенье...*

А.С. Пушкин. Полководец

Ред. Красивая версия. Хотя «звук чуждый» и указывает однозначно на персонаж, но идея с парным портретом действительно увлекательна и я разделяю Вашу эмоциональность по этому поводу.

А.В. Стихотворение «Полководец» я называю «двойным портретом», а не «парным». Парный портрет — это изображение двух людей, помещаемое рядом, а здесь один портрет просматривается через другой. У Пушкина есть и другие «двойные портреты». Еще о двух из них я хотел бы поговорить, но позже. Что же касается «звука чуждого», то в армии таких «звуков» было немало: Беннигсен, Витгенштейн, Пален, Бенкендорф, Багговут, Багратион, Фуль, Остерман, Шевич, Сиверс, Крейц, Фигнер, Остен-Сакен и множество других. И проблем по этому поводу не возникало. Если уж упоминать этот момент, то скорее следует обратить внимание на несвойственное русскому языку сочетание «чи-ча».

Ред. Есть озеро «Чича» под Новосибирском.

А.В. Вот там и надо, по-видимому, искать происхождение фамилии.

Ред. Почему именно там? В татарском языке, например, «чечек» или «чэ-чэк» означает цветок, цвет; оспа. Слово «чэч» означает волос. Есть и другие похожие сочетания.

А.В. Может быть, фамилия и татарского происхождения — не знаю.

Ред. Ну так и что? И Кутузов татарского. И, кстати говоря, Суворов и Уваров. Почему надо выделять именно Чичагова?

А.В. Там другое произношение.

Ред. Вот как? Ну а слова «чичега» или «чичига» просто взяты из словаря Даля.

А.В. Ну и да. Чичиков — нормальная фамилия.

Ред. Прекрасно! Чичиков — благозвучная фамилия, а Чичагов — нет. Интересно. Положим, есть орфографические правила русского языка, есть даже «смысловые» правила, но я не встречал правил «говора». Тем более сейчас, когда мы все говорим на чудовищной смеси английского с нижегородским, языке «флешек» с «презентациями». Как Вам удастся в этой какофонии уловить неблагозвучие! На основе каких правил Вы это устанавливаете?

А.В. Мне так кажется.

Ред. Тогда понятно. Хорошо. Пусть двойной портрет. Хотя я такого раньше и не встречал.

А.В. Просто не обращали внимание.

Ред. Говорите Вы очень убедительно. Тут, пожалуй, я соглашусь. Но ведь у Пушкина есть оценка современников, света, «жрецов минутного», но при этом нет оценки случившегося на Березине. И Вигель, по-моему, не обвиняет Чичагова в неудаче. Не оправдывает, правда, но и не обвиняет. Да, пишет он иногда в неприятном стиле, с ядовитыми оттенками, но, тем не менее, зачастую справедливо. И происшествие у Березины я понимал всегда так, как его описывает Вигель:

Судьба Наполеона, казалось, решена. Все только рассчитывали пространство, по коему оставалось ему бежать, и с нетерпеливым любопытством ожидали, как зрелища, решительную его гибель. Странно и непонятно! Без всякого знания местностей, еще прежде, чем достиг он Березины, народный глас уже избрал берега ее местом его казни. Молдавская армия в соединении с резервною, под предводительством Чичагова, шла с юга к нему навстречу; большая армия сначала шла по пятам его, но, утомленная непрерывною погоней за ним, начинала отставать; при первой же остановке его всегда могла его настичь. С правой стороны шибко приближался к нему Витгенштейн, победитель трех маршалов, Макдональда, Удино и Виктора, с корпусом, усиленным петербургским ополчением и войсками, из Финляндии выведенными.

Ужасами переправы через знаменитую с тех пор Березину не могла быть удовлетворена в нас жажда мести: нам подавай самого Наполеона, а он ускользнул. И теперь еще не знаю, обвинять ли следует Чичагова или оправдывать его? Нельзя изобразить общего на него негодования: все состояния подозревали его в измене, снисходительнейшие кляли его неискusstво, и Крылов написал басню о пирожнике, который берется шить сапоги, т. е. о моряке, начальствующем над сухопутным войском. От воинов, беспристрастных очевидцев и сведущих в этом деле судей, гораздо после слышал я, что Чичагов невзначай оказал тут великую услугу России. Он не пошел туда, где мог бы остановить Наполеона; но кто знает: сей последний, в отчаянном положении, мог бы опрокинуть его небольшую армию и пойти в Минск, где, среди изобилия, находился Шварценберг с австрийскими и саксонскими войсками, сомнительными союзниками, но тогда еще обязанными подкрепить его. Узнав, где Чичагов стережет его, Наполеон предпочел кинуться на открытый, но ужасный путь к Вильне, который без сражений довершил истребление его армии.

Если Вигель пишет, что «Имя Чичагова, прославленное отцом, впоследствии оскорблено было сыном», то имеет в виду не Березину, а более поздние «Записки», которые, видимо, распространились в то время в рукописном виде. Отсюда и неприязнь, которой пропитаны строки Вигеля, посвященные Чичагову.

Я того мнения, что гордый и злой Чичагов, ненавистник своего отечества, неумышленно, по ошибке в сем случае, услужил ему, подобно другим заклятым врагам его, которых провидению угодно обращать в полезные для него орудия. Вражда за вражду; русские в несправедливости своей, по мнению моему, извинительнее Чичагова.

А.В. Что касается «Записок» Чичагова, то они опубликованы недавно, хотя и небольшим тиражом, и вызывают уважение к автору, я бы даже сказал, почтение. У меня есть другое мнение по поводу некоторых его оценок, но не осталось ощущения, что автор хотел навязать мне свое. Похоже, что есть еще и «апокрифы», но я их не читал, да и желания нет. Очень даже возможно, что престарелый, полуслепой, забытый и незаслуженно оскорбленный человек мог в сердцах и сказать что-либо не угодное Вигелю или современникам его. В передаче по «испорченному телефону» это могло бы даже и прозвучать эффектно, наверное, но я не читал и не думаю, что это могло бы перечеркнуть достойную жизнь адмирала или его подлинные тексты, письма и записки.

Ред. Тем не менее что-то ведь вызвало у Вигеля столь бурную реакцию:

Он также в душе был англичанин, в Англии учился мореплаванию и женат был на англичанке. В последние дни царствования Павла смелые, даже дерзкие ответы его нетерпеливому деспоту, за которые засажен был он в крепость, приобрели ему общее уважение, которое сохранил он, пока другой известности не имел. Суровость моряка, в соединении с надменностью англичанина, сделала его потом ненавистным для русских; последний же его подвиг заставил их всех презирать его. Проклиная Россию, оставил он ее навсегда и с лихвою платит ей за ненависть и презрение, коими она его обременяет. Он был в числе затейников, которые думали устроить счастье ее на прочном основании.

И для того, чтобы понять эту реакцию, не нужно искать апокрифы. Прочитайте более внимательно несколько первых страниц.

Отец мой, Василий (Яковлевич) Чичагов родился в честной, но небогатой семье. Употребляю слово «честная», отдавая ему преимущество пред словами «благородная» или «дворянская» семья, по той причине, что смысл слова «честный» один и тот же во всех странах и во все времена, а «благородный» или «дворянский» — слова, которыми я мог бы его заменить, не имеет в России никакого определенного значения прежде всего потому, что первое его условие, которое есть истинное благородство чувств, не совместимо с рабством. Затем по-

тому, что в России не имеют никакого понятия об истинных общественных иерархиях.

П.В. Чичагов. Записки.

А.В. Я тоже не слишком понимаю, что такое истинные общественные иерархии. Впрочем, также как и истинное благородство чувств, которое, видимо, более совместимо с английской колониальной политикой или с игрой в акции на бирже. Указывать на рабство в России — это тоже часть стиля, русское барокко, наша национальная черта. Обычно все возвышенные разговоры начинаются с этого. А заканчиваются на Казанском вокзале.

Ред. На Курском!

А.В. На Курском. Там нужно сделать специальный зал для тех, кто, ожидая поезд, мог бы беседовать о благородстве чувств. Или поговорить об истинных иерархиях в континентальной Европе, где любой троюродный племянник Наполеона становился наследным принцем.

Ред. Я вижу, что Вас задели слова Чичагова.

А.В. Отчего же они не должны были задеть? С какого это испуга я вдруг стану англичан рассматривать как образец благородства?

Если бы природа лорда Пальмерстона соответствовала высоте его назначения, если бы его душа была доступна божественному чувству любви к человечеству, соединенному с уважением Вышней Воли, если бы он имел истинный патриотизм, который не может существовать без уважения к чести народной: корабль Британии торжественно и спокойно властвовал бы морями, — под флагом общего мира, приветствуемый всеми благословляющими его хранительное шествие народами. Но этот корабль превратился во враждебное судно флибустьеров. Англия, при всем своем народном величии, не иное что, как всемирный корсар, сообщник сперва потаенный всех мелких разбойников, губящих явно и тайно в других народах порядок общественный, а теперь и явный разбойник, провозглашающий, как последний результат христианской цивилизации, право сильного и без стыда поднимающий красное знамя коммунизма посреди государств, в подражание грязным толпам черни, строящим по городам баррикады для грабежа во имя свободы...

В.А. Жуковский.

Русская и английская политика. 1850

Уж и не знаю, что должно убедить меня в «благородстве англичан». «Опиумные войны» в Китае, Восточная война, Иранская кампания или подавление восстания сипаев в Индии — не понимаю. Верещагин оставил памятник этому благородству — картину «Подавление индийского восстания англичанами».

Ред. Чичагов говорит о применении понятия «рабство» по отношению к собственному народу.

А.В. Оставьте. «Оливер Твист» появился в то самое время, когда Чичагов писал свои мемуары.

Ред. Но вообще-то англичане знамениты не только этим...

А.В. Наверное. Конечно, до таких героев, как Мазепа, который в шестьдесят с лишним лет писал сладенькие письма молодой дурочке, а сам в это время пытал ее родителей, англичане не доросли, но макбетов там хватало. И благородства и самого грязного безумства. И королей казнили, и войн гражданских было достаточно.

Ред. Вы разошлись почище Вигеля. Как бы мне остановить Ваше благородное негодование мемуарами адмирала!

А.В. Да я не на Чичагова разгневался! Я думаю, что в данном случае мы имеем дело с обычной человеческой реакцией на произошедшее с ним, инстинктивной попыткой объясниться. Я расстроен другим. Мемуарная литература сомнительного толка сейчас просто процветает. Но вот появляется толстая книга «Записок» Чичагова — небольшим тиражом в две тысячи. Я прочитал ее с увлечением: непростое время, «крупные личности, крупные поступки»... Много интересного. Но даже и не обратил внимания на то, что мы с Вами сейчас обсуждаем. Теперь же вместо всего этого интересного мы будем обсуждать несколько пассажей, написанных автором в сердцах, в запальчивости, вполне объяснимой для человека, оказавшегося в его положении.

Ред. Не понял. Вроде бы не я начал про Вигеля? То Вы Вигеля осуждаете, то горой стоите за него.

А.В. Вигель мне неприятен.

Ред. Ну а Вигелю неприятно презрение, с которым Чичагов отзывался о русских.

А.В. Но уж во всяком случае слово «презрение» здесь неуместно.

Ред. Как знать! Но Вигель дал такое выражение...

А.В. Странная формулировка у Вигеля. Кто кого обременяет? Быть может, это мы зря обременяем себя, придумывая оправдательную и удобную для нас версию — якобы Чичагов плохо о нас говорил, а потому его и забыли. Может быть. Так пишет и Пушкин в одном из черновых вариантов к стихотворению.

... а ты, оставленный, забытый, Виновник торжества, почил — и в смертный час, С презреньем, может быть, воспоминал о нас.

Во всяком случае это был черновой вариант. И Пушкин сказал о своем герое то, что сказал. И сказал о нас слова, которые мы заслуживаем. Чичагова можно понять. Действительно, то, как стали трепать его имя после Березины заходит за границы даже «эпиграммной морали». Вот пара примеров таких площадных эпиграмм:

*Наследственна ль болезнь, Природы ли устав? От деда брыснул Карл, От ба-
тюшки — Густав, А сквозь сынка пролез скелет Наполеона. Беда, коль меж орлов
вмешается ворона.*

Или такая:

Смоленский князь Кутузов Предерзостных французов И гнал и бил, И наконец им гибельну он сеть связал, Но земноводный генерал Приполз — да всю и распустил.

Что должен был делать Чичагов — вызывать старика Державина на дуэль? А разве мнение Дениса Давыдова о некомпетентности Чичагова или замечание Клаузевица о его страхе перед Наполеоном не менее оскорбительны? Естественно, что с самого начала он заводит разговор о благородстве чувств, которое предполагает уважение чести другого человека. Естественно, что в мемуарах он пишет о своих предках, поскольку задета их честь. Я еще удивляюсь сдержанности Чичагова.

Ред. Теперь, оказывается, Вы удивляетесь его сдержанности! Странный поворот. Ну, пусть так. Мне захотелось разобраться. Вернемся к тексту стихотворения. Кто же в таком случае загадочный «тот», который «постигал Чичагова», но в то же время его и «порицал»? Да еще и «лукаво»!

А.В. Наверное, это стало бы понятно само собой, если бы мы вернулись к поворотному пункту в карьере и судьбе Чичагова — к сражению при Березине.

Ред. Разве Вы не согласны с тем, как описывает Вигель происшедшее вокруг Березины? Степень недоброжелательства, с которым произносилось имя Чичагова, действительно была очень высока, однако сейчас существует много обстоятельных исследований на эту тему, и общее мнение склоняется к тому, что обвинения в адрес Чичагова необоснованны.

Но если бы все лица, руководившие военными действиями, были преданы военному суду, то я желал бы знать, сказали бы они, как самые беспристрастные судьи, что адмирал Чичагов более виновен, нежели все начальствующие лица армии, так как он один в точности исполнил все данные ему предписания и приказы, что он один был на своем месте, то есть р. Березине, преграждая путь французской армии, готовый принять ее и препятствовать ее переправе через эту реку.

Граф Беннингсен

Но мы, наверное, не будем устраивать военный суд, тем более что у нас нет для этого оснований. Нет спора и, думаю, нет и разночтений.

А.В. Некоторые все же есть. Поговорим чуть-чуть подробнее.

Ред. Хорошо, зайдите в интернет и прочитайте подробное описание ситуации, сделанное генералом Ермоловым. Ему, наверное, можно доверять. Все-таки он был начальником штаба армии Кутузова. Вы увидите, что мнение Ермолова не отличается в существенных чертах от мнения Вигеля.

Адмирал Чичагов при первом разговоре со мною выказался превосходного ума, и я чувствую с негодованием, насколько бессильно оправдание мое возлагаемых на него обвинений.

А.П.Ермолов. Записки

А.В. Во-первых, несколько отличается.

Я успел объяснить ему, что адмирал Чичагов не столько виноват, как многие представить его желают. Не извинил я сделанной ошибки движением к Игумену; не скрыл равномерно и графу Витгенштейну принадлежавших.

Во-вторых, Вигель читал, конечно, записки Ермолова. Как, впрочем, и Пушкин. Но оставим Вигеля в покое. Я должен ответить на Ваш вопрос.

Ред. Я уже и сам стал догадываться. Поскольку Вы печатаете переписку Александра I и Чичагова, то, стало быть, в угоду «толпе» порицал Чичагова император. Об этом Вы и собираетесь нам поведать.

А.В. Что произошло между императором и адмиралом, Вы и сами можете увидеть из переписки. Резкое изменение тона и стиля переписки связано, конечно, с событиями на Березине. Из последних писем императора не становится понятным, что Александр прямо порицал Чичагова, но поднявшийся недружелюбный хор не мог не быть отчасти и им спровоцированным.

Я думаю, что здесь досада императора, которая передалась окружающим в такой усиленной форме, была объяснима. Кроме всего прочего, похоже, что он готовил Чичагова на пост главнокомандующего вместо Кутузова. Или на параллельную роль, но Русской армии были нужны военачальники высшего ранга. Чичагов подходил по всем параметрам, кроме одного — он не имел того неоспоримого авторитета (включая и обычную известность), который был у Кутузова. Александр рассчитывал в этом смысле на удачное окончательное сражение с армией Наполеона. К тому же, Александр не мог не учитывать мнения Кутузова. Да и Ермолова, кстати, который все-таки считал, что ошибка была. Было бы нетактично в такой момент начинать дискуссию.

Ред. Ермолов считает, что ответственность за упущение должны были бы разделить и другие. В общем-то, он и не обвиняет Чичагова. Вы же считаете, что и ошибки не было.

А.В. Я не понимаю, о какой ошибке идет речь. И не вижу, почему вообще в этой ситуации нужно было говорить о какой-либо ошибке. Это упорное общественное мнение, что допущена ошибка, мне непонятно. Великая армия Наполеона разгромлена, но почему-то говорят об ошибке. Что же должно было произойти? Какую еще мясорубку нужно было устроить?

Ред. Упустили Наполеона.

А.В. Тогда уж надо было бы говорить и о том, что, например, и Веллингтон при Ватерлоо допустил ошибку, упустив Наполеона. Как вы представляете себе его арест? А главное, зачем? Что вы будете делать с арестованным Бонапартом? Посадите в клетку? Думаю, что «лукавость» Александра заключалась, в частности, и в том, что он и не предполагал, что война с Наполеоном закончится на Березине. Во всяком случае, в Петербургском плане не прописан такой вариант. Прописано уничтожение Великой армии. Что и произошло. В результате битвы при Ватерлоо французы сохранили больше, чем после Березины.

Ред. Тем не менее. Чичагов допустил ошибку, не угадав место переправы наполеоновской армии.

А.В. Никакой ошибки тут не было. Во-первых, ход был не Чичагова. То есть наоборот, ход был как раз его, но Чичагов должен был выбрать что-либо одно. Окружать противника, имея армию меньшей численности, — это какой-то нонсенс. Если бы он пошел вверх, но Наполеон стал бы переправляться вниз, если бы вниз, то вверх. Выбор был за Наполеоном. Мнение, что Чичагов «гадал», но не угадал, превалирует в исторической литературе. Оно подкрепляется разного рода легендами. Например, легендой о местных информаторах, которые якобы сбили Чичагова своими показаниями. Если бы это было так, то тогда действительно Чичагов не заслуживал бы звания даже унтер-офицера. Чичагов получил приказ защищать дорогу на Минск.

Ред. Точнее говоря, Кутузов рекомендовал Чичагову обратить внимание на направление к Игумену.

А.В. Рекомендация непосредственного начальника во время боевых действий — это непонятно что такое. Это был, конечно, приказ. И Чичагов его выполнил. Тем более что это совпадало с его мнением. Если бы Наполеон вышел к Игумену с 20 тысячами, то через день у него было бы 120 тысяч. Игумен — ключ к Минску с его спасительными для Великой армии магазинами. Не говоря уже о том, что в «тылу» находился Шварценберг, недооценивать которого не было оснований. У Чичагова не такой уж и большой был выбор. Закрывать оба фланга — это исключается. С теми силами, которыми располагал Чичагов это невозможно. Остаться в середине, в Борисове — бессмысленно. Это означало бы предоставить Наполеону полную свободу действий. Планировать, двигаться вдоль берега? Как это можно было себе представить?

Ред. У Дениса Давыдова тоже есть обстоятельное описание этого эпизода. И движение к Игумену он трактует несколько иначе.

Он, бесспорно, сделал непростительную ошибку, двинувшись на Игумен; но здесь его оправдывает: во-первых, отчасти предписание Кутузова, указавшего на Игумен, как на пункт, чрез который Наполеон будто бы намеревался непременно следовать; во-вторых, если бы даже его армия не покидала позиции, на которой оставался Чаплиц, несоразмерность его сил относительно французов не позволяла ему решительно хотя несколько задержать превосходного во всех отношениях неприятеля, покровительствуемого огнем сильных батарей, устроенных на левом берегу реки...

Хотя Наполеон с остатками своего некогда грозного полчища поспешно отступал перед нашими войсками, однако могущество этого гиганта было далеко еще не потрясено. Вера в его непобедимость, слегка поколебленная описанными событиями, существовала еще во всей Западной Европе, не дерзавшей еще восстать против него. Наша армия после понесенных ею трудов и потерь была весьма изнурена и слаба; ей были необходимы сильные подкрепления для того, чтобы с успехом предпринять великое дело освобождения Европы, главное бремя которого должно было пасть на

Россию. Нам потому ни в каком случае не следовало жертвовать армией Чичагова для цели гадательной и, по стечению обстоятельств, не обещавшей даже никакой пользы. В то время и даже доныне все и во всем безусловно обвиняли злополучного Чичагова, который, будучи весьма умным человеком, никогда не обнаруживал больших военных способностей; один Ермолов с свойственной ему решительностью, к крайнему неудовольствию всемогущего в то время Кутузова и графа Витгенштейна, смело оправдывал его, говоря, что ответственность за чудное спасение Наполеона должна пасть не на одного Чичагова, а и на прочих главных вождей, коих действия далеко не безупречны. Чичагов поручил генералу Чаплицу благодарить Ермолова за то, что он, вопреки общему мнению, решился его оправдывать. Хотя Наполеон, благодаря своему необыкновенному присутствию духа и стечению многих благоприятных обстоятельств, избежал окончательного поражения, а, может быть, и плена, но тем не менее нельзя не удивляться превосходно соображенному плану, на основании которого три армии должны были, соединившись одновременно на Березине, довершить здесь гибель неприятеля. Хотя успех и не увенчал этого достойного удивления плана, однако же не увенчал по обстоятельствам, совершенно не зависевшим от сочинителей, которые при составлении его обнаружили необыкновенную дальновидность и прозорливость.

Денис Давыдов. Гусарская исповедь.

Таким образом, Денис Давыдов и не считает, что Чичагов один во всем виноват. Хотя он отчетливо пишет о том, что адмирал никогда не обнаруживал больших военных способностей и что он, будучи моряком, не имел достаточной опытности для командования сухопутными войсками.

А.В. При всем уважении к Денису Давыдову мне это непонятно. В какой момент, начиная с выдвижения из Молдавии, Чичагов скомпрометировал себя как военачальник, причем как командующий сухопутными войсками?

Ред. Ну, таких моментов можно насчитать много. Например, Клаузевиц пишет, что из страха перед Наполеоном он не отважился поспешить с армией на помощь генералу Чаплицу, а остался в Борисове и лишь послал Чаплицу подкрепление.

Кроме того, я уж не знаю, откуда это взялось, кто такие «некоторые», кто передал слова Сабанеева, но в Википедии я прочитал следующее.

Борисов заняли французы, когда Чичагов вернулся из Игумена, куда он отправлялся по приказу Кутузова, в надежде преградить путь Наполеону, но тщетно. И тут же решился атаковать неприятеля. Он, по мнению некоторых, обратился к своему начальнику штаба Сабанееву со словами: «Иван Васильевич, я во время сражения не умею распоряжаться войсками, примите команду и атакуйте». Сабанеев атаковал французов, но был ими разбит по причине неразумности в силах. Этот так печально окончившийся бой французы раздули в своих реляциях в крупную победу; русские же увеличили цифру потери Палена до 2000 человек. В таком виде известие об этом сражении дошло до Санкт-Петербурга. С этого началась дурная слава Чичагова.

А история с серебряным сервизом, который Чичагов оставил в Борисове, когда в спешке отступал после атаки корпуса Удино? А его расположение в Борисове, когда французы уже начали переправу и необходимо было переводить штаб ближе к боевым действиям?

А.В. Совершенно непонятно. Все, что Вы перечисляете, — это фон, который создается теми или иными интерпретаторами для того, чтобы оттенить свое мнение. Во-первых, слово «страх», которое употребляет Клаузевиц по отношению к командующему армией в данном случае неуместен. Адмирал действительно не считал, что перед ним потрепанное стадо испуганных баранов, и даже в первый день, когда Чаплиц вступил в бой с первыми переправившимися частями французов, не исключал возможности того, что основные части Великой армии будут переправляться в другом месте и могут зайти ему в тыл. Расположение его в Борисове было оправдано.

Что касается Википедии, то там цитируется тот же текст Дениса Давыдова, человека во всех отношениях достойного. Однако в данном случае он пользуется чужими сведениями и в своем нетерпении и желании эффектного завершения дела (и, к сожалению, эффектного описания дела) несправедлив к Чичагову. Слова, которые тот якобы сказал по «мнению некоторых» (что бы это означало?) — типичный испорченный телефон. Иван Васильевич Сабанеев — человек-легенда, опытейший генерал, сражавшийся еще с Суворовым. (И его портрет по праву висит в знаменитом зале Зимнего дворца). Полагаю, что Чичагов произнес то, что произнес бы на его месте и Кутузов, и сам Наполеон: «Не мне объяснять Вам, как надлежит действовать. Примите команду и атакуйте». Чичагов с уважением относился к Сабанееву и именно его отправил к императору для объяснений, зная его достоинства и прежде всего честность. Не верю, что Иван Васильевич мог передать разговор с адмиралом кому-либо в такой интерпретации.

Теперь о серебряном сервизе. Почему-то тот факт, что противостояла Чичагову Великая армия, а не стадо баранов, тоже ставится ему в упрек. Да, корпус Удино действительно атаковал Борисов, нанеся перед этим чувствительное поражение дивизии генерала Палена. Так бывает на войне, что ж тут удивительного! При этом действия разворачивались стремительно. И если бы Чичагов отступил, понесся существенные потери, и в этом случае нужно было бы разбираться, если бы хотели его судить. И именно тот факт, что в руках врага оказался сервиз, а не штабные документы или плененные офицеры, свидетельствует об адекватности действий Чичагова.

Ред. И именно о том, что в руках французов оказался весь обоз, полторы тысячи пленных и вся корреспонденция адмирала, пишет в своих мемуарах другой адмирал Роберт Томас Вильсон.

А.В. Непонятно, откуда взяты эти сведения. Скорее всего, источником являются пленные французы. Естественно, что достигнутый успех приободрил их, и им захотелось его немного преувеличить. Но на самом деле никакого существенного изменения в положении Великой армии не произошло.

Описания военных действий в повествовании Вильсона в некоторых местах расходятся с описаниями, сделанными другими авторами, и я не знаю,

насколько можно им доверять. **Ред.** Боюсь, что наш не слишком компетентный спор затянется. Я готов согласиться с тем, что суждения многих уважаемых людей были сделаны «по горячим следам» и, следовательно, надо разбираться более подробно. Пусть этим занимаются военные историки. Впрочем, я полагаю, что это наверняка уже сделано и существуют исследования на эту тему.

А.В. Разумеется, существуют. Например, обстоятельная книга И.Н. Васильева «Десять громких ударов по хвосту тигра», в которой как раз оправдываются действия Чичагова, но более квалифицированно, конечно.

Ред. Стало быть, Вы согласны с И.Н. Васильевым?

А.В. Не совсем так.

Ред. Не понял.

А.В. Я концептуально не согласен.

Ред. Ну, если концептуально, то оно конечно. Тогда разумеется.

А.В. Ладно, я неудачно выразился. Я не согласен и с ироничным названием, и с тем, что вообще поднимается какой-то странный вопрос вины. Такое ощущение, будто вся наша история занимается выяснением истины, причем эту истину ищут в вине. Кто виноват в чем? Что Великая армия потеряла катастрофу? При этом рассматриваются обычно три варианта: виноват Чичагов, виноваты все (Чичагов, Кутузов, Витгенштейн, Эртель), виноваты все, кроме Чичагова.

Почему Кутузов, например, виноват? Представьте себе середину ноября и армию, движущуюся по разоренной дороге — не по асфальтовому шоссе, а по разбитой проселочной дороге, по которой прошла сотысячная толпа, десятки тысяч кавалеристов, перевезены сотни пушек и огромный обоз. Армия Кутузова движется по этой же дороге вслед. Как осуществляется снабжение? Что происходит с солдатской обувью? Что происходит с больными, отставшими, с пленными, с ранеными?

Дальнейшее отступление остатков неприятельской армии к Березине, совершенное, по необходимости, с необыкновенною быстротою, весьма изнурило и ослабило их. Напрасно упрекают князя Кутузова за отдых, данный главным силам в Копысе: неужели ему следовало бежать за неприятелем и расстраивать усиленными переходами без надобности свою армию, так, как были расстроены войска Наполеона?

Я говорю — без надобности, потому что на Березине у нас был недостаток не в войсках, а в единстве действий: Кутузову следовало...

М.Богданович. История Отечественной войны 1812 года. Том III. 1860.

Термин «отдых», который использовал Богданович, весьма условный. Кутузов должен был двигаться по дороге, по которой прошла огромная армия, да еще и ставившая себе задачу привести эту дорогу по возможности в более непригодное состояние. Нельзя было бы более угодить врагу, кроме как изматывая своих солдат протаскиванием в ноябрьской грязи всей армейской артиллерии.

Кутузов принимает верное решение, давая дороге замерзнуть, а армии несколько передохнуть, накормив ее, отправив раненых и больных в тыл и т.д.

Я внимательно прочитал большое количество описаний ситуации, но не нашел ничьей вины. Даже у Эртеля, который не выполнил трижды приказ Чичагова двигаться на Борисов, были оправдания. Более того, мне не кажется, что уместно говорить о несогласованности действий. Была, разумеется, известная несогласованность, но вполне естественная для столь непростого противостояния даже не армий, а групп армий.

Ред. Ваше «историческое доброжелательство» делает Вам честь, однако, по моему, никто особенно не настаивает на «устойчивости» обвинений. И Кутузову можно многое простить.

А.В. Это хуже всего. Нет более устойчивых обвинений, чем «неустойчивые», «пассивные». Мол виноват, да ладно, я и не обвиняю. Взял «трешку» со стола, да ладно, в конце концов, у этого человека столько заслуг, простим ему. В результате эта «трешка» так и «висит на нем».

Ред. Ну да. Мол, «простим ему неправое гоненье, он взял Париж, он основал Лицей».

А.В. Типа того.

Ред. Так что же с бочками медяков, которые были обнаружены Чичаговым в Молдавской армии? Типа того? Простим Кутузову?

А.В. Типа того. Не знаю. Но думаю, что в круге обсуждаемых вопросов этот не находится. Мой первый тезис состоит в том, что все лица, прямым или косвенным образом участвовавшие в действиях на Березине, как, впрочем, и до этого, понимали «иерархию вещей», их поступки были обусловлены только соображениями военными и были вполне «оптимальны».

Ред. Получается, что только Александр не понимал эту «оптимальность».

А.В. Александр «переиграл» Наполеона. И эта «игра» была нетривиальной и жестокой. Конечно, он был раздосадован, но хорошо представлял себе ситуацию. И его формула, с которой он обратился к Чичагову, достаточно точна: «причиной всему является несчастливое стечение обстоятельств».

Ред. Теперь я снова перестал понимать.

А.В. Александр, с одной стороны, частный человек и имеет право на чувства, свойственные обычному человеку, с другой — император, олицетворяющий силу, противостоящую военной машине Наполеона. Мог ли он признать публично, что сил, необходимых для окружения и пленения Наполеона, у него не было!

Ред. То есть Вы признаете, что Александр лицемерил.

А.В. Лицемерие — необходимый инструмент политика. Но лицемерие Александра и Наполеона — разные и Пушкин в другом своем двойном портрете обыгрывает это. Конечно, Тильзит был характерен в этом смысле. Вынужденное лицемерие Александра.

Ред. Но Александр не так уж много и потерял, подписав мирный договор. Скорее, потеряли Пруссия и Англия.

А.В. Конечно, и Россия. Впрочем, это не главное — кто сколько потерял. Главное, что Наполеон был тем самым «легитимизирован» Александром. Впрочем, он, конечно, лицемерил, понимая, что выяснение отношений еще впереди.

Ред. Словом, оба хороши.

А.В. Но по-разному.

Ред. Пушкин, стало быть, был прав, приписав Александру лукавство?

А.В. Не знаю. Лукавство бывает разное. Однако не Наполеон оказался победителем, а Александр. Я считаю, что Александр гениально провел всю кампанию и не просто победил, а переиграл Наполеона. Это мое продуманное мнение и спорить об этом мне здесь не хочется. Моей задачей было поговорить о Чичагове и стихотворении Пушкина, и я сказал по этому поводу, что хотел.

Ред. Тогда закончим?

А.В. Как скажете.

Виновен ли С.М. Соловьев в распространении клеветы на Уварова?

Я, как самоед, знаю, однако же, что нельзя быть совершенно откровенным с самим собою, даже когда живешь в себе, так сказать, нараспашку. Иногда, ни с того ни с сего, приходят мысли до того низкие и подлые, что при первом своем появлении из тайника души невольно бросают в краску, — иногда даже чувствуешь, как будто эти мысли не твои, а другого — самого низкого существа, живущего в тебе. Апостол Павел уже давно заметил, что не хочешь делать зло, а делаешь его нехотя. Великая правда! И еще чаще замечаем это на мысли: не хочешь мыслить мерзко, а мыслишь, — и беда, если вначале не убережешься, не подметишь самого себя и впопугу не остановишься.

Н.И. Пирогов. Дневник старого врача

Родился Сергей Михайлович в 1820 году, в то время как Уваров — в 1786, то есть Соловьев был на тридцать с лишним лет моложе Уварова. В то время, когда разразился скандал, Соловьеву было пятнадцать лет и его мнение следовало бы считать полностью «вторичным», если бы не одно обстоятельство: пути Соловьева и Уварова пересекались, поскольку пересекались их интересы. Во-первых, к истории, во-вторых, к преподаванию истории.

Пасквильный отзыв об Уварове можно найти в автобиографических записках С.М. Соловьева, которые были опубликованы уже значительно позже (лет через тридцать после его смерти, последовавшей в 1879 году). Сначала в журнале «Вестник Европы», а затем, в 1914 году, отдельной книгой под названием «Мои записки» и со странным кокетливым подзаголовком: «для детей моих, а если можно, то и для других».

Двадцать девять томов «Истории России с древнейших времен» — это труд, за который Соловьев заслужил уважение потомков. Человеку, взявшемуся за него, приходится работать с многочисленными источниками, многие из которых лишь условно можно называть «документами», то есть источниками, не вызывающими ни малейшего сомнения в достоверности излагаемых фактов. Нужно учитывать также возможность различных трактовок одного и того же эпизода, что привело бы другого автора к растерянности, выражающейся в многословии или неопределенности выражений, или к пробелам

в изложении. Не так у Соловьева. Он шел как танк, преодолевая многочисленные проблемы, зная, где искать материал, как понимать то или иное явление, имея то, что мы назовем внутренним ощущением исторической правды. Написать историю — это как решить краевую задачу в математике: по нескольким данным, зная законы действия, нужно воссоздать поверхность, на которой происходит это действие. Предполагается, что задача имеет решение, хотя, быть может, и не единственное. Но чем дальше, тем все более отчетливо проступает сомнение в очевидности и аксиоматичности этого предположения.

Более того, мы все чаще подсознательно соглашаемся с тем, что исторические построения «удачны» уже и в том случае, если предлагаемое решение является хотя бы «долгоживущим». Сравним, например, с теоремой Пифагора. Она верна была и две тысячи лет назад, и сейчас. Ее одинаково понимают и грек, и китаец. И при этом для убеждения в ее правоте не нужно никаких «точек зрения». Мы говорим об истине, независимо от времени и пространства. Существуют ли такие утверждения в истории? Или все они по прошествии времени сменяются другими? Хорошо, но тогда, может быть, работает «метод последовательных приближений» и мы шаг за шагом приближаемся к истине, которая является как бы «предельным состоянием»? Или таких истин множество и не прав был Кант, считая, что внутри нас действует один и тот же моральный закон? Или, быть может, истина и существует, но мы лишь удаляемся от нее в погоне за подробностями, указывая на новые обстоятельства и «развенчивая мифы»? Так или иначе, но нас уже не остановить в поисках деталей и в стремлении к построению «следующего приближения».

Для обывателя единственным критерием при чтении многотомного труда является «согласованность» фактов, естественность развития событий (как будто в жизни все так «естественно» и гармонично). А если по-простому — интересно читать или нет. Короче говоря, историку нужно то, что мы называем исторической интуицией или ощущением исторической правды. Допуская, разумеется, что у другого историка это ощущение приводит к другим результатам.

И Соловьева не оправдывал Тимофей Николаевич и видел в его суждении о Грозном недостаток нравственного смысла и насильствие фактов, с целью натянуть их на теорию.

Александр Северцев.
Знакомство с Грановским.
Июнь 1862, Н. Курлак

Но если «История», написанная Соловьевым, вызывает интерес к материалу и уважение к автору, то «Записки» как будто написаны другим человеком. Может быть, это не только иллюзия. В каждом из нас «сидит другой человек». И те, кто думает, что такое раздвоение есть признак шизофрении, либо привыкли себе льстить, либо не умеют на себя посмотреть со стороны.

Изложение «внутренней правды» С.М. Соловьевым имеет свои особенности, и к изложению этих особенностей я и перехожу, хотя, быть может, копание в

чужих мыслях и не есть слишком достойное занятие. Но мне нужно понять, чего стоит «правда», которую автор излагает в отношении Уварова. Начнем сверху.

Во-первых, Соловьеву не нравится государь. То ли задняя мысль С.М. Соловьева о том, что он является новым Тацитом, призванным обуздать и покарать ненавистный тоталитарно-реакционный режим, не давала ему покоя, то ли обидел его чем-то Николай Павлович, но этому режиму посвящены лучшие строки «воспоминаний», сатира, которой могли бы позавидовать и Герцен, и Огарев. Типичный пассаж:

Николай любил только бездушное движение войсковых масс по команде. Это был страшный нивелировщик: все люди были перед ним равны, и он один имел право раздавать им по произволу способности, знания, опытность в делах — на это нужды нет, что в этом нечестивом посягновении на права Бога он беспрестанно ошибался: он не отставал до конца от своего взгляда и направления, до конца не переставал ненавидеть и гнать людей, выдававшихся из общего уровня по милости Божией, до конца не переставал окружать себя посредственностями и совершенными бездарностями, произведенными в великие люди по воле начальства, по милости императора.

Каких посредственностей и совершенных бездарностей имел в виду автор, не очень понятно из текста. Самого Уварова, Е. Канкрин, М. Сперанского, П. Волконского, Д. Блудова? Однако, кроме Уварова, лишь Блудову «повезло»: он «удостоился» отдельной подробной оценки. Эта оценка сделана в своеобразном стиле (который позже стал достаточно распространенным) — назовем его, например, «неожиданная буря».

Характерным элементом этого стиля является неожиданный для читателя переход от достаточно лестных слов к порицанию. В «простонародной» речи (если можно назвать простонародной речь людей, которые, сознательно лишая себя прав на авторство, распространяют по свету сочиненные ими анекдоты, остроты, каламбуры) прием этот используется чаще всего с шутливым оттенком, например: «Он явно парень неплохой, но только глупый и глухой».

Во-вторых, Соловьеву не нравится Дмитрий Николаевич Блудов. Начинается рассказ о нем ласково и спокойно: «Блудов, человек вообще очень приветливый, хорошего тона...» Далее разговор тоже вроде бы не предвещает ничего плохого: «решился сказать мне в лицо, что мое предприятие очень смело — писать русскую историю после Карамзина...» Все-таки не задним числом сказал, не в кудуарах, не в мемуарах, когда человек и возразить не может, а в лицо. К тому же сказал по делу. Действительно, очень смелое предприятие, без всякой иронии.

То есть ничего плохого. Так, небольшая тучка на горизонте — словечко «решился». Решился — значит «собрался с духом». Словарь Ушакова дает такую расшифровку глагола «решиться»: «Остановиться на каком-нибудь намерении после обдумывания, колебаний, сомнений». И другой вариант: «Проявить смелость в выборе образа действий, пойти на риск». Читателю предлагается

выбрать трактовку, но любой выбор не решает загадки: с чего бы Блудову, который был ровесником Уварова и годился Соловьеву в деды, который немало повидал в своей жизни и не терялся перед королями и императорами, вдруг «собираться с духом», чтобы сказать молодому человеку столь простую сентенцию? Однако решать эту загадку — все равно, что пытаться понять, отчего на ясном небе ни с того ни с сего появилась тучка. Появилась и появилась. Растет. Соловьев ответил, что намерен писать многотомную историю, и тут подул ветер и тучка разразилась дождем:

Это еще более озлило Блудова, и он сказал нелепость, показавшую все его невежество. «Да, — сказал он, — и в Англии пробовали писать многотомные истории, а до Юма-то не достигнули».

При попытке осознать прочитанное я почувствовал себя одним из персонажей небольшой притчи Ивана Сергеевича Тургенева «Дурак». Возразить — так ведь в ретрограды запишут. Согласиться? Так ведь надо понять, с чем соглашаться. Дэвид Юм, известный в нашей стране более как философ, чем историограф, в середине восемнадцатого века опубликовал шеститомную «Историю Англии», которая в свое время произвела примерно такое же впечатление на англичан, какое позже произвела «История» Карамзина на русских. Следующим было пятитомное издание «Истории Англии» Томаса Маколей, публиковавшееся как раз в те годы, когда шел разговор старого Блудова с молодым Соловьевым. Новая «История», конечно, как и всякая более поздняя работа учитывает меняющуюся моду в изложении, вносит коррективы, но, пожалуй, Маколей до Юма все-таки «не достигнул». Так мне кажется. Но я могу ошибаться. И тогда получу «невежду»? Блудов превосходно знал Англию, свободно владел английским. За что его так обругал Соловьев — непонятно. Что Блудов сказал — понятно.

Можно, конечно, в словах Блудова усмотреть оттенок неверия в успех дела. Я бы сказал оттенок подзадоривания. Но в любом случае, чтобы Блудов в свои пятьдесят с лишним лет разозлился, да еще на мальчишку! Что-то я в это не верю. Но вот кто разозлился — так это сам Соловьев. Почему — Бог весть. Но разозлился не на шутку:

Здесь кстати сказать несколько слов о Блудове, ибо он представляет явление, возможное только в русском обществе второй половины XIX века. Везде так называемое счастье играет важную роль, но нигде оно не играет такой громадной и такой безобразной роли, как у нас на Руси (о, Русь! о, рус!), и Блудов представляет баловня этого безобразного счастья. Небогатый, незнатный, непригожий, недаровитый, он достиг высшей степени чести, до какой только можно достигнуть подданному; человек с самым поверхностным образованием, которое стерлось вследствие общей нашей привычки не читать, по недостатку времени, тратящегося на множество пустяков. Блудов до самого конца слыл самым образованным человеком, что объявлялось в свете в императорских рескриптах.

Это уже не дождь, а самая настоящая буря. С громом и молниями. Вообще-то счастье не должно играть «безобразную роль», ибо в этом случае принято называть его по-другому. Даже выражение «баловень счастья» не имеет этого «безобразного» оттенка. Может быть, Соловьев имел в виду «везение»? Например, «повезло» Державину, Жуковскому, Сперанскому, Канкрину.

Баронесса Сталь в разговоре с Александром Павловичем о том приятном впечатлении, какое оставил в ней русский народ во время ее путешествия, заметила, что он может быть счастливым даже без конституции под управлением такого как он Государя. «Это только счастливая случайность», — сказал Государь. Сталь передала разговор, о котором упоминает в своих записках, Блудову. «Le hazard, c'est l'incognito de la Providence» — отвечал Блудов.

Е. П. Ковалевский.
Мысли и замечания графа Блудова

Далее. Также не слишком понятно, почему именно горадиевско-пушкинская деревня (rus) вдруг стала местом, где счастье играет особо безобразную роль. По-видимому, Соловьев делал другой акцент и его «о, rus!» скорее является русифицированной версией восклицания «О, времена, о, нравы! O tempora, o mores!». Это некоторое риторическое украшение. Подстиль стиля «О, Господи!». После чего полагается сказать: «родиться здесь с умом и талантом», «жить среди таких-то людей», и тому подобное. Этакое русское барокко.

В русской жизни, где все делается таинственно и по интриге, где солнце гласности освещает только результаты, никогда не углубляясь до причин, репутация человека зависит не столько от него самого, сколько от тех, которые берутся составить ему таковую.

Н.И. Тургенев. Россия и русские. Париж, 1847

Почему та или иная особенность социальной психологии характерна именно для «русской жизни», не стоит и спрашивать. Это риторика, элемент стиля, а элементы стиля не решают смысловых загадок. Можно спросить разве что, почему Блудов, родившийся в XVIII веке и «достигнувший высшей степени чести» (то есть построивший свою карьеру) в первой половине XIX века, вдруг оказался явлением второй половины этого же столетия. Может быть, перепутан век? Но в любом случае компания у Блудова была неплохая, что показывает следующий маленький шедевр в стиле Даниила Хармса.

В молодости Суворов получил образование, какое только тогда можно было получить, потому, что отец, предназначая его по слабости здоровья к гражданской службе, заставлял учиться наукам и языкам, чтение исторических книг развило в нем славолюбие и уяснило для него самого его призвание: он вступил в военную службу. Здесь он продвигался очень медленно. 9 лет был солдатом; прожив так долго вместе с солдатами, он совершенно сроднился с их бытом, с их привычками, языком, при-

вык к жизни простой, которую не покидал до конца. В чинах офицерских Суворов приобрел репутацию отличного кавалерийского офицера, быстрого при рекогносцировке, отважного в битве и хладнокровного в опасности. Но для Суворова этого было мало, он видел, как быстро шагают любимцы счастья, менее его достойные, но умевшие стать на вид, и он решился обратить на себя внимание, заставить заговорить о себе средством, которое, разумеется, лежало уже в его природе и которое потому употреблено было им с таким успехом, это средство было юродство, которое производит такое сильное впечатление в неразвитых обществах, когда при господстве воображения над мыслящей, поверяющей явления способностью, все странное, выходящее из обычной колеи имеет обаятельную силу, заставляя предполагать что-то высшее, таинственное. Суворов сделался чудачком, отбросив общепринятые формы приличия, он ничего не делал, как другие люди: говорил отрывисто, какими-то загадочными фразами, употреблял свои особые выражения, кривлялся, делал разные ужимки, ходил припрыгивая. Применяясь к солдатскому быту, он довел до крайности свой спартанский образ жизни: вставал с зарею, бегал по лагерю в рубашке, кричал петухом, обедал в 8 часов утра, в одежде также не соблюдал общей формы. В обращении с подчиненными Суворов создал себе свою систему: строгий к каждому в исполнении обязанностей служебных, он в то же время не боялся сблизиться с солдатами, шутил с ними, забавляя их своими прибаутками. Говоря с подчиненными, требовал от них находчивости и смелости, ответов быстрых и точных, слово «не знаю» было строго запрещено. Вдруг обращался он к солдату или офицеру с каким-нибудь странным, нелепым вопросом, и немедленно надо было отвечать ему такою же нелепостью, кто ответил остро, умно — тот молодец, разумник, кто смутился, замнется — тот немогузнайка. Суворов достиг своей цели: о нем начали говорить, бесчисленные анекдоты о его проделках дошли до императрицы Екатерины; громадная популярность была приобретена им между солдатами, которые видели в Суворове своего и между которыми более чем в других классах общества, юродство имело обаятельную силу.

С.М. Соловьев. Учебная книга русской истории

Вернувшись к Блудову, заметим, что точно так же трудно понять, как можно более полувека слыть вообще образованным человеком, не будучи таковым, а тем более «самым», не будучи даже «даровитым». На какие такие пустяки трагил свое время Дмитрий Николаевич Блудов — не расшифровывается. Хотя это и любопытно.

Но вот теперь более важное: о «непригожести». Портреты Блудова показывают лицо человека спокойного и умного. Если бы я был плохо воспитан, я бы ответил Соловьеву что-нибудь типа «на себя бы посмотрел!» Сохранились ведь фотографии. Но поскольку мне хочется изобразить из себя «образованного человека», то, не переходя на «личности», я приведу несколько цитат из книги Егора Петровича Ковалевского «Граф Блудов и его время», относящихся к характеристике графа Блудова.

Кн. Оболенский: Из многочисленных спутников моей Сибирской жизни ни один не сообщил мне не только о намеренном искажении истины его показаний; но даже

о натянутом и недобросовестном толковании оных. — Итак, пусть память графа Блудова останется чистой от всякого нареkania. На его личность пала горькая доля, быть делопроизводителем политического уголовного процесса. — Он и не мог и не должен был уклониться от исполнения этой тяжелой обязанности; но исполняя ее, он не оставил на сердце подсудимых и тени неприязненного к себе чувства.

Кн. Волконский: Я постоянно сохранял глубокое к нему уважение как к честному государственному деятелю и человеку и чту память того, чье имя связано с самым дорогим и близким моему сердцу историческим событием — освобождением крестьян от крепостной зависимости. Мысли и замечания графа Блудова:

Мы все знаем и говорим, что человек бывает часто не похож на себя; что мысли, ум, характер и все способности души нашей чувствуют влияние обстоятельств, которые от нас не зависят: а как мы судим о людях? По одному делу, по одному слову, по одному дню!

Везде пословицы называют хранилищем мыслей народных; мне кажется, что Русские можно назвать и хранилищем сердечных чувствований. Наши предки заведывали нам как святыню не только остроумные наблюдения отцов своих, не только советы их благоразумия, но и выражения чувствительности. Все знают пословицу «Не по хорошу мил, а по милу хорош», которая содержит в себе тайну любви и ее странностей. Другая «Милому сто смертей», очень живо изображает беспокойство сердца, творящего для себя ужасы. Но может быть всех лучше и трогательнее одна, менее известная: «Не сбывай с рук постылого, приберет Бог милого». Какая прекрасная, почти небесная мысль: любовью к друзьям охранять врагов от самих желаний ненависти! Она дышит великодушием, нежностью и верою в Провидение.

Вернемся к стилистическому разбору текста «Записок» Соловьева. Одна из замечательных пословиц, приведенных графом Блудовым, обратима, и выражение «По немилу плох» отражает то состояние растерянности, когда видишь, как одна из сторон осыпает другую упреками, разобраться в которых нет никакой возможности.

В-третьих, Соловьев разочаровался в славянофилах. Увлеченный в молодости славянофильством, Соловьев решил, видимо, побороть в себе эту немодную страсть и последовал совету незабвенного Тристана, который утверждал, что «мысль о недостатках целительней, чем всякий злак».

*И словно бы я молвил: сгинь! —
Любовь преобразилась в злобу...*

Разумеется, прежде всего это Хомяков и Аксаковы. И снова в том же стиле: «Конечно, он большой талант. Жаль, что профан и дилетант».

Сначала идет будто бы спокойные тона:

...с длинными черными косматыми волосами, с дарованиями блестящими, самоучка...

...человек больной, никуда не выезжавший, умный, практический, хитрый...

... могущий играть большую роль при народных движениях и в гостиных зеленого русского общества, с львиной физиономией, силач, горлан, открытый, добродушный, не без дарований...

... доброе, кроткое, симпатичное существо, — напоминал мне добродушных чешских властенцев: он был очень трудолюбив, много читал...

Только пусть читатель не разнежится, представляя себе некоторый собирательный образ обаятельного, добродушного и неглупого славянофила. Осторожнее.

... способный говорить без умолку с утра до вечера и в споре не робевший ни перед какою уверткой, ни перед какою ложью: выдумать факт, процитировать место писателя, которого никогда не бывало — NN и на это был готов; скалозуб прежде всего по природе, он готов был всегда подшутить над собственными убеждениями, над убеждениями приятелей...

... но тупоумный; последнее было бы легко сносить за открытость, добродушие, наивность, но что делало его нестерпимым, так это крайнее самолюбие и упорство в мнениях, для поддержания которых он средств не разбирал...

Дальше — еще хлеще, и вряд ли стоило бы перечислять не слишком разнообразное оскорбления, если бы не одно обстоятельство. С одной стороны, эти характеристики никакого отношения к рассматриваемой персоне не имеют. С другой стороны, удивительным образом начинаешь понимать, что детская поговорка «кто как обзывается, тот сам так называется» не лишена смысла.

В-четвертых, у Соловьева немного странное понимание слова «литература». Постепенно начинает проясняться и подход Соловьева к написанию характеристик. Садится у зеркала и начинает строчить. Главное — не оттаивать и не сомневаться. Безапелляционный тон инвектив действует безотказно. Как может даже в голову прийти возражение, если столь уверенно произносятся обвинения? Пишет, например, Соловьев об Уварове: «... не прочитав в свою жизнь ни одной русской книги...» Это просто до странности неверно. Может быть, оценки Уварова не во всем совпадали с оценками Соловьева и последний был обижен невниманием к тем литераторам, которые приятны ему, Соловьеву? Но для этого необходимо знать оценки самого Соловьева. Нашел я и указания на то, что не читали книг Блудов, вместе с tutti quanti, Михаил Павлович вместе с, разумеется, Николаем Павловичем. Последний даже «повернулся к литературе спиной». Но оставим пока в покое загадочную спину Николая I, и попробуем найти суждения о русской литературе самого Соловьева. Все-таки время-то было какое! Спина — спиной, а «Мертвые души» все-таки были напечатаны. Как раз в то время, когда Соловьев заканчивал гимназию. А «Бедные люди» Достоевского! Вся Рос-

сия зачитывалась. А «Казачьи» и «Севастопольские рассказы» Льва Толстого! А «Отцы и дети»! Увы! Нашел я в «Записках» лишь одно замечание, сделанное мимоходом, а именно, что Сергей Тимофеевич Аксаков — «легонький литератор» (причем «был в молодости»). А одновременно был «игрок, клубист».

Действительно, стиль у Аксакова старшего нетяжелый. Одной его знаменитой сказки достаточно, чтобы оценить этот стиль, который мне кажется замечательным. Да и «Семейную хронику» и «Детские годы Багрова внука» я прочитал в свое время без напряжения.

Ты не та, но все еще прекрасна, так же обширна, плодоносна и бесконечно разнообразна, Оренбургская губерния!.. Дико звучат два эти последние слова! Бог знает, как и откуда зашел туда бурж!.. Но я знавал тебя, благословенный край, еще Уфимским наместничеством!

*Чудесный край, благословенный,
Хранилище земных богатств,
Не вечно будешь ты, забвенный,
Служить для пастырей и паств!
И люди набегут толпами,
Твое приволье полюбя,
И не узнаешь ты себя
Под их нечистыми руками!
Помнут луга, порубят лес,
Взмутят в водах лазурь небес!
И горы соляных кристаллов
По тузлукам твоим найдут,
И руды дорогих металлов
Из недр глубоких извлекут!
И тук земли неистощенный
Всосут чужие семена,
Чужие снимут племена
Их плод, сторицей возвращенный!
И в глубь лесов и в даль степей
Разгонят дорогих зверей!*

Так писал о тебе, лет тридцать тому назад, один из твоих уроженцев, и все это отчасти уже исполнилось или исполняется с тобою; но еще прекрасен ты, чудесный край! Светлы и прозрачны, как глубокие, огромные чаши стоят озера твои — Кандры и Каратабынь. Многоводны и многообильны разнообразными породами рыб твои реки, то быстротекущие по долинам и ущельям между отраслями Уральских гор, то светло и тихо незаметно катящиеся по ковчигиным степям твоим, подобно яхонтам, нанизанным на нитку. Чудны эти степные реки, все из бесчисленных, глубоких водоемов, соединяющихся узкими и мелкими протоками, в которых только и приметно движение воды. В твоих быстрых родниковых ручьях, прозрачных

и холодных как лед, даже в жары знойного лета, бегущих под тенью деревьев и кустов, живут все породы форелей...

С. Т. Аксаков. Семейная хроника

Но я допускаю, что у Соловьева другие литературные вкусы. Это может быть, но какие? Но вот, наконец, упомянуты журналы «Современник» и «Отечественные записки». Какие писатели, какие коллизии! Но нет здесь никаких имен, кроме одного — Соловьева. Наконец-то до меня дошло, что такое русская литература и чего не читают Блудов, славянофилы, Николай I, Михаил Павлович, а с ними и все остальные. В этих журналах печатались статьи самого Его — Соловьева! И мы вместе с «русским литератором» возмущаемся тем, что творит с этими статьями цензор. Вот уж действительно! Скольких перлов в стиле Хармса мы лишились!

В-пятых, Соловьев не любит военных и священников. Военные не удостоились упоминания в «Записках», да и оно и понятно. Чего там! Нахимов-Корнилов, Волконский-Раевский. Маневры и мазурка. Вот священникам «повезло» больше.

Известно, что такое русские генералы, но генералы в рясе еще хуже...

Следующие за этим комментарии я пропущу. Затем Соловьев объясняет причины такой неприязни. Отец Сергея Михайловича был священником, и у родителей мальчика была проблема — куда определить ребенка.

Сестер моих отдали в пансион, что было тогда очень редким явлением между духовными — страннее было бы меня отдать в семинарию, особенно когда в устах матери семинария была синонимом всякой гадости.

Дальше идет подробнейшее иллюстративное объяснение, почему матушка была права. Тут и рядовые священники, и семинаристы, и митрополиты Серафим, Платон и Филарет. Те, которые хуже, получили «необузданное честолюбие, злобу, зависть, мстительность, страшное высокомерие, требование бесполезного рабства и унижения от подчиненных, ничем не сдерживаемую запальчивость относительно последних».

Какие хуже? Все хуже. «Разумеется, были исключения, но я говорю не об исключениях».

С портретом одного из русских генералов кисти Соловьева-Хармса мы уже познакомились. «Повезло» и «генералу в рясе» Филарету. Кроме всех перечисленных черт он получил еще и «иезуита». Как известно, слово это обозначает и члена соответствующего ордена и, при употреблении в переносном смысле, хитрого, двуличного человека, лицемера. Некоторая двуличность проявляется и при использовании этого слова как прозвища. Мол, я не обвиняю, а просто хотел сказать, что человек тяготеет к идеологии, носителями которой являются члены этого ордена.

Нужно сказать, что Филарет был активным деятелем Библейского общества, что, однако, не может говорить о его двуличности и хитрости. Филарет был сторонником полного перевода всего Ветхого завета и не скрывал этого. Можно, конечно, оспаривать необходимость этого шага, но сейчас не о том речь.

Мы часто используем слово «иезуит», когда хотим указать на человека, ловко использующего словесные обороты для того, чтобы «сказать, не сказав». Или наоборот, «не сказать, сказав». В общем, чтобы произнести иезуитские двусмысленности.

Святитель Филарет написал за свою жизнь много. Теперь несложно познаться с его основными трудами. Читатель может сделать это через Интернет, изданы они и отдельными книгами. Стал и я читать ради такого случая труды митрополита и обнаружил чистый слог и ясную мысль.

Записка говорит, что явится Церковь тогда, когда догматы веры станут неприкосновенными от какой-либо власти.

От какой-либо власти? Итак, и от церковной? Разве нужна догматическая анархия?

Положим, что записка не договорила, что хотела сказать, и что она разумела власть светскую? Что же? Разве догматы в России изменяются по произволу светской власти? Неправда.

Можно указать некоторые предметы церковной администрации, суда и дисциплины, в которых власть светская не точно следовала церковным правилам, и власть духовная принимала это с терпением, и таким образом, была ослабляема. Конечно лучше, если бы сего не было. Обличайте, но не преувеличивайте.

Письмо митрополита Филарета к протопресвитеру
В.Б. Бажанову с мнением о записке, изображавшей состояние
Православной Церкви в России в неблагоприятном виде.
Октябрь. 1856

Есть у Филарета и комментарии к положению дел в семинариях и множество деловых записок с предложениями или распоряжениями. И везде если «да», то «да». Если «нет», то «нет».

А теперь попробуем почитать самого Соловьева.

Признавая важное значение православия в русской истории, мы не назовем, однако, влияния этого «византийского» исповедания безусловно благодетельным, вместе с тем, впрочем глядяваясь внимательно в прошедшее, и в настоящее, мы не можем не увидеть в нем светлых сторон относительно и прошедшего, и настоящего, и будущего.

Загадочно сказано. Но ведь и светлые стороны проглядывают. Читаем дальше.

Православие могущественно содействовало утверждению единовластия и самодержавия; по характеру своему это «византийское» исповедание значала стремилось стать полезным оружием самодержавной власти — и стало. Таким образом, скажут иные, православие способствовало утверждению рабства, было оружием порабощения в руках деспота; элементы сопротивления деспотизму не могли находиться в нем опору. Но мы спросим, где были эти элементы сопротивления и каковы были они? Бессмысленное боярство — с одной стороны, и свирепое казачество — с другой!

Что же читатель понял? Не в том смысле, что «нечего и понимать», но что же именно?

Пропустим следующий пассаж про то, как «православие отняло Малороссию у Польши и дорушило последнюю», и попробуем отыскать светлую сторону в настоящем.

Относительно настоящего я спрошу у тех, которые не признают никакой религии, но уважают католицизм за его великую будто бы историческую роль и презирают православие за то, что оно этой роли не играло, — я спрошу у этих господ: «Вы не верите ни во что, громко признаетесь в этом, круглый год не заглядываете в Церковь — и кто вас за это тревожит? Знаете ли вы вашего приходского священника, и знает ли вас этот священник?» Вы совершенно свободны и этою свободою обязаны православию, ибо католический священник не позволил бы вам так спокойно вольнодумничать, так спокойно презирать его: в нем имели бы вы самого злого врага, доносчика, который или запрягал бы вас в недоброе место, или бы заставил ходить к себе в церковь и на исповедь; если в православии правительство имеет орудие, то это орудие тупое, в католицизме оно имело бы острое.

Доверчивого и простодушного читателя, который вспомнит известное по роману «Граф Монте-Кристо» «ammazato e decapitato» (обухом и лезвием), может и смутит такая альтернатива: быть тупым или острым орудием в руках правительства, и он предпочтет свободу, но, должен сказать, «комплименты» в адрес Церкви, равнодушно взвизгивающей на эту «свободу», достаточно сомнительны. Ни одна религия мира не считает себя «орудием в руках правительства», но и не свободна от обязанности «пастырского служения», в понимание которого входит и беспокойство о «душах заблудших». Православие не является исключением, и Соловьев это прекрасно понимал, совершенно не стараясь описанное равнодушие православных священников изображать как их достоинство.

Впрочем, может быть, тексты Соловьева можно понимать и по-другому, и по-третьему, и по-десятому. Но чтобы мне не оказаться в той же роли человека, произносящего то ли хвалу, то ли хулу, скажу свое мнение еще раз, и определено: если бы меня спросили что такое «иезуитский стиль», я бы сказал, что это умение говорить двусмысленности, в которых спрятан оттенок злоречия. И привел бы в качестве образца две-три цитаты из Соловьева.

Что касается митрополита московского Филарета, то он такой техникой и не обладал. Это «не каждому дано».

Какую силу имеет слово? Силу вседетельную: вся тем быша: словом сотворен видимый мир; Словом господним небеса утвердишася (Пс. 32:6). Скажешь, что это не такое слово как у тебя и у меня. Так. Слово Божие бесконечно выше слова человеческого. Но поелику ты сотворен по образу Божию, то и в слове твоём должен быть некий образ слова Божия и силы его, если ты не затмеваешь его злоупотреблением слова, если не обессиливаешь его невниманием и легкомыслием. Слово поставило человека на лестнице творений выше всего земного, и выше луны и солнца; слово соединило людей в общества, создало города и царства; в слове живет и движется знание, мудрость, закон; словом образуется, поощряется и распространяется добродетель; слово в молитве восходит к Богу, беседует с ним и приемлет от него просимое. Мир видел, что слово подобострастных нам человек, в союзе с истинною боговедением и правдою веры, и вследствие сего в союзе со словом и Духом Божиим, владычествовало над природою, исцеляло больных, прогоняло темные силы, воскрешало мертвых. Видите ли, какое сокровище расточает человек, какой высокий дар повергает и попирает, какую могущественную, животворную и благотворную силу делает бездейственною и мертвою, или, напротив, злоторною, когда употребляет слово не для истины, правды и благодати, но на празднословие, на срамословие, на ложь, на обман, на клевету, на злоупотребление клятвы, на распространение зломудрия! Не будьте к сему невнимательны или равнодушны, чтущие достоинство словесного существа и общества словесных существ, ревнуйте о достоинстве слова, одушевляйте и вооружайте ваше слово истинною и правдою, и, действуя им верно и твердо, не допускайте разливания глаголов потопных (Пс. 51:6)!

Ложь, неправду и клевету и сим подобное, по естественному закону, неизгладимо написанному в сердцах, все порицают и презирают, когда оные обнаруживаются и обличаются, но между тем ложь, неправда, клевета, прикрытая благовидной личиною, не редкость между людьми. Какое странное противоречие человека самому себе, какое унижение самого себя, когда он, что порицает и допускает в других, то допускает в себе, против чего имеет в своей совести непобедимое свидетельство, как против скверны, тем самым теснит и оскверняет свою совесть! Если до такой крайности дойти может человек, то и мнящийся иметь устне праведны должен полагать хранение устом (Пс. 140:3) своим прозорливо и осторожно. Бывают уклонения от правды вначале малоприметные, но могущие отвести от нее далеко.

Митрополит Филарет. Беседа в день рождения
благочестивейшего Государя Императора
Александра Николаевича (1858 год)

В-шестых, лучше не делать Соловьеву добро. Это наказуемо. Как можно занимаясь с подростком (даже если этот подросток — цесаревич) историей отечества (причем добиваясь этого преподавания, ревнуя о нем!), тут же произносить в адрес отца помимо политических инвектив самые низкие, площадные оскорбления? Это невозможно понять нам, смертным. Быть может, в этом

какое-то патологическое понимание правды, свободы, политический вызов? Хорошо, пусть так. Но граф Строганов! Он-то за что получил какой-то русский винегрет из полуобразованности и благородства и голову «вовсе не гениальную», в которой «сведения при недостатке первоначального основательного учения неправильно громоздились, дурно переваривались, часто безобразно и смешно скоплялись около некоторых любимых его мыслей».

Обратив внимание на молодого ученого и желая ему помочь, Сергей Григорьевич предложил ему место учителя детей своего брата — Александра Строганова. Судя по «Заметкам», на весьма выгодных условиях, позволяющих начинающему историку продолжать работу над диссертацией, будучи не слишком стесненным материально. Более того, Соловьев уехал с семьей Строгановых за границу, в Париж, где и провел около двух лет, не слишком тратя время на преподавание. При этом побывав в Германии, Бельгии, Чехии и где-то еще и жалея лишь, что не получилось посетить Италию. Но и «наградил» он за это все семейство Александра Строганова «достойно»!

Имея ум чрезвычайно поверхностный, Александр мечтал, что обладает способностями государственного человека, и не знал границ своей умственной дерзости; с важностью выкладывал какую-нибудь нелепую мысль и старался ею озадачить, упорно поддерживая и обстраивая другими подобными же нелепостями. При этом — ни малейшего благородства, деликатности. Жена была еще хуже мужа: с умом и образованием также поверхностным, огромными претензиями на то и другое, с полным отсутствием сердца, эгоизм воплощенный, неразборчивость средств, способность унижаться до самых неприличных искательств, когда считалось нужным, и в то же время гордость, властолюбие непомерное...

Это лишь малая часть «награды», причем получили все! И дети, и няньки. Если бы у Строгановых была бы кошка, то и она бы получила свое.

Эти характеристики производят удручающее, если не сказать больше, впечатление, но, как известно, все в мире имеет и свою положительную сторону. После такой «вакцинации» можно уже более хладнокровно продолжать чтение. И даже интересно, какие еще свойства «растрепанной души своей» открывает нам летописец.

*Я — это я, а вы грехи мои
По своему равняете примеру.
Но, может быть, я прям, а у судьи
Неправого в руках кривая мера.
И видит он в любом из ближних ложь,
Поскольку ближний на него похож.*

Шекспир. Сонет 121

Как известно, есть память рассудка, а есть память сердца. Память у Соловьева была сердечной, но умноженной на силу воображения. Со всей силой

своей искренней неприязни воспроизводит он из козлиного пергамента желчной души своей разговоры, которые ведет с ним Михаил Петрович Погодин.

По-видимому, Соловьев таким образом хотел подчеркнуть партийные разногласия с Погодиным и свое неприятие его идей. Не слишком «чистый» способ идеологической борьбы, но что ж. Такое практиковалось и раньше и позже. Но ведь есть еще и память руки. Что же такое написал о Соловьеве сам Погодин? Неужели такие же площадные оскорбления?

Царь: «Никон писал в грамотах своих к св. патриархам на меня многие бесчестья и укоризны, а я на него ни малого бесчестья и укоризны не писывал».

С.М. Соловьев. История России. Т. 11, гл. 4

Но ведь есть еще и память факта! И если убрать все эмоциональные наслоения и разговоры, подлинность которых вызывает некоторые сомнения, то что же остается в «сухом остатке»?

На магистерских экзаменах Погодин, в отличие от своих коллег, оценил ответ молодого человека как «удовлетворительный». На магистерской диссертации написал «Читал и одобряю». Несколько позже Соловьев защитил докторскую. Стал профессором, занял кафедру, которую возглавлял до этого Погодин, в сорок четыре года стал членом-корреспондентом Академии наук, а чуть позже — академиком. Еще при жизни Погодина стал ректором Московского университета.

История с Погодиным «по-человечески» понятна. Использовал его влияние и авторитет, когда это было нужно, но боязь общественного мнения «прогрессивно мыслящей интеллигенции» заставляет «отнекиваться». Хвалить сторонника уваровской триады («клиента Уварова») было немодно и даже опасно. Но учителя, коллеги, люди, с которыми ему приходилось встречаться по долгу службы и просто так. Здесь-то, казалось бы, нет никакой политики!

В-седьмых, так относиться к друзьям и коллегам нельзя. «С кого они портреты пишут», становится более или менее понятно. Но вот где они слышат эти разговоры?

Извозчики и учащаяся молодежь — это два самые верные барометра культурного общества: по ним узнается очень скоро и настроение, и степень культуры общества.

Н.И. Пирогов. Дневник старого врача

Быть может, извозчики, быть может, лакеи сообщают мемуаристу о том, что сказал в такой-то ситуации Николай, или Назимов, или граф Строганов. Что-то они сами где-то слышали, а если и не слышали, то лакейское изображение дорисовывает все, что, казалось бы, закрыто для постороннего глаза и запрещено к публичному свидетельствованию. Откуда, к примеру, столь замечательный анекдот?

... Сергей Михайлович Голицын, называвшийся «последним московским баринном». Это был человек ограниченный, самолюбивый, привыкший с ранней молодости играть первенствующую роль по своим связям и богатству, но вместе с тем очень добрый, набожный нелицемерно, имевший в себе истинно аристократические свойства...

... В гимназии мы видели его раза два или три и этим обязаны были тому, что он жил рядом с гимназией; говорят, что во время прогулки Голицыну необходимо стало как можно скорее удовлетворить естественной нужде и он, не успевши добежать до дому, побежал в гимназию и из известного места уже потом зашел в классы...

Если уж взялся писать «Историю России», то 29 томов! Если уж характеристики — так характеристики всем! Повезло тем, кто в это время был занят другими интересами или преподавал в другом городе. Те спаслись. Остальным не повезло. Соловьев был человек решения и дела. Решив, он шел как танк. По пляжу.

Хотя нет, пожалуй, один спасся. Это был Попов, гимназический учитель по русскому языку. Он прямо назвал Соловьева гением (правда, со слов самого Соловьева), за что был удостоен «высочайшей награды» — отсутствием в его адрес вообще какой-либо оценки. Меньше чем «гений» произносить было нельзя. Вот, к примеру, Голохвастов заявил про докторскую диссертацию Соловьева:

Это такая книга, что при прочтении каждой страницы я мысленно с почтением кланяюсь автору.

Наивный! Он думал, что это его спасет! И прекрасно соловьевский танк гусеницами прошелся по Дмитрию Павловичу, да еще несколько раз.

Для характеристики своих коллег-преподавателей Соловьев чаще всего использует слово «бездарный». Если это заявлять неудобно или просто для того, чтобы не повторяться, он начинает характеризовать нравственность.

Оболенский был человек знающий, охотник читать, заниматься, но бездарный и полусумасшедший.

Я упоминал о Крылове. Это был человек с большими способностями, с головою необыкновенно светлую, с блистательным даром изложения, художественного, пластичного, с оригинальностью, странностью в речи, которая нисколько не вредила, однако, благоприятному впечатлению, ею производимому.... Не имея никакой нравственной основы, Крылов, разумеется, был способен на всякое безнравственное дело.

При мне инспектором был Михайло Игнатъич Беяков... Это был человек неглупый и распорядительный, но желчный и грубый...

... главный начальник гимназии, директор Окулов. Этот человек был известен в Москве разгульною, развратною жизнью, мотовством, искусством рассказывать анекдоты, преимущественно непристойные, при этом добрейший, приятнейший человек в обществе, не делавший никому зла.

...Это был человек трудолюбивый, но бездарный и тупой (о Лешкове).

При этом сам Соловьев, безусловно, себя считал выше возможности получения подобного рода оценок.

...я плохо занимался латынью, плохо отвечал на экзаменах в Петровском монастыре; отец видел, что я занимаюсь, целый день сижу с книгами, но знаю не то, что требовалось в духовных училищах, и наконец решился выписать меня из духовного звания и определить в гимназию. И здесь в самом начале произошло сильное препятствие вследствие моего беспорядочного воспитания: я изумил учителя истории и географии моими познаниями, но оказался крайне слаб в математике, к которой питал сильное отвращение с самого начала и во все продолжение моего учения. Меня едва приняли в третий класс.

Много интересного можно было бы почерпнуть в «Записках» психологу. Или психиатру. Но чтобы заключить свою «критику на критику» чем-нибудь возвышенным, скажу следующее.

Есть люди, которые в жизни много написали. Помимо Соловьева это, например, Лев Толстой, Карл Маркс, Агата Кристи.

Есть люди, которые написали меньше. Например, Пушкин, Гоголь, Артур Конан Дойль.

Есть люди, которые написали совсем мало. Например, Лобачевский, Грибоедов, Эварист Галуа. Петр Павлович Ершов написал, к примеру, кроме нескольких стихотворений всего лишь одну сказку.

Сравнивать вклад тех или иных персон в «сокровищницу общечеловеческой души» — не наше дело. Каждый в этом винограднике получит свой динарий, пусть даже и очень обидно бывает тем, кто всю жизнь трудился, получать, как им кажется, меньше «баловней счастья».

К одному из таких «баловней счастья» относился, вероятно, и Иван Васильевич Киреевский, получивший такую характеристику Соловьева:

...Иван Киреевский — человек даровитый, крайний западник вначале, потом круто повернувший в противоположную сторону вследствие перемены религиозных убеждений. Его славянофильство ограничивалось сферою философскою и религиозною. Как прозелит относительно христианских убеждений, он враждебно стал смотреть на нерелигиозное движение мысли в просвещенном человечестве, вывел, что такое движение коренится в свойстве западных народов, в их церковных условиях и что соглашение мысли с чувством должно произойти у народов, к восточной церкви принадлежащих; как это должно произойти, этого уяснить для себя он не мог и потому должен был ограничиться одною скудною отрицательной деятельностью,

вооружаться против западной философии, толковать о возможности православной философии.

К этим — не скажу мыслителям, но мечтателям, поэтам и дилетантам науки....

Я по-другому оцениваю творчество Ивана Киреевского, но слава Богу, что еще так написано. Брат его, к примеру, вообще даже и «не был даровит, не был умен, не имел никакого характера...». Да и площадных оскорблений нет. Так, «морковный кофе».

Иван Васильевич Киреевский умер в 1856 году. Похоронили его у алтаря соборного храма Оптиной пустыни. По благословению его духовника на подножии креста были высечены слова «Премудрость возлюбих и поисках от юности моя... Познав же, яко не инако одержу, аще не Господь даст... приидох ко Господу.»

Этот текст взят из восьмой главы неканонической книги «Премудрости Соломона», одной из самых красивых в Библии. В ней говорится о премудрости: «Я полюбил ее и взыскал от юности моею». Соловьев в эпиграфе вызывает другую аллюзию: «в трудах от юности моя...».

Может быть, здесь есть выпад, протест; может быть — просто чисто человеческое желание указать на особенность своей жизни. Что ж, уважаемая особенность. Хотя предполагаемый автор «Премудростей», который написал за свою жизнь несравнимо меньше, чем Соловьев, говорил об этой особенности какие-то странные вещи:

Ибо что будет иметь человек от всего труда своего и заботы сердца своего, что трудится он под солнцем? Потому что все дни его — скорби, и его труды — беспокойство; даже и ночью сердце его не знает покоя. И это суета!

Видел я также, что всякий труд и всякий успех производят взаимную между людьми зависть. И это — суета и томление духа.

Виновен ли Н. И. Пирогов в распространении клеветы на Уварова?

Пропал у одного человека топор. Подумал он на сына своего соседа и стал к нему приглядываться: ходит как укравший топор, глядит, как укравший топор, говорит, как укравший топор, — словом, каждый жест, каждое движение выдавали в нем вора.

Но вскоре тот человек стал вскапывать землю в долине и нашел свой топор. На другой день снова посмотрел на сына своего соседа: ни жестом ни движением не походил он на вора.

Лецзы. Перевод Л. Позднеевой

Слово литература — «дышащее». Мы понимаем его то уже, то шире, в зависимости от настроения. И если бы кто-то намерился создать «золотой фонд русской литературы» в широком смысле этого слова, то, я не сомневаюсь, этот фонд включал бы «Дневник старого врача», написанный Николаем Ивановичем Пироговым.

Какая-то таинственная связь есть между воспоминаниями Соловьева и Пирогова. Обе книги написаны людьми незаурядными, уважаемыми и уважаемыми заслуженно. Обе книги достаточно значительны по объему и охватывают значительный промежуток времени. Написаны они почти современниками, хорошим русским языком, живо и эмоционально. И у обеих книг подзаголовки. Подзаголовок в воспоминаниях С.М. Соловьева мы уже упоминали. Аналогичный и у «Дневника старого врача»: «писанный исключительно для самого себя, но не без задней мысли, что, может быть, когда-нибудь прочтет и кто другой». Однако насколько чтение воспоминаний С.М. Соловьева вызывает растерянность, настолько чтение дневника Н.И. Пирогова вызывает почтение к автору.

Написаны эти записки, по-видимому, частями, в разное время, причем основная часть — в конце пятидесятых годов. В России к этому времени писали, издавали (и, более того, читали) дневники, воспоминания и автобиографии в большом количестве. И, тем не менее, дневник Николая Ивановича Пирогова под названием «Вопросы жизни», который был опубликован в восьмидесятые годы после смерти великого хирурга, начинается с почти риторического вопроса: — Отчего так мало автобиографий? Отчего к ним недоверие? Оттого, наверное, так мало автобиографий, что их трудно писать. Написать о себе не-

простое дело и немного можно назвать авторов, которые удачно справились с этим, если мы только можем использовать в данном случае слово «удачно». Стоит только отойти от вопросов, которые сотрудник отдела кадров изложит лучше самого «испытуемого», как появляются слова «внутренний мир», «правда жизни», «мировоззрение», которые звучат часто и представляются достаточно понятными лишь пока вы не взяли перо и бумагу и не начали примерять эти слова на себе. Даже рядом с такими уважаемыми именами, как Абеляр, Челлини, Руссо, Толстой, присутствует некоторое «недоверие» (хотя бы в смысле расстановки акцентов), оправдываемое иногда словами «художественный вымысел», «позиция автора» и тому подобными выражениями.

Да и сам Пирогов вряд ли рассматривал свою книгу как автобиографию. Лучше назвать этот жанр более неопределенным словом — мемуары. Или воспоминания, основанные на дневниковых записях. Размышления умного человека, которому есть что сказать. Впрочем, пара страниц, в которых описывается встреча с Уваровым, — это скорее дневниковая запись, живая зарисовка.

Николай Иванович Пирогов родился в 1810 году, то есть был на десять лет старше Соловьева и на двадцать с лишним лет младше Уварова, в тридцатые годы был послан на стажировку за границу и по возвращении встречался с министром. Вот как описывает сам Пирогов этот эпизод в своих записках.

За несколько времени до нашего отъезда мы получили от министерства Уварова запрос: в каком университете каждый из нас желал бы получить профессорскую кафедру? Я, конечно, отвечал, не запинаясь: в Москве, на родине; уведомил об этом и матушку, чтобы она заблаговременно распорядилась с квартирою и т.п.

Уже был настоящий зимний путь, когда я отправился из Дерпта в С. — Петербург. В Петербург приехав ночью, я не знал, куда деваться. Ямщик возил меня по разным заезжим домам и гостиницам часа три, и нигде не находилось порожнего номера. Я приходил в отчаяние уже, как наконец, — не знаю, в каком-то захолустьи нашлась одна комната с голою кроватью, прикрытою рогожей. Я, как вошел в этот притон, так и повалился на кровать, не раздеваясь, в енотовой шубе Леви и в моей зеленой оригинальной шапке. Повалился и заснул. На другой день, с помощью д-ра Штрауха, я отыскал себе комнату с маленькою прихожею, вверху, в 3-м этаже, в доме Варварина, у Казанского собора. Помещение было довольно порядочное, но вход с улицы отвратительный: лестница узкая, грязная, залитая замерзлыми помоями и ночью темная.

Министр Уваров принял меня утром одного у себя в кабинете и не заставил долго ждать. Он был уже совершенно одет, за исключением фрака, вместо которого был надет шелковый халат. Время моего представления министру совпало с двумя событиями, составлявшими предмет разговоров и сплетен в Петербурге. В это время был при смерти болен Шереметев, и по рукам ходили стихи Пушкина; читая их, всякий узнавал в умирающем Лукулле Шереметева, а в жадном наследнике, крадущем дрова и накладывающем печати на наследство, — С. С. Уварова.

Второе же составляло появление Уварова в доме Фан-дер-Флита и основанная на этих посещениях связь с красавицею-дочерью. Может быть поэтому, а может быть и напрасно, мне показался министр чем-то озабоченным и как бы рассеянным.

По крайней мере, речи его, обращенные ко мне, были несвязны. Не сказав мне ни полслова о том, почему я, воспитанник московского университета, объявивший, по его же требованию, о своем желании иметь профессуру в Москве, остался за штатом, — министр начал хвалить меня, говоря, что слышал обо мне с разных сторон хорошие отзывы. Почему же бы, казалось, ему нельзя было несколько повременить и не отдавать мне назначенного места другому? Потом Уваров начал бранить студентов дерптского университета и превозносить профессоров.

Впоследствии я узнал причину и порицания, и похвалы. Уваров, поступив на место кн. Ливена, отправился, едва ли не прежде всего, в Дерпт, прикинулся другом немцев, говорил, что и университет, и старая библиотека, и все в городе напомнило ему то незабвенное время, когда он штудировал классиков в геттингенском университете. Вероятно, восхищению его не было бы конца, и он с ним так и уехал бы в С. — Петербург, если бы не приключился ночью того же дня студенческий скандал, впрочем весьма невинного содержания.

Уваров остановился в квартире, назначенной для попечителя (которого еще тогда не было), на рынке. Ночью не спалось министру, и на рассвете, услышав шум на улице, он вышел на балкон. В это время проходило по рынку несколько подгулявших на коммерше студентов, и двое из них, увидевши стоящего на балконе господина в ночной одежде с лорнетом в руке, вынули ключи от дверей своих квартир, навели их и стали смотреть на балкон через кольцо ключа, заменив им лорнет. Это ужасно не понравилось Уварову, полагавшему, что его приезд и расточаемые им похвалы должны были привлечь к нему все сердца *Dorpatenser'ов*.

Вот и причина, почему Уварову не нравились именно студенты.

А теперь вот и причина, почему он так возлюбил профессоров.

Этот рассказ сообщил мне впоследствии (в 1838г.) Мойер.

Астроном Струве, знаменитый не по одним своим наблюдениям и открытиям в области астрономии, но и своими необыкновенно чуткими житейскими способностями, хлопотал в начале министерства Уварова об обсерватории в Пулкове. Надо было, во что бы то ни стало, расположить Уварова в свою пользу. Струве воспользовался для этого приездом министра в Дерпт. Уваров посетил утром, по приглашению Струве, дерптскую обсерваторию. Главным делом был, конечно, знаменитый в то время рефрактор дерптской обсерватории.

— К сожалению, — говорит ему Струве, — все это время стоит погода плохая, и потому я не осмелился утруждать вас посмотреть в наш рефрактор ночью; теперь же взглянуть в него можно разве только для того, чтобы составить себе понятие о чувствительности инструмента к малейшему движению.

Уваров остановился и смотрит.— Позвольте, однако же, — говорит он: — я что-то вижу; мне кажется, звезду.

— Не может быть, *Nohe Excellenz!* — восклицает Струве.

— Да вот, посмотрите сами, — возражает Уваров. Струве, в свою очередь, смотрит, молчит, еще смотрит, и, приняв изумленный и восторженный вид, громко зовет:

— Позвольте принести вам мое поздравление, *Nohe Excellenz!* вы сделали открытие. Необыкновенно, непостижимо, как это случилось, что вам суждено было уви-

деть в первый раз одну из неизвестных еще неподвижных звезд; отныне она будет включена в список новооткрытых неподвижных звезд.

И в этот же вечер, в собрании профессоров на ученом вечере, куда был приглашен и министр, Струве читал о новооткрытой его высокопревосходительством неподвижной новой звезде.

Не знаю только, окрестил ли ее Струве именем Уварова, как окрещен этим именем один минерал (уваровик), или новая звезда осталась безымянною. Уваров, конечно, был на седьмом небе, и не воображал, да и не хотел воображать, что он вовсе не был случайным открывателем, а звезда была уже прежде подмечена тонким дипломатическим гением Струве.

После разных прелюдий о необходимости исправления нравственного быта дерптских студентов, оказавшихся в последнее время образцами нравственности для других русских студентов, — Уваров, ни с того, ни с сего, обращается ко мне со следующей напутственной речью:

— Знайте, молодой человек, при вступлении вашем на новое поприще, что министр народного просвещения в России — не я, не Сергей Семенович Уваров, а император Николай Павлович. Знайте это и помните. До свидания!

Вот тебе на! не он, а государь — министр народного просвещения! Что бы это значило? К чему это он мне такую штуку всучил?

Н.И. Пирогов. Записки старого врача

Пирогов напоминает читателю скандал, связанный с пушкинской «Одой Луккуду», и эхо этого скандала окрашивает все изложение, придавая ему ироничный по отношению к Уварову оттенок.

Одновременно тем самым Пирогов как бы оправдывается в известной неблагодарности: именно уваровское министерство послало молодого врача для продолжения образования за границу, следило за его устройством по возвращении. Сам же Уваров принял молодого ученого немедленно по прибытию, разговаривал с ним любезно.

Что касается встреч Уварова с Василием Яковлевичем Струве, то взаимное уважение было очевидным и обоснованным. Уваров покровительствовал Струве еще когда тот избирался членом-корреспондентом АН, затем, в 1828 году, — Почетным академиком, а в 1832 году (то есть а за три года до описанного случая) — академиком. Струве не нужно было располагать министра в свою пользу по принципиальному вопросу об основании Пулковской обсерватории. Решение об этом было уже принято, и строительство уже началось. Архитектором строительства был назначен Александр Брюллов. Думаю, что Уваров не меньше Струве хотел, чтобы она была удобна для работы и оснащена наилучшим образом. 17 июля 1834 года (то есть за год до описываемых Пироговым встреч), Струве пишет Секретарю Академии П. Фуссу:

Вы не поверите, как рассматривается за границей основание Пулковской обсерватории — как событие, беспрецедентное в развитии науки, и потому оно возбудило участие, далеко превосходящее все, что я мог себе представить.

Отчасти о спектре проблем можно судить по письмам Струве к Уварову, которые были опубликованы в издании «Ист. — астр. иссл., 1960, вып. 6, 401-416.» Так что речь должна была идти не о «расположении министра», а о почтительном отношении друг к другу двух людей, понимающих не только друг друга, но и дело, которым занимались.

Про звезду с именем Уваров я ничего не знаю, вполне возможно, что такая и существует, а вот минерал «уваровит» видел. Красивый, ярко-зеленый минерал со «щеточкой кристаллов».

Фраза про императора в роли министра народного образования явно искажена и не привязана к месту речи и обстоятельствам. Если Уваров хотел подчеркнуть, что многое в преобразованиях, сделанных в то время, входило в намерения императора, им поддерживалось и направлялось, то я согласен с этим. Кстати говоря: зайдите в Интернет и взгляните на современную трактовку истории строительства Пулковской обсерватории. Это просто иллюстрация обсуждаемой фразы. Император Николай I встречается здесь несравнимо чаще, чем министр просвещения. Ну, что ж, Николай Павлович по праву гордился обсерваторией. Или учреждение медицинского комитета при Министерстве народного просвещения в 1841 году. Разве это не политика Николая I?

Но были еще и «мелочи». Например, после того, как выяснилось, что место в Москве, на которое рассчитывал Пирогов, было отдано его другу Федору Ивановичу Иноземцеву, Пирогову было предложено занять кафедру в Дерпте.

Между тем до меня доходили слухи, что выбор меня в совете был бурей в стакане воды. Против меня восстали преимущественно теологи. Говорили, что дерптские богословы открыли какой-то закон первого основателя дерптского университета, Густава-Адольфа шведского, по которому одни только протестанты могли быть профессорами университета.

Существовал ли такой закон, или нет, Бог его знает; но при Николае Павловиче на него нельзя было ссылаться. Это понимали, вероятно, не хуже других и дерптские богословы.

Тем не менее, однако же, яблоко раздора было кинуту, и советские споры длились до конца февраля 1836г. Наконец, в марте я получил известие о моем избрании в экстраординарные профессора.

Наверное, без политики Николая Павловича Пирогов не смог бы остаться в Дерпте.

Молодой человек был, естественно, расстроен тем, что не получил кафедру в Москве, однако следует сказать, что во-первых, обещания со стороны уваровского министерства не было. Был лишь официальный министерский запрос, который направлялся каждому из молодых стажеров. Можно представить себе, например, что и Федор Иноземцев получил такой же запрос и ответил также желанием отправиться в Москву. Мы об этом ничего не знаем.

Во-вторых, попечитель московского учебного округа граф С.Г. Строганов имел в этом деле (да и обязан был иметь) свое мнение и, возможно, свои планы,

относительно тех молодых врачей, которых он хотел бы иметь под своим попечительством.

Уваров и Строганов — два характернейших представителя классической аристократии. Наверное, существовала известная ревность и в представлении о том, как лучше организовать дело, но можно понять Строганова, который не считал себя уж во всяком случае аристократом ниже уровня, но вынужден был находиться в постоянном подчинении к Уварову с тех пор как последний стал министром. Были ли чувства Строганова и членов его семьи, по отношению к Уварову враждебными? Судя по запискам Соловьева — да. Но я в этом сомневаюсь. Во всяком случае демонстративно враждебными они не были. Но известная ревность, язвительность на уровне обеденных разговоров составляли, по-видимому, существенную часть той питательной среды, которой пользовался испорченный телефон молодого Соловьева. Может быть из-за того, что Пирогова поддерживал сам Уваров, а, может быть, и из-за осознания того, что он нехорошо с ним обошелся, а, может быть, и просто вследствие своего воспитания, но принял Строганов Пирогова плохо.

Однажды, в бытность мою в Москве, товарищи посоветовали мне сделать визит попечителю Строганову, уверив меня, что это будет ему очень приятно. Я решился; но Строганов принял меня, профессора другого университета, так, как будто он стоял предо мною на высоте трона, — стоя, не пригласив сесть, — за что я и сам стал на дыбы, отвечал отрывисто, прекратил разговор почти на середине, расклялся и ушел.

Пирогов. Дневник старого врача

Так или иначе, но оценивать ситуацию по дневниковой записи молодого человека, который не обладал полной информацией, можно лишь по итогам. А в итоге каждый из молодых людей (Пирогов и Иноземцев) оказался на своем месте и оба заслуженно и достойно вписали свои фамилии в историю отечественной медицины. Пирогов провел несколько лет в Дерпте, и, судя по всему, полезно. Ездил на несколько месяцев во Францию, а затем уже был направлен в Петербург, где начался новый и весьма плодотворный этап деятельности молодого (тридцатилетнего) врача.

Похоже, что и Уваров и Строганов продумывали не только для Иноземцева и Пирогова, но и для каждого из молодых людей, которые оказались в поле их покровительства, первые назначения в их карьере, отдавая, разумеется, должное и случайностям и посторонним обстоятельствам, но чуть в меньшей степени, чем этого хотели бы обстоятельства.

Пара рассмотренных эпизодов из дневника Пирогова — это лишь живые записи молодого человека с непосредственно-наивной оценкой тех людей, с которыми ему приходилось иметь дело.

Таким образом, подводя итог, я не могу сказать, что дневник Пирогова говорит против Уварова. Если убрать создаваемый «пропавшим топором» фон насмешливости, то он, скорее, «свидетельство защиты».

Виновен ли Филипп Филиппович Вигель в распространении клеветы на Уварова?

*Неистоимой клеветою
Он провиденье искушал;
Он звал прекрасное мечтою;
Он вдохновенье презирал;
Не верил он любви, свободе;
На жизнь насмешливо глядел —
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.*

А. С. Пушкин

*Роль поджигателя была очень веселая, не совсем
уважения достойная, но как быть? Дело от безделья.*

Ф.Ф. Вигель. Записки

Филипп Филиппович родился в 1786 году, то есть был ровесником Уварова, вместе с ним и Пушкиным участвовал в знаменитом литературном кружке «Арзамас», а следовательно, его мнение уже не было вторичным. Более того, он был не просто «свидетелем», а участником или, прямее сказать, — одним из создателей и дыма, и огня.

«Воспоминания» Вигеля публиковались в шестидесятых годах с цензурными купюрами, а в конце XIX века в более полной версии. По сравнению со вторым изданием купюр не так уж и много, но они характерны. Вот несколько отрывков, которых нет в подцензурном издании:

О 100 днях Наполеона:

*Неугомонным, вертлявым Французам между тем успел уже надоесть их
горазумный, важный и толстый король, со своею подагрой и бархатными са-
погами: он сделался предметом их беспрестанных насмешек; в то же время их
краснобаи в камерах пользовались безнаказанно правом им данным болтать
с дерзостью.*

Об Александре Ивановиче Тургеневе:

Весной того же года решился, наконец, Жуковский приехать в Петербург на житье. Ему предшествовала выросшая его знаменитость, и он особенно милостиво был принят у вдовствующей императрицы, которая любила в нем певца обожаемого ею, могущественного, препрославленного сына своего. Несмотря на новый образ жизни, Петербург не мог показаться ему чужбиной: недра дружбы ожидали его в нем. Тищеславный и ленивый Тургенев, который выслуживался чужими трудами и плел себе венок из чужой славы, конфисковал его в свою пользу и дал ему у себя помещение.

О князе Петре Михайловиче Волконском:

Главная, единственная добродетель Волконского была собачья верность.

За французов и Александра Ивановича Тургенева не буду заступаться, а вот про князя Волконского скажу, что у него были и другие добродетели.

В Аустерлицком сражении князь Волконский оказал достоинства, кои при несчастии более видны, нежели при счастливом сражении. Он не только отличался храбростью, но благоразумием и сохранением всего нужного при подобных случаях хладнокровия, способствуя под самым огнем неприятельским троекратно к сборанию людей Фанагорийского и Рязского полков, с которыми и мог я в некотором порядке ретироваться.

М.И. Кутузов. Из донесения императору Александру

Карьера Волконского — одна из самых ярких и достойнейших в истории России. Но она заслуживает отдельного разговора. Карьера и мемуары Вигеля, на мой взгляд, того не заслуживают, но я вынужден вернуться к ним.

Вигелю не было еще и семнадцати лет, когда он впервые приехал в Петербург с письмом от родителей к князю Куракину.

Бывший вице-канцлер принял меня, по обыкновению своему, чрезвычайно ласково, расспросил о родителях, о службе ни слова, и пригласил на другой день на вечер...

...Всего несноснее, всего досаднее показался мне один весьма красивый мальчик, самонадеянный, заносчивый, многоречивый, который громогласно, без всякого милосердия, рассуждал о французской литературе и театре: это был нынешний министр Уваров. Те, кои от самолюбия застенчивы, поймут, как мучителен для меня был этот вечер.

Можно понять состояние души молодого человека, бережно хранившего его (это состояние души) всю оставшуюся жизнь. Следующий раз эти молодые люди встретились уже значительно позже — более чем через десять лет,

на заседаниях «Арзамаса», но чувство уже повзрослевшего человека осталось столь же молодым.

На этом вечере, в кругу не весьма обширном, мог я ближе разглядеть одного молодого еще человека, которого дотоле встречал в одних только больших собраниях. Щеголяя светскою ловкостью, всякого рода успехами и французскими стихами, Сергей Семенович Уваров старался брать первенство перед находящимися тут ровесниками своими, и его откровенное самодовольствие несколько смирялось только перед остроумием Блудова и исполненным достоинства разговором Дашкова. Мне показался он нестерпим. Человек этот играет важную роль в государстве; он дает направление образованию всего учащегося юношества, и благо или зло, им посеянное, отзовется в потомстве. Вот почему я полагаю, что всякая подробность, относящаяся до происхождения его, характера, жизни, достойна внимания этого потомства и заслуживает быть ему передана.

Ф.Ф. Вигель. Записки

Естественно, невзлюбил! И это чувство, похоже, было взаимным.

... ибо в первом заседании я не участвовал: Уваров забыл или не хотел пригласить меня на него. Удивленные моим отсутствием, все другие члены изъявили желание видеть меня между собою.

Думаю, что «не хотел». Но зачем было Вигелю писать мемуары, если в них нельзя отвести душу. Заметить нечаянно, что с Жуковским на дружеской ноге, родственник самому Загоскину и, кроме того, все члены-учредители «Арзамаса» немедленно требуют его самого к выходу. А как приятно отомстить неприятному гордецу. И уж отомстил. Недаром Уваров боялся арзамасского Ноздрева. Из всех членов арзамасского кружка никто не ушел от получения «биографической справки», но Уварову досталась наиболее подробная.

У одного богатого дворянина древнего рода, Ивана Головина, женатого на одной бедной Голицыной, сестре обер-егермейстера князя Петра Алексеевича, было две дочери. Старшая, Наталия, смолоду красавица, вышла за упомянутого мною не раз князя Алексея Борисовича Куракина. Меньшая, Дарья, следуя ее примеру, искала также блистательного союза...

Даже в случае эскалации неприязни есть вещи, которые делать или говорить не следует. Родителей принято вспоминать, если ты относишься доброжелательно к человеку. То объяснение, что вниманию потомства дороги подробности, является со стороны Вигеля лишь уловкой.

Головина-Голицина была не «бедной» уже хотя бы потому, что была замужем за «богатым» Головиным. Ее старшая дочь, Наталья Ивановна, была за-

мужем за Куракиным и родила ему сына, Бориса, который был на два года старше Сергея Семеновича, и двух дочерей. Другая дочь, Дарья не «искала блистательного союза», а вышла замуж за достойного человека, который погиб, когда она вынашивала второго сына, Федора. Дарья Ивановна, пережив гибель мужа, прекрасно воспитала обоих сыновей. Читаем Вигеля далее.

У князя Потемкина был один любимец, добрый, честный, храбрый, веселый Семен Федорович Уваров. Благодаря его покровительству, сей бедный рядовой дворянин был флигель-адъютантом Екатерины и под именем вице-полковника начальствовал лейб-гренадерским полком, коего сама называлась она полковником. Он мастер был играть на бандуре и с нею в руках плясать вприсядку. Оттого-то без всякого обидного умысла Потемкин, а за ним и другие прозвали его Сеней-бандуристом. Приятелей было у него много; они сосватали его... Во время короткого знакомства моего с г. Уваровым мне случилось с любопытством смотреть на портрет или картину, в его кабинете висящую. На ней изображен человек лет тридцати пяти, приятной наружности, в простом русском наряде с бандурою в руках, но с бритую бородою и с короткими на голове волосами. На нескромный вопрос мною о том сделанный, отвечал он сухо: «Это так, одна фантазия». Я нашел, однако же, что на эту фантазию чрезвычайно похож меньшей брат его, Федор Семенович. Рано лишился Уваров отца своего.

Полк, которым командовал Семен Федорович Уваров был основан в 1756 году, а в 1775 году, 10 июля, в день празднования мира с Турцией Екатерина II повелела: «В честь и уважение к пехоте армии Российской 1-й гренадерский полк, как первый по его степени, так и всегда отличавшийся воинской дисциплиной и храбростью, именовать Лейб-гренадерским полком».

Семен Федорович умер в 1788 году во время похода, в Финляндии, в самом начале Русско-шведской войны. Ему не исполнилось еще 36 лет, а его старшему сыну было два года. До этого полком командовал, например, Семен Романович Воронцов. В самом конце XVIII века некоторое время командиром служил Абрам Андреевич Боратынский — отец поэта.

Вигель был «вхож» в кабинет Уварова просто потому, что у Уварова в доме проходили заседания «Арзамаса». Но тот уже чувствовал, что имеет дело с человеком, который ради красного словца не пожалеет чужого отца (так и случилось). Потому и ответил сухо.

Насмешливое прозвище отцу Уварова дал не Потемкин, а те, кто составлял в то время бесчисленные анекдоты о Потемкине, Суворове, Екатерине II, Суворове и многих других. В России любят персонифицировать анекдотические ситуации, однако историку следует различать, где Чапаев, а где анекдот про Чапаева. На портрете действительно Семен Федорович был изображен с бандурой. Ну да. И что ж? Актер Высоцкий изображался всегда с гитарой. Физик Фейнман, автор многотомного учебника, с барабаном. На одной из акварелей великой княгини Ольги Александровны изображен сидящий унтер-офицер с бандурой в руках. Это естественно. Бандура — самый ста-

ринный из известных русских инструментов. Звучит он весьма симпатично, если уметь играть.

Не люблю, чтобы моя главная квартира походила на монастырь: веселость солдата ручается за его храбрость.

М.И. Кутузов

Нужно иметь чувство юмора на уровне плохо воспитанного тинэйджера, чтобы превратить это в насмешку. Да еще «без всякого обидного умысла.» Так, «подробностей ради».

Впрочем, все это неважно. Логика тут ни при чем. Например, я могу сказать, что у Вигеля нос. Ну, нос и нос. Без всякого обидного умысла. Просто всякая подробность, относящаяся до происхождения его, достойна внимания потомства и заслуживает быть ему передана. Я ведь не говорю, что он сует его, куда не следует. Двигаемся дальше.

В родстве с Куракиными да с Голицыными, воспитанный на знатный манер каким-то ученым аббатом, он спозаранку исполнился аристократического духа. Признанный вельможею, любимец двух императоров — Павла и Александра, дальний родственник его, Федор Петрович Уваров, дал новый блеск мало известному дотоле его фамильному имени. Мальчик был от природы умен, отменно понятлив в науках, чрезвычайно пригож собою, говорил и писал по-французски в прозе и в стихах, как настоящий француз; все хвалили его, дивились ему, и все это вскружило ему голову. Семнадцати лет не боле попал он ко двору камер-юнкером пятого класса.

Итак, Уваров спозаранку исполнился аристократического духа, после чего с аппетитом позавтракал, поговорил по-французски с аббатом, а затем сел учить немецкий, английский, греческий и заниматься науками. Про этом под руководством какого-то там аббата. Звали аббата Манген. Это имя встречается в книге А.Н. Пыпина «Религиозные движения при Александре I» как имя одного из деятелей Библейского общества, входящего в его комитет, но имена остальных преподавателей не сохранились. Во всяком случае они мне не известны. Разумеется, в значительной степени это образование было «нерусским». Такое встречается и сейчас. В европейских странах, например, в Италии, можно встретить объявления такого содержания: «Для общения с группой воспитанников приглашается одинокая англичанка, не знающая итальянского языка». При этом незнание языка подчеркивается. Подобное образование получили, например, дети другого военного, бывшего командиром того же Лейб-гренадерского полка после С.Ф. Уварова, — Абрама Боратынского. Его сын вспоминал впоследствии о своем «аббате», итальянце Джьянчито:

*Ты счастлив был, когда тебе кое-что дал
Почтенный, для тебя богатый генерал,*

*Чтоб, в силу строго с тобою договора,
Имел я благодать нерусского надзора.
Благодаря богов, с тобой за этим вслед
Друг другу не были мы чужды двадцать лет.*

Евгений Боратынский. Дядьке-итальянцу

Образец другого отношения к воспитанию подобного рода предоставил нам сам мемуарист. В 1798 году он был отдан в один из воспитательных пансионов в Москве, чтобы получить полуанглийское образование.

Рассуждая, что мне предназначено быть светским и военным человеком, а не ученым и юристом, сестра моя нашла, что действительно лучше отдать меня к французам. Видно, на роду у меня было написано не получить основательного образования...

...Был также и мусью Форсевиль; он принадлежал к тому роду незаметных мужей, коих существование поглощается и исчезает в великой знаменитости супруг, как муж 2-жи Жоффрен или 2-жи Каталани. Заведение находилось под его фирмой, но в нем почти ни во что он не мешался. Он мало выходил из своей каморки, прозванной кабинетом разве только потому, что в ней находился маленький шкаф с двумя дюжинами каких-то книг, прозванный библиотекой. Тут не было ни письменного столика, ни даже чернильницы, а одни станки да пилы, буравы, все принадлежности токарной и столярной работы: все было засорено стружками и опилками, и все обличало присутствие более мастерового, чем грамотного человека. На природном языке говорил он как простолюдин, зато уверял, что весьма хорошо знает английский, и взялся два раза в неделю учить меня оному. Недостаток ли в его знании или в моих способностях был причиною, что я никаких успехов не сделал. Он был совершенный сморчок, старичишка добрый, по крайней мере для меня; доверенность его ко мне до того простиралась, что из учеников я только один имел вход в так называемый кабинет его, где таинственно предавался он своим занятиям. Он долго жил в Англии и всегда предпочитал ее своему отечеству; теперь я уверен, что он там был ремесленником. Бог весть, как занесло его к нам и как встретился и совокупился он с французенкой, в России родившеюся, хотя безграмотною, но досужею и проворною бабой. Обо всем он говорил равнодушно, кроме Англии; самая покорность его супруге, кажется, была не что иное, как следствие уважения его к той земле, где королевы женятся.

Вернувшись к Уварову, заметим, что Федор Петрович Уваров действительно родственник Сергея Семеновича, герой Отечественной войны, достойнейший человек, однако «фамильное имя» в дополнительном блеске не нуждалось. Уваров был умен, и, видимо, «от природы». Понятлив, но как можно быть умным, но не быть понятливым, я не знаю. Наверное, симпатичен, как симпатичны все нормально развивающиеся и «умные» дети, но детский портрет самого Уварова не сохранился. Существует портрет его сына, написанный И.К. Каневс-

КАНЕВСКИЙ И.К.
Портрет А.С. Уварова в детстве.
1833

ким. На нем изображен восьмилетний мальчик, с умным спокойным и действительно симпатичным лицом, сохранивший черты и матери и отца.

Далее дадим слово самому Уварову:

Я с детства посвятил себя придворной службе на дипломатическом направлении: мой брат — военной службе. Мы начинали в первые годы правления Александра. Уже в 1803 году я был представлен тогдашнему министру князю Чарторыжскому, который меня полюбил и привлек к делам. В 1804 я стал камер-юнкером. В начале 1807 года я прибыл в Вену в качестве атташе при императорском посольстве. Там я провел два с половиной года, которые были счастливейшими в моей жизни... В этот прекрасный период моей жизни я, собственно говоря, лишь учился — но как! — много переживая и мечтая. Когда разразилась война 1809 года между Францией и Австрией я вернулся в Россию в августе 1809 года и был назначен первым секретарем посольства в Париже.

С.С. Уваров. Из автобиографии (с немецкого)

А.И. Тургенев — Н.И. Тургеневу

...Я здесь познакомился с камер-юнкером Уваровым, который весною отправляется в Париж, вместо кн. Гагарина, секретарем посольства. Прекрасный малый и прекрасный поэт. Французские стихи его часто не уступают Делилевым, иногда превосходят; сверх того, он так знает немецкую литературу, что и меня пристыдил, даже в истории. Теперь задумал об одном сочинении, которого предмет состоит в том, чтобы исследовать влияние, какое Восток или его системы религии имели на Запад, то есть на Европу: я читал некоторые отрывки о немецкой литературе и восхищался ими. Слог несравненно лучше Вилларсова, да и голова не хуже. Если случисься с ним в Париже, ступай прямо от моего имени.

СПб. 1810, 16 февраля

Можно было бы и дальше пользоваться более надежными источниками, но здесь речь не идет о биографии С.С. Уварова. Речь идет о стиле Вигеля, который, к сожалению, нам нужно далее комментировать.

Но вдруг и на него пришла невзгода. Мать его, желая обоим сыновьям своим, особенно старшему, доставить средства для поддержания себя блестящим образом в свете, за большие проценты отдала все имение свое под залог по казенному питейному откупу. Она умерла, откупщик сделался несостоятелен, страшное взыскание пало на имение, и совершенное разорение угрожало Уварову. Чтобы сохранить довольно завидное положение, в котором он находился, готов он был на все. Одна фрейлина, богатая графиня Разумовская, двенадцатью годами его старше, которая, не знаю по какому праву, имея родителей, могла располагать собою, давно была в него влюблена; а он об ней думать не хотел. Узнав о крайности, к которой он приведен, она без обиняков предложила ему руку свою, и он с радостью принял ее. Этот брак в полном смысле составил fortuna его.

Не только на Уварова приходит невзгода. Любое имение требует внимания, а воспитание детей — расходов. Проблемы с имением были и у Пушкина, и у Строганова, впрочем, они могли быть и были практически в каждой семье. У Грибоедова, у Гоголя, у Достоевского, у Льва Толстого. У каждого свои. По-своему и решались. Спрашивать, причем тут «питейный откуп», было бы бессмысленно, все равно, что спрашивать, почему в карикатуре уши оттопырены. Было бы бессмысленно, если бы не одна характерная особенность мемуаров: приписывание своим персонажам своих же отличительных черт, своих слов, своих интересов и намерений. Мемуары Вигеля «удостоены чести» быть помещенными в Интернете. Читатель может сам в поисковой системе набрать выражение «питейный откуп» и попытаться выяснить, какую роль во всех эпизодах, связанных с питейными откупами, играл сам Филипп Филиппович. То ли продавал, то ли покупал. Так, купец — не купец. Наполовину.

Ноздрев врет — ветер носит. И вот уже соревнуются почитатели его таланта. Кто что приписывает Екатерине Алексеевне Разумовской. Но даже и карикатуре нужно знать меру. Она была фрейлиной Елизаветы Алексеевны, супруги Александра I, которая, как известно, родилась в 1779 году. Когда Александр стал императором, ей было двадцать два года. Их взаимоотношения пусть останутся их личным делом, но Елизавета Алексеевна была женщиной молодой, красивой и интересной. С какой стати ей приглашать ко двору великовозрастную искательницу «блистательного союза», которой, по словам мемуариста, было уже под тридцать, совершенно непонятно.

У Вигеля об этом лучше не спрашивать, да он и не рассчитывал, что его читатель будет задавать вопросы. Это мелкие оскорбления под соусом «объективности ради и подробностей для». Даже если бы это было и так. Почему бы предмету обожания со стороны мужчины не быть старше на несколько лет, что с того? Жозефина была старше Наполеона на семь лет, жена графа Блудова была старше мужа на шесть лет. Примеров такого рода тьма. Слава Богу, в таких делах есть традиции, но нет правил, и летописец, увидевший в этом повод для насмешки, характеризует лишь самого себя.

Екатерина Алексеевна Разумовская была богатой, интересной и хорошо образованной. С портрета работы Моллиари, написанного в 1815 году, смотрит красивая молодая женщина. Пусть даже Моллиари сделал чуть-чуть губы «бантиком» в соответствии с модой того времени. Даже если носик чуть-чуть более вздернут, чем у оригинала — все равно, портрет говорит, что перед нами симпатичная молодая дама. Родилась Екатерина Алексеевна в 1785 году (в то время как Уваров — в 1786 году), то есть на портрете ей тридцать лет. В это время ее старшей дочери Александре Сергеевне уже исполнился год.

Слово «фортуна» по отношению к браку двух молодых людей применять не принято, если, конечно, нет тайного намерения внести оскорбительный оттенок. Но вот к кому это слово применимо точно, так это к самому Вигелю. Не попади он в «Арзамас», то и был бы коллежским регистратором всю жизнь.

Идя от неудачи к неудаче, я как будто привык к ним и, как Пангос, готов был сказать, что все к лучшему. Но приятели мои сильно вознегодовали: им хотелось приклеить меня к какому-нибудь ведомству, дабы оттуда вернее мог я попасть на стезю настоящей службы. Не говоря мне ни слова, поставили на ноги Жихарева, который имел связи во всех правительственных местах, канцеляриях, департаментах. Также не предупредив меня, переговорил он обо мне с Дружининым, директором канцелярии министра финансов, и в один раз привез мне и определение, подписанное министром, о причислении меня вновь к канцелярии его, и о том мою просьбу, которую задним числом заставил подписать меня. Это определение было тем особенно для меня выгодно, что в нем сказано, будто, по окончании занятий моих в пензенском комитете, возвратился я к прежнему месту служения. Итак, два года с половиною, проведенные мною в праздности, зачтены мне в службу, тогда как в министерстве внутренних дел, по милости Сперанского, почитался я два года в отставке, когда часто являлся на службу. В судьбе людей, таким образом, иногда встречаются вознаграждения.

Ну, что ж! Вигель и Жихарев встречались, и ранее и добродушный Жихарев это вспомнил.

Сюда наехали гости, большей частью старые эмигранты... но из русских было только двое: я и прелюбезный молодой человек, Филипп Филиппович Вигель, с которым мы тотчас и познакомились.

С.П. Жихарев. Дневник чиновника.
24 ноября 1806

Обедал у Лабата с графом Монфоконом и Ф.Ф. Вигелем. Зашла речь о французских трагиках. Старый эмигрант утверждал, что после Корнеля и Расина первое место по справедливости принадлежит Кребильону и что его «Радамист» несравненно выше всех трагедий Вольтера; но Вигель, опровергая его мнение, доказывал, что все трагедии Вольтера, за исключением написанных им в глубокой старости, превосходят не только другие трагедии Кребильона, но и самого «Радамиста», в котором роль Фарасмана — слабая копия с Рассинова «Митридата». Слово за слово завязался такой горячий спор, что мы не знали куда деваться. По какому-то безотчетному чувству, я не очень люблю Вольтера, но в настоящем случае, по мнению моему, Вигель совершенно прав. Несмотря на молодость свою, он очень сведущ во французской литературе, знает французский язык в совершенстве и пишет на нем свободно.

С.П. Жихарев. Дневник чиновника. 9 декабря 1806

В судьбе людей иногда встречаются вознаграждения. Но Вигель не хотел полагаться на судьбу и отблагодарил Жихарева сам.

МОЛИНАРИ А.
Портрет Е.А. Уваровой.
1815

Всех выводил я на сцену перед читателем, один Жихарев оставался в глубине ее. Теперь его очередь. Из деревни привезен был он в Московский университетский пансион и оттуда воротился опять в провинцию, где и оставался лет до восемнадцати. Он принял все ее навыки; с большим умом, с большими способностями, в кругу образованных людей, он никогда не мог отстать от них. Наружность имел он азиатскую: оливковый цвет лица, черные как смоль, кудрявые волосы, черные блистающие глаза, но которые никогда не загорались ни гневом, ни любовью и выражали одно флегматическое спокойствие. Он казался мрачен, угрюм, и не знаю, бывал ли он когда сердит или чрезвычайно весел. Образ жизни тогдашних петербургских гражданских дельцов имел великое сходство с тем, который вели дворяне внутри России. Тех и других мог совершенно развеселить один только шумный пир, жирный обед и беспрестанно опоражниваемые бутылки. Покинутую родину обрел наш Жихарев в Петербурге у откупщиков, у обер-секретарей.

Потом свел он дружбу с Шаховским и русскими актерами, что и вовлекло его в литературу и даже в «Беседу», куда был принят он сотрудником. Он принялся за труд, перевел трагедию «Атрей», комедию «Розовый черт», написал какую-то поэму «Барды»: все это ниже посредственности. Безвкусие было главным недостатком его в словесности, в обществе, в домашней жизни. У него был жив еще отец, человек достаточный, но обремененный долгами; он поступал с ним как почти все тогдашние отцы, которые к детям не слишком были учтивы и требовали, может быть, весьма справедливо, чтобы сынки сами умели наживать копейку, а Жихарев любил погулять, поесть, попить и сам попотчевать. Это заставило его войти в долги и прибегать к разным изворотам (*expédients*, как называют их французы), строгою совестью не совсем одобряемым. Дурные привычки, по нужде в молодости принятые, к сожалению, иногда отзывались и в старости. Бог весть как припелся он к моим знакомым, вероятно, через Дашкова, с которым учился; только в 1814 году нашел я его уже водворенным между ними. Я не встречал человека более готового на послужи, на одолжения; это похвальное свойство и оригинальность довольно забавная сблизили его со мною и с другими.

Но не будем перечислять все «благодарности», полученные друзьями и спутниками жизни. Не все в них подлость. Так, половина.

Должен сказать, что исследователи признают и пристрастность оценок Вигеля, и особую язвительность его стиля, но язвительность — не совсем то слово. Язвительностью, например, отличалась полемика между арзамасцами и их литературными противниками. И иногда эта язвительность переходила меру.

*Соперники другого рода,
Вы, рыцари парнасских гор,
Старайтесь не смешить народа
Нескромным шумом ваших ссор;
Бранитесь — только осторожно.*

А.С. Пушкин

ГАУ В.И.
Портрет А.С. Урусовой.
1839

Но то, что пишет Вигель, — это не язвительность, а нечто другое. Если бы Макс Шелер, написавший книгу о ресентименте, прочитал его мемуары, то, наверное, посвятил бы Вигелю отдельную главу. Впрочем, похоже, что у Шелера были другие цели.

Талантливо ли написаны мемуары? Это может быть. И даже наверное. Черты — они вообще неглупые существа и в своем роде весьма талантливы. Описывает, например, Вигель встречи с Инзовым — заместником Бессарабской области:

Наконец, решился он позвать меня к себе обедать, что после этого нередко повторялось.

Прерву цитату для того, чтобы обратить внимание на словечко «решился». Соловьев вообще многому научился у Вигеля. Замечу для тех, кто не понял, в чем дело, что Иван Никитич Инзов был почти на двадцать лет старше Вигеля. Участвовал в нескольких сражениях 1812 и 13 годов, в частности, на реке Березине, а до этого в походах Суворова и Кутузова в 1805 году. Портрет Инзова висит в Военной галерее Зимнего Дворца. Однако продолжим.

Суждения его были правильны, рассказы любопытны, и беседы наши бывали приятны для обоих. Иногда скажет он что-нибудь совсем несогласное с моими мнениями, я замолчу: с ребячества приучен я был уважать старость и не позволять себе входить с нею в споры.

Хорошо пишет. Мазками, ласково. И читается хорошо. Только рот приоткроешь от удовольствия, а тут еще один мазок — кончиком хвоста. И заметить не успеешь:

Ныне никто не даст соврать старику; даже тот, кто сам вовсе ничего не смыслит.

И далее уже другая техника слова:

Весьма неприятно мне было в Инзове отвращение его от всего отечественного, порождаемое обыкновенно заграничною мечтательностью. Он терпеть не мог наш простой народ и ненавидел его наряд.

О том, как относился к «нашему простому народу» сам мемуарист, читателю достаточно трудно будет узнать, да это и не важно. Доминирующей темой, мелодией всего повествования было отношение автора к аристократии. Куда там Чичагову!

Моральная болезнь, врожденная, хотя и не наследственная, которую ни религия, ни рассудок, ни опыт доселе совершенно излечить не могли, жестокое самолюбие, источник немногих для меня наслаждений и бесчисленных страданий в жизни, сия

болезнь в первый раз открылась во мне с некоторою силою; тогда-то заронились мне в сердце первые семена отвращения от аристократии, впоследствии столь постоянно развивавшиеся.

Может быть оттого, что патриот Вигель перед войной отказался от предложения вступить в ополчение, может быть по другой причине, но особенное внимание он уделил тем, кто отличился в этой войне. «И членам их семей». Вот одно из проявлений этого внимания:

Министром иностранных дел и государственным канцлером назначен был престарелый граф Александр Романович Воронцов. Последняя должность, которую занимал он при Екатерине, было место президента комерц-коллегии, где до того прославился он бесстыдным грабительством, что она принуждена была его выгнать, а Павел Первый никогда не хотел его употребить. К брату его, Семену Романовичу, почти двадцать лет сряду послы нашему в Лондоне, любимцы государя имели сыновнее уважение; он же сам был известен услужливостию молодым людям. Причины гонения на него были забыты, он казался жертвой, был умен, сговорчив, на все согласен и, несмотря на внутреннее и наружное его безобразие, на его неопрятность, на столь же запачканное платье, как и репутацию, занял он первое место в государстве.

Вряд ли этот текст заслуживал бы цитирования, он характеризует лишь его автора, если бы не одно обстоятельство. С сыном Семена Романовича Вигелю пришлось немало общаться. И Михаил Семенович получил большое количество «характеристик», которые привели бы в растерянность читателя, если бы не понимание того неумолимого психологического закона, который заставляет людей порочных приписывать свои пороки или свои комплексы окружающим.

Элементарный стыд мог бы быть сдерживающим фактором, но у Вигеля были своеобразные отношения с этим чувством.

О себе буду говорить мало: скромность не позволит мне хвалиться добрыми, но весьма обыкновенными свойствами, которые едва могут служить перевесом бесчисленным недостаткам или даже порокам; а стыд, который еще знали в наше время, не допустит меня открывать последних. Не имея великой славы Жан-Жака Руссо, не имею и прав на бесстыдство его.

«Врожденная скромность», тем не менее, позволяла мемуаристу писать о том, что в «Кишиневе было поветрие любить меня», что все вокруг «домогались» встреч и обедов, что граф Воронцов вообще не мог жить и работать без Вигеля. И конечно, та же «врожденная скромность» позволяла ему сравнивать себя с Руссо!

Муха и короед

Муха, ползающая по балконам на потолке, решила поиздеваться над жучком-короедом, который без усталости утра до вечера грыз дерево:

— Какое ты шумливое и назойливое насекомое, — сказала муха. — Никто тебя не видит, но все тебя слышат и о тебе говорят; ну что ты из себя представляешь!

— Я маленький, это верно, — ответил обиженно жучок, — но я хоть и из обедневшей, но благородной породы, из породы аистов. Шум, который ты слышишь, я произвожу своим клювом точно как аисты, сидящие на ветвях деревьев.

— Ну если так, — ответила слегка опешившая муха, — то знаешь, почему я летаю по воздуху? Потому, что я дочь солнца.

Леон Баттиста Альберти. Сто басен

Малые дети чувствуют иногда таких людей. Приехал Вигель в Одессу — у Воронцовых заболела дочка. Уехал — она выздоровела. Вроде бы все жили себе и в Кишиневе и в Одессе спокойно. Приезжает Вигель — и всех «трясет». Не то что Воронцова с Пушкиным! Даже молдаван с русскими успел перессорить.

Было ли в Вигеле что-либо от пушкинского «демона»? Не знаю. Дмитрий Николаевич Блудов считал, что нет.

Иные люди наделали много зла и не могут быть названы злодеями: это имя для них слишком благородно. Они не злодействуют, а только пакостят с вредом для ближнего.

Д.Н. Блудов

Более конкретно и определенно выразился Сергей Александрович Соболевский:

*Ах, Филипп Филиппыч Вигель!
Тяжела судьба твоя:
По-немецки ты — Schweinwigel,
А по-русски ты — свинья!
Счастлив дом, а с ним и флигель,
В коих, свинства не любя,
Ах, Филипп Филиппыч Вигель,
В шею выгнали тебя!
В Петербурге, в Керчи, в Риге ль,
Нет нигде тебе житья.
Ах, Филипп Филиппыч Вигель,
Тяжела судьба твоя!*

С.А. Соболевский. 1828